

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**I МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**СЛОВО,
ВЫСКАЗЫВАНИЕ,
ТЕКСТ**

Сборник научных трудов

25.09.2015

Нижний Новгород

Слово, высказывание, текст: Сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции 25 сентября 2015 г. Н.Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2015. -112 с.

В сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции «Слово, высказывание, текст» включены 24 статьи по всем направлениям филологической науки. В конференции приняли участие 25 научных сотрудников Российской Федерации и зарубежных стран. Сборник адресован ученым, студентам, аспирантам, соискателям, магистрантам, преподавателям.

Редакционная коллегия:

Плесканюк Т.Н. – главный редактор, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, член диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им Н.А. Римского-Корсакова.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Пацюкова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Кожарина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансов и банковского дела Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Сартакова Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций филиала Южно-Уральский государственного университета г. Снежинска.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

© НОО Профессиональная наука, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ Русская литература

Данилова О.Л. ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ «ЧУЖОГО МИРА» В ПОЭЗИИ Н.С. ГУМИЛЕВА	5
Петренко Н. А. ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ В РОМАНЕ П.Д. БОБОРЫКИНА «ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ»	9
Зубова Е.Н., Фёдорова О.А. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «БОРОДИНО» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	13

СЕКЦИЯ Литература народов стран зарубежья

Баранова Е.Г. КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА «ПОДЧИНЕНИЕ»	16
Падун Т. В. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК О. УАЙЛЬДА)	21

СЕКЦИЯ Теория литературы, текстология

Арпентьева М.Р. КСЕНОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	25
Добросельский В.В. ЦИФРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ И МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ, РАЗВИТИЕ	31
Зензера И.В. РАЗНОВИДНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	36

СЕКЦИЯ Фольклористика

Кривенко О.В. ПОЭТИКА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА «СОН БОГОРОДИЦЫ» В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ТРАДИЦИЙ	39
---	----

СЕКЦИЯ Журналистика

Добросельский В.В. ЖУРНАЛИСТИКА И ЦВЕТНОЙ PR	43
--	----

СЕКЦИЯ Языкознание

Литвинчук И.Н. ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	46
---	----

СЕКЦИЯ Русский язык

Коновалова И.Е. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ ГЕРОИНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА	50
--	----

Плесканюк Т.Н. ЗВУК И ЦВЕТ В ПЕЙЗАЖАХ И.С.ТУРГЕНЕВА	53
Хоменко Е.В. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОСТЕЙШИХ И КОМПЛЕКСНЫХ ЕДИНИЦ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА	56

СЕКЦИЯ Славянские языки

Дубинец З.А. ДИНАМИКА ЭВФЕМИЗМОВ В УКРАИНСКОЙ ПРЕССЕ	64
--	----

СЕКЦИЯ Германские языки

Гладких О.И. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНДАРТНЫХ ДИВЕРГЕНТОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	68
Градская Т.В. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ	74
Долгова А.А. ПРОВЕДЕНИЕ ЛАБОРАТОРНОГО ЗАНЯТИЯ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	81
Мезенина В.Е. ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	84
Татарникова И.В., Шереметьева Е.В. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ И ИХ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	88

СЕКЦИЯ Романские языки

Ванчикова Е.А. СЕМАНТИКА СИНТАКСЕМЫ	92
---	----

СЕКЦИЯ Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Свириденко Э.О. ПРОЦЕССЫ СИСТЕМНОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИКОНЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	95
Страхов С.Е. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «МИРОВОЙ СУДЬЯ», «ОКРУЖНОЙ СУД», «МЕСТНЫЕ СУДЫ» И «ОБЩИЕ СУДЫ» В ИСТОРИИ ПРАВА	102

СЕКЦИЯ Прикладная и математическая лингвистика

Громова В.И. ЗАМЕТКИ О ПРОЕКТАХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ	106
---	-----

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ «ЧУЖОГО МИРА» В ПОЭЗИИ Н.С. ГУМИЛЕВА

Аннотация

В статье рассмотрены особенности использования специфических тематических рядов, которые воссоздают экзотичность «чужого мира» в произведениях Н.С. Гумилева. Рассматривается функционирование художественных средств образности как традиционных, так и индивидуально-авторских. Особый интерес представляет рассмотрение семантического поля с ядром «свет».

Abstract

The article describes the use of peculiarities of the thematic series that recreate exoticism of “another world” in the works of N.S. Gumilyov. We consider the functioning of the means of artistic imagery of both traditional and individual copyright. The examination of the semantic field with the core “light” is of a particular interest.

Ключевые слова: поэзия Н.С. Гумилева, экзотические реалии, семантическое поле

Key words: poetry of N.S. Gumilyov, exotic realities, the semantic field

Дихотомия Востока и Запада в русской культуре то расширяется до пределов самой широкой географии, то сужается до субъективной позиции отдельного человека. Восток мыслится как привлекательное экзотическое пространство, но и как «чужой мир». Несмотря на то, что «Восток» — понятие в географическом смысле весьма широкое, но «всё-таки это понятие содержательно и успешно работает в культурологической и философской системах» [1, с. 142].

Рассмотрение в пределах одной работы темы Африки и Китая в творчестве Гумилева не является традиционным, так как в обыденном представлении Восток ассоциируется с Азией. Однако, на наш взгляд, подобный синтез уместен: во-первых, в 1912 году В. Брюсов в книге «Далекое и близкое» констатировал возникновение на поэтической карте некоей «страны Н. Гумилева», его «острова» с неповторимой природой и обитателями; во-вторых, в «Толковом словаре» Ожегова находим: «Восток — местность, лежащая в этом направлении, а также... территория, охватывающая запад Азии и северо-восток Африки» [2, с. 99]. Изучая в едином контексте особенности изображения этих двух стран в поэзии Гумилева, мы можем прийти к выводам, связанным с личностными предпочтениями и установками мировоззренческого порядка; с формой проявления лирического субъекта и степенью совпадения его и автора биографического.

Образ Востока (представленный многообразием стран — Египет, Абиссиния, Индия, Китай, Индокитай и др. — изображенных или упомянутых) в творчестве Н.С. Гумилева представлен как художественный мир, далекий от обыденности, скорее, противопоставленный ей. В творческой биографии поэта найдётся немало фактов, свидетельствующих о любви к Востоку. Это его путешествия в Африку, куда Гумилев попал сначала путешественником (сентябрь 1910 — март 1911 годов), а потом в составе научной экспедиции Российской Академии наук (апрель — август 1913 года). Это и широко известное увлечение поэта восточным искусством. Наконец, многие мотивы и образы поэзии Н. Гумилёва следует рассматривать в контексте ориентальной традиции.

Во всех без исключения сборниках стихотворений Н.С. Гумилева используются восточные географические наименования, находящиеся в сильной позиции (в заглавии) и создающие «эффект ожидания» [3, с. 171] определенных реалий. Среди многообразия этих номинаций имеются как отдельные лексемы («Константинополь», «Египет», «Сахара»,

«Судан»), так и подчинительные сочетания слов, семантика одного из которых также указывает на географическое месторасположение (принадлежность): «Африканская ночь», «Китайская девушка», «Абиссинские песни» и т.д.

Самой многочисленной группой заглавий является та, в которой представлена гиперсема 'государство' и/или 'территория': *Путешествие в Китай* (сборник «Жемчуга»); (сборник «Чужое небо»); *Абиссинские песни, Занзибарские девушки, Дон Жуан в Египте* (сб. «Колчан»); *Китай, Индокитай, Лаос* (сборник «Фарфоровый павильон»), *Судан, Абиссиния, В Намибии* (сборник «Шатер»), *Персидская миниатюра* (сборник «Огненный столп»).

Большая часть данных наименований объединена гипосемой 'в Африке'. Данная тематическая группа номинаций не обманывает ожиданий адресата, погружая его в цветистый экзотический восточный мир, для чего во всех стихотворениях используются уточняющие географические названия (например, в стихотворение «Судан» включены номинации Дарфур, Кордофан, Борну, Чад). На наш взгляд, это индивидуально-авторский художественный прием, основанный на включении в текст инородного для носителя русского языка фонетического материала, позволяющего на экстралингвистическом уровне создать ощущение присутствия чужого мира.

Самым важным средством образного изображения экзотических реалий в «африканских стихах» нам представляется сравнение, поскольку это наиболее употребительный троп (в одиннадцати исследованных стихотворениях сравнений обнаружено более сорока). Здесь представлены различные по структуре и способам выражения сравнения:

- простые (как лоза, как тучи, как я) и сложные (точно / Среди высоких холмов и широких долин / Дорогой иноходец восточный («Сахара»);
- используются союзы как, точно, словно (точно горсть виноградин, словно кактус расцвел, как я); предлог подобен с дательным падежом (был во всем подобен священным рощам молодого мира); творительный падеж существительного (дорога вьется желтым змеем).

Сравнение — это специфическая образная дефиниция, поэтому целесообразно рассмотреть и содержательную сторону этих тропов в данном контексте. На основании соотнесенности объекта сопоставления с содержательным компонентом выделяются две тематические группы:

1. Объект сопоставления — природные явления, которые приобретают образную дефиницию через соотнесение с природными же реалиями. Причем авторские сравнения отличает различная степень оригинальности. Лаконичные звезды, как крупный горох, пальмы, как девушки, соседствует с нетривиальным верблюды, как огромные древние чуда / Из глубин пышноцветных морей («Египет»). Реже встречаются сравнения природных явлений с предметным миром: равнины, как картинки из книжки старинной.

2. Объект сопоставления — мир человеческой культуры. Первая парадигма сравнений может быть представлена как континент — страна — город: Африка «на дереве древней Евразии / Исполинской висящая груша»; страна «с отдыхающей львицею схожа»; города «точно горсть виноградин». Второй ряд сравнений связан непосредственно с человеком. Причем сравнения могут быть организованы в содержательном плане двояко — с позитивной или негативной эмоционально-экспрессивной окраской. Дело в том, что в некоторых стихотворениях Гумилева («Красное море», «Озеро Чад», «Египет», «Абиссинский песни») обозначена социальная проблематика, и именно в этих стихотворениях возникают сравнения с негативно маркированной окраской: палач «черный, словно душа властелина», африканец «умирает, как звери в лесах», убийцы пробираются, «как ползут к своей добыче змеи». Большое значение в этой группе имеют, хотя и немногочисленные, простые сравнения «человек — животный/растительный мир», например, девушки «гибкие, как лозы», поскольку они соотносятся с обратными сравнениями «природные образы — человеческий мир» — пальмы «гибкие, как девушки», слон, «как я, одинок». Данные взаимонаправленные сравнения выводят на общую творческую мировоззренческую концепцию зрелого Гумилева, основанную на космизме сущего.

Стихотворения, в которых изображен восточный мир, «густо заселены» различными

животными, что, естественно, передает соответствие реалиям этого чужого мира. Но нельзя не сказать несколько слов о тематической группе номинаций (заглавий), связанной с обозначением экзотических животных. «Гиена», «Ягуар», «Невеста льва», «Жираф», «Носорог» (сборник «Романтические цветы»); «Кенгуру», «Попугай» (сборник «Жемчуга»); «Гиппопотам» (сборник «Чужое небо»); «Слоненок», «Леопард» (сборник «Огненный столп») — далеко не полный перечень стихотворений Гумилева, относящихся к различным творческим периодам. Каждое из наименований связано в обыденном сознании с Африкой (или с восточной страной), а потому, находясь в сильной позиции, моделирует восприятие адресата.

В отдельную группу, имеющую к Африке непосредственное отношение, можно определить наименования, в которых присутствует гиперсема 'водное пространство': *Озеро Чад* («Романтические цветы»), *Красное море*, *Суэцкий канал*, *Замбези*, *Нигер* («Шатер»). Высокая частотность заглавий, семантически связанных с водой, легко объяснима. Автор осознает, что в связи с природными особенностями в Африке, где 80% общей площади занимают саванны и пустыни, существует особое восприятие воды.

Ты торжественным морем течешь по Судану,
Ты сражаешься с хищною стаей песков,
И, когда приближаешься ты к океану,
С середины твоей не видать берегов («Нигер») [4].

Здесь использованы гиперболическое сравнение («торжественным морем течешь») и олицетворения («ты сражаешься с хищною стаей песков») в совокупности с обращениями («О царственный Нигер..., о мой Нигер...»). Мысленно рисуя «другую, небывалую карту, отраду для глаз», лирический герой отмечает на ней яркими красками сокровища Африки: полезные ископаемые, богатую природу и, главное, свободных людей. Благодаря подобному художественному воплощению Нигера, территория, по которой он протекает, обозначается метафорой «сердце Африки», а семантический состав лексемы «река», изначально реализовавшей гиперсема 'вода', обогащается потенциальной семой 'жизнь'.

В поэзии Гумилева представлено обширное семантическое поле с ядром «свет», поскольку ряд единиц, имеющих к нему отношение, являются ключевыми знаками в общем лирическом пространстве поэта, изображающем восточный мир. Лексема 'солнце' и слова с семой 'блеск', чаще других встречающиеся в стихотворениях, находятся в пределах ядерной зоны поля 'свет' поскольку имеют семы 'источник света' и 'яркий, искрящийся свет' (СО):

города, озаренные солнцем, затмевается солнце («Судан»), *знойное солнце пылает* («Абиссиния»), *не увидит там солнца* («Экваториальный лес»), *как солнце отраден* («Нигер») и др. [4];

блещут скалы («Сахара»), *блещет воздух* («Красное море»), *река от луны блестит* («Африканская ночь»), *мерцал бледный опал* («Нигер»), *иль мерцанье встающей луны* («Египет») и др.

Слова с общей семой 'огонь' (костер, искры, пылающий, пламень, пожар), часто представленные в стихах об Африке, несомненно, также имеют непосредственное отношение к данному семантическому полю, поскольку в дефиниции слова 'огонь' присутствует сема 'свет': «свет — горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя».

Следующее по частотности слово *золото* (*золотой*) семантически примыкает к ядру 'свет' на основании метафорического переноса через потенциальную сему 'цвет'. Регулярно повторяющиеся наименования драгоценных и полудрагоценных камней (с *изумрудными крыльями* «Экваториальный лес», *бледный опал*, *красные рубины* «Нигер», *жемчужные нити* «Судан» и т.д.) тоже связаны с полем 'свет' через потенциальную сему 'блеск' и 'цвет*' (в случаях употребления «золотой»).

Таким образом, схематически семантическое поле с ядром 'свет' в стихотворениях Гумилева, изображающих экзотический мир Африки, будет выглядеть на рисунке 1:

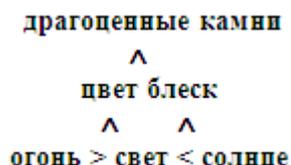

Рисунок 1 – Семантическое поле с ядром «свет»

Представленные в заглавиях стихотворений географические номинации и названия экзотических животных вводят читателя в яркий мир незнакомых реалий и актуализируются посредством использования специфических сравнений и лексико-семантических парадигм.

Как никто другой в русской поэзии преданный музе дальних странствий, Николай Гумилёв никогда не бывал в Китае, Индии, но тем не менее в пёстром калейдоскопе его экзотической поэзии «Китайские стихи» занимают своё законное почётное место.

Цикл «Фарфоровый павильон» — концептуально значимое произведение, трактующее извечную проблему о месте России между Востоком и Западом. Китайская тема появилась в творчестве Гумилева задолго до «Фарфорового павильона». Он шёл к ней стихийно, используя не реальные впечатления, а мифы о загадочной стране на Востоке. Так, в 1909 году было написано стихотворение «Путешествие в Китай», в котором появился лейтмотив вина, пронизывающий насквозь весь цикл «Китайских стихов». Стихотворение «Китайская девушка» (1914) предвосхитило, по сути дела, все основные мотивы «Фарфорового павильона». Здесь появились образы расположившейся «посредине реки» «беседки», которая превратится потом в «павильон», «челнока» — прообраза «лодки остроносой», «маленькой лодки», «лодки моей» и «лёгкой ладьи», а также фирменно-китайский эпитет «фарфоровых» по отношению к «розам», который будет вынесен в название цикла и в зачин стихотворения («павильон фарфоровый»). Наконец, в отрывках неоконченной «китайской поэмы» «Два сна» встречаются образы «дома с эмалевой крышей», «жёлтой реки», «лодочников», «бронзового дракона», «павильонов из стекла», равно как и других экзотизмов вроде «варенья из персиковых лепестков», «обеда из ста семидесяти блюд», «павлинов». То есть мы можем с уверенностью сказать, что ориентальная лексическая система Гумилева в полном объеме сложилась к моменту написания «Китайских стихов».

Ключевые слова тематической группы 'жидкость' встречаются в «Китайских стихах» около 20 раз: «искусственное озеро», «прозрачное море», «маленькое озеро», «вода», которой «выводят пятно на шелку», «как чашка, полная водой», «вино в глубокой чашке», «озеро», по которому «вечерний ветер бродит, целуя осчастливленную воду», «моря», в которых плавают «священные поэты драконы», наконец, «вода», к которой наклоняется лирический герой, захотевший умереть.

Использование ключевых для данного текста единиц имеет концептуальный характер: восточный человек — личность созерцательная, водная же стихия ассоциативно соотносится с этой определяющей ментальной характеристикой, как, впрочем, и стихия лунная, пронизывающая традиционное восточное искусство. В «Китайских стихах» ночное небесное светило появляется едва ли не в каждом стихотворении: *как месяц яшмовый* («Фарфоровый павильон»), *луна уже покинула утесы* («Луна на море»), *луна восходит на ночное небо* («Соединение»), *я смотрел на луну* («Поэт») и др. Ключевые слова, представляющие тематические группы с гиперсемой 'жидкость' и 'луна', являются дополнительным средством «циклизации».

С данными природными стихиями связано появление в стихотворениях Гумилева лексемы (и понятия) 'отражение'. Слово «отражение» в Словаре Ожегова имеет несколько значений, для нас важными представляются первое и второе значения: «1. О к.-н. физической среде: отбросить от себя; 2. Изображение предмета, возникающее на гладкой и воспринимающей свет поверхности» [Ожегов, 2004: 478]. В лирической экспозиции «Китайских стихов» причудливо («вниз головой») отразились беззаботные друзья, пьющие в фарфоровом павильоне «из чаш, расписанных драконами», «подогретое вино»; в следующем стихотворении мы застаём их за тем же занятием уже «на лодке остроносой»; затем мы видим сложную обратную метафору в стихотворении «Природа», где не человеческая жизнь подражает («отражая») природе, а природа — человеческой жизни; скрытую форму

отражения можно наблюдать и в «Соединении», где «луна восходит на ночное небо», а «вечерний ветер» целует «осчастливленную воду». 'Отражение' в «Китайских стихах» является кодовым знаком, способным организовать лирический субъект таким образом, что авторская интенция не исчезает в подтексте. Важнейшим свойством человека является его способность отражаться в зеркале Природы, Космоса, Вечности — вот мировоззренческая установка зрелой поэзии Н.С. Гумилева.

И в «африканских» стихотворениях, и в «Китайских стихах» Н.С. Гумилеву удалось воссоздать «чужой мир», интерес к которому был всегда высок у российского читателя. Мастерское использование специфических лексических средств позволило автору в первом случае — изобразить экзотическую неповторимость Африки; во втором — передать собственное мироощущение адекватными средствами.

Библиографический список

1. Каган М.С., Хильгурина Е.Г. Проблема «Запад— Восток» в культурологии / М.С. Каган, Е.Г. Хильгурина. — М., 1994.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2004.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста / Н.А. Николина. — М.: Академия, 2003.
4. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилев. — Л.: Советский писатель, 1988.

УДК 821.161.1Б-31.091

Петренко Н. А.

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»*

ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ В РОМАНЕ П.Д. БОБОРЫКИНА «ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ»

Аннотация

В статье рассматриваются особенности литературной полемики, которая нашла отражение в романе «Жертва вечерняя» известного писателя второй половины XIX века П.Д. Боборыкина. Отмечено, что литературная полемика оживляет повествование, в ней точно отражены общественные взгляды, эстетические позиции, разнообразные мнения эпохи XIX века. В своем произведении автор обращается к художественному наследию русской и западноевропейской литературы, использует многочисленные литературные сравнения, цитаты и реминисценции. Часто такие литературные реминисценции носят игровой, полемический, шутивно-пародийный характер.

Abstract

The article is focused on the features of literary polemic reflected in the novel “The Evening victim” by P. D. Boborykin, the famous writer of the second half of the XIX century. It is noted that literary polemic makes the narrative vivid and reflects social views, aesthetic preferences and opinions of the XIX century. In his novel the author refers to the artistic heritage of the Russian and Western literature and uses numerous similes, quotations and allusions. The character of these literary allusions is frequently playful, polemical and parody.

Ключевые слова: роман, реализм, полемика

Key words: novel, realism, polemic

Литературная деятельность П.Д. Боборыкина начинается в 60-е годы XIX века и является своеобразной летописью общественной жизни России. Художественные произведения романиста были известны и популярны в дореволюционной России. Несмотря на то, что автор не принадлежит к писателям первого ряда, его творчество привлекало внимание как дореволюционной критики (М.Е. Салтыков-Щедрин, П.Н. Ткачѳв, М.А. Протопопов, С.А. Венгеров, Н.К. Михайловский, К.Ф. Головин, А.М. Скабичевский, Д.Н. Овсяннико-Куликовский), так и российского литературоведения (А.М. Линин, Т.П. Ден, А.П. Могилянский, Е.Б. Тагер, В.И. Кулешов, С.И. Чупринин, О.К. Краснова,

В.И. Самусенко, Л.И. Сараскина и др.). Талант Петра Дмитриевича высоко ценили такие русские писатели, критики, общественные деятели, как А. Герцен, Л. Толстой, А. Чехов, И. Тургенев, М. Горький, А. Кони, С. Елпатьевский, Н. Михайловский, В. Чуйко, В. Кранихфельд, П. Быков и др. Они отмечали способность писателя мгновенно отражать новые общественные явления русской жизни. Например, А. Чехов утверждал, что П. Боборыкин – «...добросовестный труженик, его романы дают большой материал для изучения эпохи» [11, с. 9].

Заметим, что творчество П.Д. Боборыкина до сих пор является малоизученным. В современном литературоведении существует сравнительно немного работ, в которых рассматриваются художественные особенности произведений писателя (например, исследования С.И. Щерблякина [16], Н.А. Колосовой [10]). На сегодняшний день степень изученности творчества П.Д. Боборыкина невелика и носит эпизодический характер. Цель нашего исследования – рассмотрение особенностей литературной полемики в произведении писателя, отражение в ней общественного сознания того времени.

Значительное место в романе П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» занимает литературная полемика, в которой точно отражены общественные взгляды второй половины XIX века. Литературная полемика оживляет повествование, входит в текст произведения, словно красочный орнамент.

В романе «Жертва вечерняя» писатель обращается к художественному наследию русской и западноевропейской литературы, использует многочисленные литературные сравнения, цитаты и реминисценции (явные и скрытые). Широкий социокультурный контекст эпохи, который создается также благодаря упоминаниям о новых книгах, театральных представлениях, в то же время свидетельствует об осведомленности героини в современной литературе и искусстве, её внимании к прекрасному и поиску идеала.

Боборыкин, например, цитирует отрывки из комедии Н. Гоголя «Ревизор» [4, с. 23, с. 46, с. 53], А. Грибоедова «Горе от ума» [4, с. 23, с. 46, с. 151], стихотворения А. Арно «Куда летит листок лавровый» [4, с. 106], стихотворения Л. Эсбеера [4, с. 160], оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» [4, с. 160], трагедии В. Шекспира «Гамлет» [4, с. 323, с. 388], пьесы Ф. Понсара «Шарлотта Кордэ» [4, с. 372], философских произведений Спинозы [4, с. 379] и др., упоминает имена известных общественных деятелей, историков, литераторов, например, П.Н. Кудрявцева, Т.Н. Грановского, А.С. Хомякова [4, с. 16–17], И.А. Гончарова [4, с. 341], Ж.-Б. Мольера [4, с. 75], Жорж Санд [4, с. 4] и др. Часто такие литературные реминисценции носят игровой, полемический, шутивно-пародийный характер. Думается, что присутствие в романе реминисценций, мотивов, тем из русской и западноевропейской литератур свидетельствует о готовности П. Боборыкина к творческому диалогу. Кроме этого, обыгрывая реминисценции в новом пространственно-временном контексте, писатель наделяет их иным содержанием, придаёт изображённому культурно-историческую емкость и масштабность.

Можно предположить, что, создавая новый роман-исповедь женщины высшего общества, П.Д. Боборыкин опирается на «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо. Об интересе автора к творчеству французского писателя, его автобиографическому произведению свидетельствуют его воспоминания: «Мемуары... слишком личная вещь. Когда их автор не боится говорить о себе беспощадную, даже циничскую правду... может получиться такой “человеческий документ”, как “Исповедь” Ж.-Ж. Руссо» [2, с. 40]. Главная героиня «Жертвы...» увлечена откровениями французского мыслителя: «...я не выпускала из рук книжки Руссо, проглотила почти всю... Самые лучшие места – любовные» [4, с. 177]. После знакомства с этой книгой она искренне и правдиво излагает все свои сокровенные мысли, рассказывает о своих поступках, подобно главному герою «Исповеди» Руссо. «Почем знать... может быть мои исповеди тоже когда-нибудь прославятся?» [4, с. 176], – иронически замечает Марья Михайловна.

Огромное влияние на Боборыкина имел роман И.С. Тургенева «Накануне». «Помню, я первый схватил книжку “Русского вестника” (роман был опубликован впервые в 1860, № 1), прибежал домой и читал до трёх часов ночи в постели, и потом не мог заснуть до рассвета. С тех пор я не помню, чтобы какая-нибудь русская или иностранная вещь так захватила меня, даже и в молодые годы» [2, с. 181], – отмечает писатель в «Воспоминаниях».

В «Жертве вечерней» П.Д. Боборыкин неоднократно упоминает об этом романе И.С. Тургенева. Например, герой «Жертвы...», литератор Домбрович, открыто резко критикует произведения И. Тургенева: «...разные “Накануне”, “Отцы и дети”, всё это ухнет... Огромный талант его тут употреблен на то... знаете, как один француз сказал после представления новой пьесы: “Автор вложил много таланта в плохое доказательство того, во что он сам мало верит”. Всё это баловство, модничество, угождение и тем и другим, и третьим, чтоб и в салонах вас похвалили, и чтоб г. Доброзраков одобрил...» [4, с. 79]. В действительности творчеству Тургенева Боборыкин отдаёт явное предпочтение, о чём свидетельствуют его воспоминания [2-3]. Вероятно, под фамилией «Доброзраков» П.Д. Боборыкин подразумевает Ф.М. Достоевского, который очень резко отзывался о романе И.С. Тургенева «Дым» (письмо к поэту А.Н. Майкову от 28 августа 1867 года) [8, с. 340] и позже в своём романе «Бесы» изобразил Тургенева в карикатурном образе «русского европейца», писателя Кармазинова (см. подробно о взаимоотношениях Тургенева и Достоевского, их личном и идейном противостоянии: [7, с. 100–183; 6].

Марья Михайловна вместо французских романов начинает читать произведения Тургенева: «...пошла в сад с повестью... “Накануне”... зачиталась до самого обеда и, как в былое время, расплакалась. Как я понимаю эту Елену! Она всё время волновалась, пока не нашла своего Инсарова. Этот человек мне не нравится... он смахивает на барана, но тут дело не в нём, а в том, что искала Елена... С ним разрешились все её загадки и волнения (выделено нами – Н.П.). Какая завидная доля!» [4, с. 320]. Героиня обращается к чтению русских книг в тяжёлые минуты жизни, желая найти в них ответы на очень важные и сложные вопросы. Она так же мечтает о любви и мужской опоре, как и Елена Стахова.

В иронических и сатирических тонах П.Д. Боборыкин изображает светскую знаменитость, княжну Вениаминову Антонину Дмитриевну. Она занимается благотворительной деятельностью, всячески стремится обратить на себя внимание в обществе. Главная героиня романа, Марья Михайловна, так характеризует её: «...слишком резка... всем говорит в глаза невозможные вещи. Я даже не нахожу, чтоб её резкости были умны» [4, с. 88]. Например, вот как она отзывалась о современных журналах: «Все, что теперь пишут, все это – навоз» [4, с. 89]. Далее она даёт своеобразную характеристику произведениям Николая Васильевича Гоголя: «Гоголь только написал порядочного что «Тараса Бульбу» да «Афанасия Иваныча с Пульхерией Ивановной». А потом все эти «Ревизоры» и «Мертвые души»... это позор... скажу больше: это может только враг отечества своего набрать столько грязи. Я сама ему это говорила в глаза и он меня слушал» [4, с. 89]. Не менее интересны и высказывания другого героя романа, светского литератора Василия Павловича Домбровича, о М.Ю. Лермонтове, которого он, по его словам, знал лично. «Какой был чудак этот Лермонтов...на Лермонтова смотрели тогда в свете, как на гусарского офицера. Он и сам из кожи лез, только бы ему иметь успех у дам. Но бодливой корове Бог рог не даёт» [4, с. 73], – записывает Марья Михайловна в своём дневнике. Думается, что такие высказывания героев романа об известных литераторах того времени не являются выдумкой и фантазией П.Д. Боборыкина. Опираясь на «Воспоминания» автора, отметим, что такие отзывы о писателях и произведениях встречались в кругах высшего света. Именно они и нашли отражение в романе «Жертва вечерняя». Однако, заметим, что такие высказывания, в своем большинстве, носят субъективный характер и не представляют ценность.

Искусственная жизнь людей высшего общества тесно переплетена с театром (например, описание семейных отношений танцовщицы Капитолины Николаевны и дворянина Бориса Сучкова). Главная героиня, Марья Михайловна, посещает театральные представления, маскарады, литературные вечера, участвует в ночных оргиях. Себя и всех своих знакомых она сравнивает с персонажами спектаклей, видит в театральности, актёрстве нарочитое подчёркивание производимого впечатления на окружающих, например, Домбрович «рисуетя, безбожно рисуется!» [4, с. 33] и др. Этот персонаж особенно склонен к игре, эффектным позам, маскировке и перевоплощению. Героиня начинает осознавать, что искусственность и позёрство не совместимы с естественностью чувств. В решающий момент своей жизни Марья Михайловна не случайно оказывается на представлении драмы А.Н. Островского «Гроза». В её дневнике мы находим описание её чувств во время просмотра спектакля: «...я была одна, совсем одна. Мне нужна была только пьеса. Она

только и говорила со мной... И каждая минута жизни Катерины, совсем даже не похожая на мою, подсказывала мне разные итоги... Ну, зачем ей было любить, этой томной бабе, воспитанной на постном масле? Зачем ей было любить с затеями, с желанием вырваться из мертвящего болота, стать другой женщиной? Ведь это та же безумная жажда самовоспитания, возрождения, восстановления... Бедная, безумная, глупая баба» [4, с. 368]. Всё это накладывает своеобразный отпечаток на восприятие жизни самой героиней романа, а также указывает на различные взгляды в российском обществе на актуальную проблему того времени – эмансипацию женской личности.

Стремление Боборыкина передать в своём произведении новации современной ему действительности вызвали необходимость использования модных фраз и слов, которые помогают воссоздать колорит описываемой им светской среды. Писатель вводит в литературный обиход слова, ставшие в дальнейшем широко распространёнными. «**Лексикон** (выделено Боборыкиным – Н.П.) мой не состоит только в словах и “словечках”, а в новом **употреблении** (выделено Боборыкиным – Н.П.) слов...» [цит. по: 12, с. 16], – отмечал П.Д. Боборыкин в письме к А.А. Измайлову от 29 июня 1909 года. Об этом упоминается в работах С. Венгерова, С. Мельгунова, А. Лина.

В 1866 году в статье П. Боборыкина о парижских театральных постановках впервые появилось понятие «интеллигенция»: «...под интеллигенцией надо разуместь высший образованный слой нашего общества, как в настоящую минуту, так и ранее, на всём протяжении XIX века...» [1, с. 59]. Писатель считал, что российскую интеллигенцию отличает народность, ей присуща религиозная терпимость и протесты против векового гнета. В словаре С.И. Ожегова мы находим подобное толкование слова «интеллигенция»: «Люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры...» [13, с. 251].

В своём романе «Жертва вечерняя» П.Д. Боборыкин впервые использовал слово «интеллигенция» в его современном значении (см. С.И. Чупринин [5], В.И. Самусенко [14], В.Б. Катаев [9] и др.). Необходимо отметить, что исследователи Л.Я. Смоляков [15], О. Мюллер [17] и др. отрицают введение этого слова именно П. Боборыкиным. Однако Мюллер полагает, что роман «Жертва вечерняя» способствовал тому, что слово «интеллигенция» стало «модным» [17]. После публикации произведения на это слово обратили внимание читатели.

Главная героиня «Жертвы вечерней», Марья Михайловна, передаёт услышанный ею разговор Степана Лабазина и Александра Кроткова: «Слышу слова: Париж, Гейдельберг... и, разумеется, интеллигенция и инициатива. Без этого физикусы обойтись не могут» [4, с. 326]. Интересно, что слова «интеллигенция» и «инициатива» она употребляет иронически.

Заметим, что слово «интеллигенция» появляется уже в отдельном издании романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1868) и в рассказе И.С. Тургенева «Странная история» (1870). Исследователь В.Б. Катаев верно говорит о наблюдательности П.Д. Боборыкина: «Он замечал только входившие в массовый обиход слова, вводил их в диалоги своих героев – и таким образом привлекал к ним внимание общественности, вводил их в общелитературный словарь» [9, 388]. Слово «интеллигенция» далее встречается в произведениях Гл. Успенского, Вс. Гаршина, В. Короленко, А. Чехова, Б. Пастернака, М. Булгакова.

Своеобразный ум П.Д. Боборыкина, его энциклопедическая образованность проявляются в активном употреблении неологизмов, каламбуров, крылатых выражений, научных терминов, иностранных слов, литературных цитат, неожиданных сравнений и сопоставлений, библейских образов и античных терминов, например: «Лазаря я перед ним не пела...» [4, с. 44], «Исайя ликуй» [4, с. 105], «геенна огненная» [4, с. 368], «Иермеида» [4, с. 51], «Мусаилов век» [4, с. 79] и др.

Таким образом, в романе П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» нашли отражение не только актуальные проблемы второй половины XIX века, но и яркие исторические события, эстетический и культурный уровень того времени. В своём произведении автор упоминает известных литераторов эпохи XIX века и их произведения, обращается к художественному наследию не только русской, но и западноевропейской литературы, вводит в текст романа многочисленные литературные сравнения, цитаты и реминисценции. Все это

свидетельствует о наблюдательности П.Д. Боборыкина, его стремлении мгновенно и правдиво отражать особенности общественной культурной жизни России XIX века.

Наше исследование перспективно в плане дальнейшего изучения художественных произведений П.Д. Боборыкина, творчество которого является малоизученным.

Библиографический список

1. Боборыкин П. Подгнившие «Веги» // В защиту интеллигенции. Сборник статей. – СПб., 1909. – С. 59–61.
2. Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1965. – Т. 1: За полвека (главы I–VIII). – 1965. – 568 с.
3. Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1965. – Т. 2: За полвека (глава IX). Из книги «Столицы мира. Тридцать лет воспоминаний». Воспоминания 1878-1917 годов. – 1965. – 669 с.
4. Боборыкин П.Д. Сочинения: в 12 т. – СПб.; М.: Издательство товарищества М.О. Вольфа, 1885. – Т. 5: Жертва вечерняя. – 1885. – 388 с.
5. Боборыкин П.Д. Сочинения: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1993. – Т. 1: Чупринин С.И. Труды и дни П.Д. Боборыкина / С.И. Чупринин. – 1993. – С. 5–26 [496 с.].
6. Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. – Л.: Наука, 1987. – 200 с.
7. Волгин И. Последний год Достоевского // Новый мир. – 1981. – № 10. – С. 100–183.
8. Достоевский Ф.М. О русской литературе. – М.: Современник, 1987. – 399 с.
9. Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов (К истории понятия «интеллигенция» в русской литературе) // Русская интеллигенция. История и судьба; [Сост. Т.Б. Князевская]. – М.: Наука, 1999. – С. 382–397.
10. Колосова Н.А. Полифонизм Ф.М. Достоевского в ракурсе видения «фотографизма» П.Д. Боборыкина. Разговор с тенью // Колосова Н.А. Метаморфозы времени. От полифонии А.С. Пушкина до полифонии А. Белого. – К.: ПЦ «Фолиант», 2006. – С. 372–419.
11. Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. – М.: Советский писатель, 1960. – 239 с.
12. Мудров А.М. П.Д. Боборыкин в переписке с А.А. Измайловым // Известия Азейбарджанского государственного университета. Общественные науки. – 1927. – Т. 8–10. – С. 12–24.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
14. Самусенко В.И. Особенности стиля прозы П.Д. Боборыкина // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX века: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГЗПИ, 1988. – С. 118–123.
15. Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция. Социально-философский анализ. – К.: Политиздат Украины, 1986. – 222 с.
16. Щерблыкин С.И. Романы П.Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века: автореф. дис. на соискание учён. степени докт. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература». – Тамбов, 2005. – 46 с.
17. Muller O.W. Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. – Frankfurt a. M., 1971. – 419 p.

УДК 821.161.1

Зубова Е.Н., Фёдорова О.А.

Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Омский государственный педагогический университет" в г. Таре.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «БОРОДИНО» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация

Творческое наследие М.Ю. Лермонтова многомерно и разнопланово. Поэт жил в эпоху

так называемого безвременья, которое наступило сразу после восстания декабристов. Мотив неудовлетворенности в нынешнем поколении, в жизни, в эпохе можно увидеть и в стихотворении «Бородино», которое стало предметом нашего анализа. В своей статье мы попытались осмыслить художественного своеобразия этого произведения.

Abstract

The artistic heritage of MU Lermontov is multidimensional and multifaceted. The poet lived in the era of the so-called stagnation, which came immediately after the revolt of the Decembrists. The motive of dissatisfaction in the current generation, in life, in the era can be seen in the poem "Borodino", which became the subject of our analysis. In his article, we tried to understand the artistic originality of this work.

Ключевые слова: художественное своеобразие, бородинское сражение, патриотизм.

Key words: artistic originality, the battle of Borodino, patriotism.

Впервые к теме Отечественной войны 1812 года поэт обращается в стихотворении «Поле Бородина». С раннего детства Михаил Юрьевич слышал рассказы о войне, так как очевидцами её были его отец, братья его бабушки, родной брат деда и многие из родственников. Кроме того, поэт читал воспоминания современников о войне, труды историков. Таким образом, он накопил достаточное количество информации, воспоминаний, впечатлений о тех великих сражениях. Все это нашло отражение в стихотворение «Бородино». Бородинское сражение, прославившееся как одно из самых жестоких и масштабных битв, всегда вызывало интерес у многих исследователей, писателей, историков. [3, с. 37]

Основой для стихотворения «Бородино» стало другое, более раннее произведение поэта - «Поле Бородина». В котором автор впервые обращается к теме Бородинского сражения. Разница между этими двумя произведениями составляет семь лет. За эти годы Михаил Юрьевич повзрослел, сформировалось его мировоззрение, он обрел свой поэтический язык и стиль. Так, «Бородино» имеет более живой язык, лишенный излишне красивых фраз. Кроме того в стихотворении отчетливо выделяются реалистические черты ведь в этот период Лермонтов уже сам является военным и имеет в этой сфере определенный опыт.

Структура произведения –это диалог между солдатом-артиллеристом и представителем нового, молодого поколения. Автор сопоставляет прошлое и настоящее, тем самым показывая свое отношение к ним, причем явно идеализируя минувшее время. Поэт один из первых пишет стихотворение, в котором о войне рассказывает простой человек, участник боевых действий. Мы видим в его словах глубокий патриотизм, гордость за русский народ, за Родину в целом.

Произведение начинается с вопроса, который задает юноша. Уже в нем находят свое отражение исторические факты (пожар Москвы, то, Москва была отдана французам по распоряжению главнокомандующего). Особая важность в этом вопросе принадлежит «дню Бородина», о котором «помнит вся Россия». Бородинское сражение состоялось 26 августа 1812 года. Это был не просто бой, это было столкновение двух сильнейших врагов, схватка зла и добра, тьмы и света. Участники сражения чувствовали, что исход его повлияет на ход всей войны и поэтому оно было для каждого особенно важным. Им, в первую очередь, нужно было собраться с духом и настроиться в психологическом и эмоциональном планах. Идти против врага, защищая свою Родину и свой народ - дело правое, потому что каждый русский солдат понимал, что никто, кроме их самих не сможет защитить свое Отечество от сильнейшего врага, каким был тогда Наполеон и его армия.

Перед сражением они исповедовались, молились, просили Бога о том, чтобы он защитил «православный наш народ». По войску проносили икону Смоленской Божией Матери, которая была вывезена из оставленного неприятелю города Смоленска. Очевидец всего этого Н. Любенков рассказывал: «С каким умилением наблюдал я действие священного обряда на души воинов. Страшные врагу усачи наши склонялись к земле и благоговейно испрашивали благодати у Творца. Святое это благословение укрепило всех теплой верой... Молитва для русского народа есть уже «половина победы» []. Французы же к бою готовились иначе. Они ликовали и были уверены, что победят в этом сражении. В их

стане всю ночь перед боем слышались музыка и пение.

Солдат в стихотворении начинает свой рассказ о войне 1812 года с того, что указывает на отличие тех людей от нынешних: -

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри - не вы! [4, с.234].

В данном лирическом отрезке чувствуется и позиция самого Лермонтова. [2, с. 78]

Гибель на поле брани ради спасения Родины, храбрость, упорство - вот главные черты, отличающие людей того времени. Современники рассказчика считали, что они не отдали Москву неприятелю, а оставили ее. На это была «божья воля». [4, с.227]

Образ солдата-повествователя в стихотворении - это собирательный характер лирического персонажа. В своем рассказе он всегда подчеркивает общность, единство простого народа:

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой...[4, с.236].

На простое происхождение солдата может указывать также и народная речь и юмор, который подбадривал людей и давал им силы для новых сражений, побед:

Забил наряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью! [4, с.235].

Слова лирического героя наполнены эмоциями и переживаниями, которые вызваны воспоминанием о том далеком сражении.

Описанию самого боя рассказчик уделяет особое внимание, потому что сражение - это ключевое событие не только в произведении, но и в течение самой войны:

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел [4, с.236].

Очевидец рисует нам реалистичную картину Бородинского сражения. Эпизод наполнен образами убийств, дыма, огня и хаоса, что царил на всем поле [1, с.219].

Говоря о самом сражении, герой оставляет эмоции и шутки, он становится серьезным и даже немного печальным и его речь наполняется торжественными нотами:

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!.. [4, с.236].

В описании боя можно проследить тему борьбы тьмы и света. Для разграничения наших и вражеских сил Лермонтов использует антитезу: «огонь» русского «строя» противопоставляется «ночной», «темной» природе французов. Цвет в произведении играет большое значение. [5, с. 208] Так, например, в описании утра перед сражением автор использует такие слова, как «утро осветило пушки», «леса синие верхушки». Русские войска являют собой как раз свет, а темнота и черный цвет сопутствуют врагу-французу. Для раскрытия масштабности происходящих событий поэт использует яркие эпитеты и преувеличения «Земля тряслась», «залпы тысячи орудий», «гора кровавых тел». [6, с. 44]

Таким образом, мы видим, что в стихотворении «Бородино» открываются новые грани авторского гения, произведение изобилует реалистическими чертами и это дает возможность поэту передать атмосферу Бородинского сражения, показать сплоченность русского народа и его любовь к Родине.

Библиографический список

1. Белинский, В.Г. Стихотворения М.Лермонтова. М.,Художественная литература, 1984.
2. Бродский, Н. Л. «Бородино» М. Ю. Лермонтова и его патриотические традиции. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948, 68 с. (Пед. б-ка учителя). См. также: Бродский Н. Л.

- Избранные труды. М.: Просвещение, 1964. С. 118-183.
3. Головатенко, А. История России: спорные проблемы. - М., «Школа-Пресс», 1994. - 37 с.
 4. Дурылин, С. Н. На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и материалы. Сб. 1. М.: ОГИЗ; Гослитиздат, 1941. С. 163-250.
 5. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений // в 4-х томах / М.Ю.Лермонтов. – Москва: 1975. - Т. 1. - С. 234-237.
 6. Пятницкая, Л. Б. Изображение народа и войны в «Бородино» (1837 г.) и «Валерике» (1840 г.) М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Горьк. пед. ин-та. Т. 26. Лит. и история СССР. 1958. С. 205-219.
 7. Тимофеев, В. П. Анализ языка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» // Рус. яз. в шк. 1958. № 6. С. 41-45.

СЕКЦИЯ

Литература народов стран зарубежья

УДК 821.133.1“19/20”

Баранова Е.Г.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА «ПОДЧИНЕНИЕ»

Аннотация

В статье с опорой на теорию идентичности проанализирован последний роман М. Уэльбека. Кризис идентичности главного героя развивается в антиутопии «Подчинение» на фоне кризиса французской коллективной идентичности, приводящего в 2022 году к установлению во Франции исламского государства. Причиной этого кризиса является имманентная тяга человека к подчинению и невыносимость свободы, которая в художественном мире Уэльбека предстает как тяжелое бремя и источник хаоса.

Abstract

The article deals with the issue of identity in the latest novel by M. Houellebecq. The author attempts to show that “Submission” presents two parallel identity crises: the personal one experienced by the protagonist and the national one driving France in 2022 to become an islamic state. The reason of these crises is explained by inherent taste that human beings have for submission and by their inability to tolerate freedom, which, in Houellebecq’s world, is considered to be a burden and a destructive force.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, Уэльбек, постмодернизм, ислам

Keywords: identity, identity crisis, Houellebecq, postmodernism, Islam

Рецепция литературного произведения часто зависит от того, в какой момент и в каком месте оно вышло к читателю. Для «Подчинения» («Soumission») Мишеля Уэльбека стечение обстоятельств оказалось роковым.

Роман появился в книжных магазинах 7 января 2015 г., в день теракта исламских радикалов, расстрелявших в Париже редакцию сатирического еженедельника «Шарли Эбдо». Действие же антиутопии Уэльбека происходит во Франции, ставшей в не столь отдаленном будущем – 2022 году – исламским государством, а сюжет строится как история обращения в

ислам главного героя Франсуа (в оригинале очевидно созвучие имени François с «Français» - «француз») и его постепенного подчинения новому режиму. Неудивительно, что «Подчинение» оказалось в эпицентре буквально взорвавшей Францию дискуссии о национальной идентичности, было воспринято массовым читателем как антиисламское произведение и стало объектом яростной критики, вплоть до обвинений писателя в расизме и требований запретить роман. В рамках данной статьи мы постараемся показать необоснованность такого взгляда и определить концепцию Уэльбека в споре о судьбах французской идентичности, кризис которой является отправной точкой философско-эстетической концепции романа.

История главного героя, переживающего, как и в предыдущих книгах Уэльбека, экзистенциальную драму, развивается на этот раз параллельно истории страны, где за короткое время происходит полная смена политического режима и фундаментальных ценностей.

Положение Франсуа со стороны кажется вполне благополучным. Талантливый филолог, к 44 годам он успел сделать блестящую карьеру в Сорбонне. Однако приличная зарплата университетского преподавателя, уважение коллег и постоянное наличие студенток, готовых к необременительным романам, не могут компенсировать скупающую героя скуку и ощущение бессмысленности существования. Используя терминологию М.М. Бахтина, мы можем сказать, что рассказчик лишен заданности бытия: его данность потеряла «предстояние себе» [1, с. 111]. Будущее видится им как унылое «ожидание смерти» [5, с. 50]; у героя нет особых убеждений, интересов или стремлений, и ни сам Франсуа, ни окружающие не могли бы сказать, что он представляет собой как личность.

Уэльбековский персонаж - типичный герой эпохи так называемого афтер-постмодерна, того, что британский социолог Зигмунд Бауман называет «текущим обществом». Если в традиционном обществе человек открывал свою идентичность, которая была задана от рождения его принадлежностью к определенному классу и местом рождения, а затем поддерживалась такими социальными институтами как семья и религия, то современный человек «сам конструирует идентичность из подручных материалов, или выбирает из множества вариантов; за нее нужно сражаться, ее нужно защищать [...]. Приходится признать, что идентичность стала феноменом неустойчивым и временным» [3, с. 119]. Свобода выбора оказывается ловушкой – теряясь перед необходимостью постоянно выбирать из бесконечного числа идентичностей, современный человек чаще всего предпочитает идентифицировать себя через потребление.

Идентичность Франсуа также во многом сформирована как идентичность потребителя. Буквально в каждом эпизоде он подробно распространяется о сопровождающих действие еде и выпивке, в странствиях по Франции представляет исторические памятники и религиозные святыни в первую очередь с точки зрения комфорта и набора предоставляемых услуг... Как процесс потребления описаны и его отношения с женщинами. За исключением Мириам, Уэльбек даже не дает их целостного портрета – фрагментировано представлены только части тела, с которыми эти женщины для героя отождествляются. Единственная девушка, к которой он испытывает некое подобие чувств – Мириам, но и говоря об этих чувствах, он определяет любовь как благодарность за доставленное ему удовольствие.

Однако идентификация через потребление имеет для Франсуа свой предел – наступает пресыщение, и даже секс, который в предыдущих романах Уэльбека является последней настоящей радостью, доступной современному человеку, перестает приносить герою удовольствие.

Необходимость постоянно пересоздавать, вновь открывать свою идентичность осложняется для Франсуа тем, что собственная идентичность выявляется, по известной максиме М.М. Бахтина, через инаковость, в соприкосновении с «Другим» [1, с. 17], а один из ключевых мотивов в описании жизни героя – пустота. Он давно потерял связь с родителями, занятыми только собой представителями «поколения 1968 года», и вспоминает о них, только когда умирает сначала мать, а затем отец. Агностик, он закрывает для себя возможность диалога с Богом. Настоящих друзей никогда не было, а Мириам в тот самый момент, когда он готов выстроить с ней какие-то отношения, переезжает со своей семьей в Израиль.

До определенного момента в жизни Франсуа все же есть Другой, многолетний диалог с которым наполняет смыслом его жизнь и позволяет получить статус профессора Сорбонны. Это Жорис-Карл Гюисманс, писатель-декадент конца XIX в., по творчеству которого Франсуа защитил в свое время блестящую диссертацию.

Фигура Гюисманса играет в «Подчинении» ключевую роль. Первое, что сообщает рассказчик: «На протяжении всей моей безрадостной молодости Гюисманс оставался для меня спутником, верным другом» [5, с. 9]; главным образом о нем говорится на следующих страницах, где герой рассказывает свою предыдущую жизнь, и дальше через весь роман идет постоянная переключка истории Франсуа с судьбой выбранного им автора.

Общего у них, действительно, очень много, и в первую очередь, мироощущение «конца эпохи». Гюисманс принадлежит к поколению интеллектуалов, которые на сломе XIX-XX веков пережили ситуацию, сходную с нынешней – атмосфера глобального кризиса, общая нестабильность, полная смена системы ценностей. Как и многие французские писатели (в их числе Шарль Пегги, Поль Клодель, Франсуа Мориак), автор «библии декаданса» находит выход из экзистенциального кризиса в обращении к религии.

Окончательно устав от жизни, которая протекает «бессобытийно и зауядно, как и за полтора века до этого у Гюисманса», Франсуа пытается повторить духовный путь писателя, который «стал католиком потому что [был] в крайней степени пессимистом» [6, с. 185]. Собственно, по замыслу Уэльбека, к католичеству герой и должен был прийти в финале: «Первым названием было *La Conversion* (“Обращение”). И в моём первоначальном проекте рассказчик тоже обращался в веру, но в католическую» [2]. Однако попытка идентифицировать себя через католическую веру не удастся, как не удалась она и самому Уэльбеку (в убеждениях писателя атеизм с недавних пор сменился религиозными поисками). Отправляясь в известнейшее во Франции место паломничества Рокамадур, герой вначале чувствует духовную силу, исходящую от Черной Мадонны, но это ощущение вскоре сменяется привычной для него пустотой и Франсуа выходит из церкви в полном отчаянии, с чувством богооставленности. Тогда рассказчик решает удалиться на некоторое время в аббатство Сен-Мартен де Лигуже, где Гюисманс завершил свое обращение в католичество, но и здесь его постигает разочарование.

Кризис идентичности достигает крайней точки, когда Франсуа узнает, что он потерял место в Сорбонне - новый режим начал исламизацию образования и для того, чтобы преподавать в университете, необходимо принять ислам. В этот же время, по сути, прекращается и внутренний диалог Франсуа с единственным «спутником и верным другом». Принимая лестное предложение составить предисловие к тому Гюисманса в «Плеяде» (самое престижное во Франции издание классики), он создает лучший из всех текстов, когда-либо написанных об этом авторе, и понимает, что больше ему сказать нечего. После увольнения материальных проблем у героя нет – назначенной пенсии достаточно для очень комфортного существования, но поскольку идентичность его была практически полностью заключена в статусе университетского профессора и научных изысканиях, Франсуа оказывается на грани самоубийства.

Духовный кризис героя происходит на фоне глобальной катастрофы, которую в 2022 году в романе переживает Франция. До этого Франсуа практически никогда не выходил за пределы замкнутого университетского мира и замечал только кризис образования (полупустые аудитории, где его слушают лишь прилежные китайки, а французские студенты предпочитают спать; старческий маразм одних коллег и туповатый карьеризм других; корпоративы и показы мод в Сорбонне, вынужденной сдавать в аренду залы, чтобы свести концы с концами, и т.п.).

Отправляясь в путешествие во время президентской предвыборной кампании, рассказчик видит страну на грани гражданской войны: опустевшие города, перестрелки и насилие, о которых молчит пресса. Великая французская культура, соотнесение с которой представляет один из важнейших элементов национальной идентификации, показана в романе исключительно как факт прошлого. Подобно Франсуа, который никогда не сможет превзойти собственные научные достижения, Франция уже создала высшие образцы своей культуры, а ее знаковые культурные и исторические места сегодня, как видит это герой, сведены к туристическим аттракционам.

И самое важное – государственная машина V Республики практически саморазрушилась из-за бессильных и лживых политиков, занятых только своей карьерой – ведь именно они призваны защищать так называемые республиканские ценности, которые сегодня играют главную роль в формировании французской коллективной идентичности. Политические дебаты, подробно описанные рассказчиком, больше похожи на бессмысленное шоу марионеток – левые и правые (Франсуа называет их лево- и правоцентристами) произносят одни и те же ничего не значащие слова.

Уэльбек доводит здесь до логического предела кризис идентичности, о котором так много спорят сегодня во Франции. Социологи сходятся в том, что помимо массового притока иммигрантов, причиной этого кризиса является разрушение структур традиционно «сильного», патерналистского государства и окончательно сдавшей позиции католической церкви, которая всегда выступала хранителем не только моральных ценностей, но и культурных традиций. Деграция когда-то лучших в Европе систем социальной защиты, образования и местного самоуправления – достижений, символизирующих в глазах французов республиканские ценности, скомпрометировавшие себя и ослабившие влияние политические партии и профсоюзные движения – все это создает ситуацию, которую известный политический обозреватель Ален Дюамель сформулировал следующим образом: «структуры, правила, нормы, ценности – все расшатано, и главной причиной этому вовсе не глобализация. Французское общество неустойчиво и пребывает в поисках нового равновесия» [4].

Если у демократического режима не получается восстановить это равновесие, на политической сцене на первый план выходят так называемые традиционалистские партии, вписывающие потерянных в хаосе людей в жесткую систему отношений и тем самым дающие им иллюзию опоры и защищенности. Успехом пользуются и интегристские религиозные течения, которые «берут на себя функции и обязанности оказавшегося беспомощным социального государства. И наконец, они обеспечивают [своим верующим] тот элемент достойной жизни, в котором общество им отказало: смысл жизни (или смысл смерти), место в этом мире» [3, с. 119].

В «Подчинении» эта нарастающая сегодня в Европе тенденция приводит к тому, что в первом туре выборов большинство голосов набирают националистический праворадикальный «Национальный фронт» и придуманное писателем «Мусульманское братство». Пугающая перспектива увидеть в президентском кресле главу одиозных националистов Марин Ле Пен (в романе она на митинге даже делает жест, похожий на нацистское приветствие) приводит к тому, что традиционно лидировавшие до этого на выборах социалисты и правый «Союз за народное движение» заключают за спинами избирателей политический союз с «Мусульманским братством».

Новый президент Мухаммед Бен Аббес во время предвыборной кампании представляет свою программу как «новый гуманизм», однако очень быстро его политика меняется в сторону установления шариата и исламизации образования, а женщин поголовно одевают в чадру и запрещают им работать. При этом теоретики нового режима трактуют превращение Франции в исламское государство не как разрушение французской идентичности, а как переход ее на новый уровень, создание на месте саморазрушившейся системы новой великой Франции. Например, новый ректор Сорбонны объясняет Франсуа, что с расширением влияния Бен Аббеса в Европе и постепенной исламизацией Европы французский язык вновь станет наравне с английским языком международного общения.

Такой поворот сюжета и дал повод к прочтению книги как исламофобской. На самом деле, в романе Уэльбека, близком по жанру к политическому памфлету, мусульманские проповедники выглядят почти нейтрально. В гораздо более неприглядном свете изображены католики, мучающие себя бессмысленной аскезой и неспособные привлечь новых адептов.

Главный же объект авторского сарказма – те, кто руководит сегодня Францией (среди героев книги все первые лица государства и лидеры основных политических партий). Причем, зная мировоззрение Уэльбека, можно понять, что проблема здесь гораздо глубже, чем неэффективность и коррумпированность отдельных политиков. Писатель, охотно называющий себя реакционером, неоднократно высказывал мысль о том, что самой большой исторической ошибкой западной цивилизации он считает идею о любви человека к свободе,

поскольку именно свобода ведет к индивидуализации общества, к превращению людей в разобщенные «элементарные частицы». Она опустошает, лишая человека твердых опор, на которых традиционно строилась личная и коллективная идентичность. Она обременяет множественностью и необходимостью постоянного выбора (здесь концепция автора «Элементарных частиц» перекликается с идеями социологов и философов о кризисе идентичности в эпоху постмодерна). Поэтому, когда настоящая демократия невозможна (а таковой может быть, по Уэльбеку, только «прямая демократия» по швейцарской модели), авторитарные режимы используют имманентную тягу человека к подчинению.

Мысль об удовольствии подчинения в книге высказана прямо, когда во время решающей для героя встречи с новым ректором Сорбонны они с религиозных вопросов вдруг переключаются на эротический роман «История О»: «... книга была пронизана страстью, все уносящим на своем пути потоком. “Это подчинение” – мягко сказал Редиже. “Ошеломляющая и простая, никем не высказанная до этого с такой силой идея о том, что высшее счастье человека состоит в абсолютном подчинении”» [5, с. 260].

В названии романа обыгрывается двойной смысл слова «подчинение» - для мусульман это также второе имя их религии. В трактовке Уэльбека, ислам, устанавливающий четкий порядок (абсолютное подчинение человека Богу) имеет больше шансов, чем католичество (предполагающее *поиск* Бога) привлечь человека постмодернистской эпохи. А если добавить к этому ответ на экономические проблемы в виде потока денег арабских нефтяных магнатов, то выбор главного героя в пользу ислама (в отличие от первоначального проекта, предполагавшего обращение Франсуа в католичество) оказывается не таким уж невероятным.

Впрочем, истинного религиозного обращения не происходит. Читая подsunутую ему Редиже брошюру «Ислам для “чайников”», герой благополучно пролистывает все метафизические вопросы, устремляясь к главе «Полигамия». Решающими аргументами для него становятся огромная зарплата профессора спонсируемой теперь шейхами Сорбонны, перспектива иметь как минимум трех жен-красавиц и прекрасных хозяек и возможность существовать в четкой системе статусов и отношений, избавляющая от вечной неопределенности (даже жен, чья красота будет соответствовать его социальному статусу, руководство университета обещает ему подобрать с помощью высококвалифицированной свахи). Даже сам ритуал обращения в правоверные по описанию рассказчика больше напоминает поход в спа-салон (кстати, здесь вновь очевидна параллель духовной эволюции героя с Гюисмансом, который, по мнению Франсуа, был католиком-эстетом, чья вера основана на любви к красоте ритуала). Точно так же сограждане Франсуа в романе принимают новый порядок, поскольку он приносит ощущение безопасности, экономическую стабильность (эффект дает вливание нефтяных денег и решение проблем с безработицей за счет того, что женщины стали домохозяйками и освободили рабочие места) и восстанавливает престиж Франции на международной арене.

Как видим, «Подчинение» - не роман об опасности исламизации Европы, а саркастический очерк человеческой природы. Не принимая ничью сторону, Мишель Уэльбек лишь в очередной раз ставит горький диагноз современному обществу и, как и в предыдущих книгах, развивает одну из гипотез - как всегда невероятную и скандальную - того, к чему это общество может прийти.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. - 423 с.
2. Новая книга Уэльбека вызвала политический скандал // Новая газета. 17 января 2015. <http://readrate.com/rus/news/novaya-kniga-uelbeka-vyzvala-politicheskiiy-skandal>
3. Bauman Z. Identité. P. : L’Herne, 2010. - 136 p.
4. Duhamel A. La crise identitaire française // Libération. 13 mai 2015. http://www.liberation.fr/politiques/2015/05/13/la-crise-identitaire-francaise_1308861
5. Houellebecq M. Soumission. – P.: Flammarion, 2015. - 300 p.
6. Huysmans J.-K. Interviews. Textes réunis, présentés et annotés par J.-M.Seillan – P.: Honoré Champion, 2002. - 526 p.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК О. УАЙЛЬДА)

Аннотация

В статье осуществлен предпереводческий лингвостилистический анализ сказок О. Уайльда и систематизированы потенциальные трудности, возникающие при переводе английских авторских сказок на русский язык.

Annotation

The article deals with the pre-translational linguo-stylistics analysis of O. Wilde's fairy-tales and systematization of potential difficulties waiting for a translator in the process of interpretation English fairy-tales into Russian.

Ключевые слова: сказка, перевод, адекватность, стилистика, синтаксис, О. Уайльд.

Key words: fairy-tale, translation, adequacy, stylistics, syntax, O. Wilde.

Постановка проблемы. Стремительно происходящие в мировом сообществе процессы глобализации приводят, с одной стороны, к унификации и стандартизации мировых культур, а с другой – к повышению самосознания представителей национальных культур, выводя на первое место желание сохранить специфику и особенности своей культуры при уважении и разумном приятии других культур. В связи с этим возрастает роль переводчика художественной литературы как связующего звена в межкультурной коммуникации. При этом искусство перевода заключается теперь не только в умении передать текст без нарушения визуальных норм переводящего языка, но максимально сохранить культурные особенности языка оригинала.

Цель статьи – в ходе предпереводческого лингвостилистического анализа сказок О. Уайльда осуществить функциональный анализ лексических и синтаксических стилистических средств в узком контексте сказок, а также выявить и систематизировать потенциальные трудности перевода их на русский язык.

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, этико-социальной природой сказки как отражения исконных ценностей нации и недопустимостью искажения содержания этих ценностей при переводе, так как сказки другого народа, читаемые либо слушаемые в детстве, часто являются первым шагом межкультурного контакта. С другой стороны, выбор темы исследования обусловлен недостаточной изученностью объекта исследования. Несмотря на то, что жанровая и стилистическая специфика авторских сказок, и сказок О. Уайльда в том числе, освещена в ряде отечественных и зарубежных исследований (А. Аствацатуров, Н. Будур, О. Валова, Е. Гениева, Н. Демурова, Ж. де Ланглад, Л. Скуратовская, К. Beckson, M.-L. Von Franz), параметры авторской сказки, представляющие потенциальную трудность для перевода, не получили системного освещения.

Сказки О. Уайльда, подобно другим его произведениям, складывались под влиянием декадентской эстетики [2; 1]. Их проблематика накладывает отпечаток как на своеобразие композиционного построения, так и на систему персонажей. Важную роль в понимании сказок играет их стилистическое своеобразие, определяемое эстетическим кредо писателя, что находит отражение в авторской модификации жанра сказки, носящей черты эстетизма и декаданса, но выходящей идейно за рамки последнего. Диапазон используемых О. Уайльдом лексических стилистических средств необычайно широк и включает:

Персонификацию, которая выполняет при помощи оценочно-релевантных местоимений *he* (отрицательная оценка) и *she* (положительная оценка) функцию выражения авторского отношения к персонажу: “*And when the Moon shone in the heavens the Nightingale flew to the Rose-tree, and set her breast against the thorn*” [5, с. 28]; “*So the Hail came. Every day for three hours he rattled on the roof of the castle till he broke most of the slates, and the he ran*

round and round the garden as fast as he could go” [5, с. 35]. Сохранение подобной функции стилистического средства в переводе представляется столь же важным, сколь и проблематичным, поскольку русские личные местоимения он / она в отношении неодушевленных объектов и животных эмоционально-оценочного коннотативного значения не имеют. Следовательно, для сохранения в тексте перевода модальности авторского отношения к персонажу переводчик будет вынужден прибегнуть к переводческой компенсации за счет применения других лексических средств выражения оценки.

Наряду с использованием оценочно-релевантных местоимений в представленной в сказках персонификации, также отметим примеры использования О. Уайльдом персонификации в традиционной форме, когда неодушевленному предмету или явлению приписываются осмысленные целенаправленные действия, эмоции и чувства: “*The trees forgot to blossom...*” [5, с. 34]; “*The Frost painted all the trees silver...*” [5, с. 35]); “*The beautiful flowers saw the notice-board and were very sorry for children...*” [5, с. 35]. Так, подобное использование персонифицированной природы, сочетающей в себе стихийные и человеческие качества, помогает раскрыть внутренний мир героя. Ярким тому примером может служить образ сада в сказке “*The Selfish Giant*” [5, с. 32-37]. Изменения сада в соответствии с временами года делят сказку на три периода, отражают состояние героя и создают условия для его нравственного развития.

Сравнения, как традиционные, определяемые стилистикой сказки: “...*he [The Happy Prince] is as beautiful as weathercock...*” [5, с. 9], “...*roses...as white as foam of the sea...*” [5, с. 27], так и авторские, вносящие новизну и оригинальность в сказочное повествование, представляют в силу этого трудность для перевода. Важно отметить влияние эстетических взглядов автора на создаваемые им сравнения, их декоративность, насыщенность цветом, звуком, эмоцией: “...*roses that yellower than the daffodil that blooms in the meadow before the mower comes with his scythe*” [5, с. 27], “...*and a delicate flush of pink came into the leaves of the rose, like the flush in the face of the bridegroom, when he kisses the lips of the bride*” [5, с. 29].

Эпитет в сказках О. Уайльда характеризуется поэтичностью и метафоричностью, кроме того, благодаря наличию в эпитете эмотивных, экспрессивных и других коннотаций, выражается отношение автора к предмету. Выделим эпитеты, при помощи которых автор знакомит нас со своим отношением к тому или иному персонажу сказки, помогает понять читателю, как он оценивает того или иного героя. Так, эпитеты: “*false lips*” [5, с. 58], “*selfish reason*” [5, с. 61], “*cold, crystal moon*” [5, с. 28] относятся к описанию отрицательных персонажей сказок. В свою очередь, эпитеты “*delicate blossom of pink and pearl*” [5, с. 33], “*the White moon*” [5, с. 12] придают экспрессивности высказываниям автора и наделяют персонажей положительными характеристиками.

Оксюморон, лежащий в основе парадокса, помогает автору раскрыть противоречивость описываемого явления или характера: “*pretty disdain*” [5, с. 59], “*painful pleasure*” [5, с. 24], “*perfect monster*” [5, с. 106].

Метафора, широко используемая в сказках О. Уайльда, способствует созданию живых, ярких образов, придает человеческий, реальный облик персонажам, не имеющим такового в реальной жизни, делает достоверными сказочные события. Отличительными чертами авторской метафоры в анализируемых сказках являются:

а) сочетание метафоры с персонификацией и задействие эмоционально окрашенной лексики: “...*the pomegranates split and cracked with heat and showed their bleeding red hearts*” [5, с. 100], “...*the Sun in her chariot of gold, the Moon in her chariot of pearl...*” [5, с. 14];

б) декоративность, изысканность метафор, апеллирование к краскам, цветам, бабочкам как символам прекрасного, часто в сочетании с аллитерацией, упорядоченным ритмом или диссонансом: “...*the purple butterflies fluttered... visiting each flower in turn...*” [5, с. 24] (концентрация звуков *p, b, t, f, l* на фонетическом уровне повышает экспрессивность метафоры, создавая ощущение трепета крыльев бабочки), “...*roses that are yellower than the daffodil that blooms in the meadow before the mower comes...*” [5, с. 27] (концентрация звуков *w, b, l, m*, ритмичность фразы создают ощущение приближающейся трагедии, недолговечности красоты), “*blossoms of Fire*” [5, с. 64] (диссонансный контраст ударных гласных звуков усиливает экспрессивность и оригинальность данной метафоры).

Заведомое преувеличение, либо гипербола, также находит свое применение в текстах анализируемых сказок. Гиперболичны многие из сравнений и метафор О. Уайльда, повышающие экспрессивность высказывания: "...*the Sun in her chariot of gold, the Moon in her chariot of pearl...*" [5, с. 14]. Зачастую гипербола применяется для придания комичности персонажам: "*I will set the whole world on fire and make such a noise that nobody will talk about anything else for a whole year*" [5, с. 67], придания экспрессивности высказываниям: "*She will dance so lightly that her feet will not touch the floor...*" [5, с. 24]. Аналогичную функцию выполняет в тексте сказок ирония: "*I am so clever that sometimes I don't understand a single word of what I am saying...*" [5, с. 70] или: "*The Student looked up from the grass, and listened, but he could not understand what the Nightingale was saying to him, for he only knew the things that are written down in books*" [5, с. 14].

Синтаксические стилистические средства, используемые автором в текстах сказок, не менее разнообразны, нежели лексические.

Используемый прием *capitalization*, или употребление заглавной буквы в нарицательном имени существительном, наблюдается во всех сказках О. Уайльда без исключения. Целью данного приема в сочетании с персонификацией является, в основном, обозначение имен сказочных персонажей. Так, большинство заглавий сказок представляют собой имя главного героя, сосредотачивая внимание читателя на центральном персонаже: *The Star-Child, The Young King*, либо события: *The Birthday of the Infanta*, или подчеркивая основную идею произведения: *The Selfish Giant*. Значительная часть имён переводится в имена собственные из нарицательных имен существительных, обозначающих принадлежность к классу вещей: *The Remarkable Rocket*, к природе: *The Nightingale and The Rose, The Swallow*, либо определённую социальную позицию или должность: *The Happy Prince, The Fisherman, The Town Councilor, The Mayor*.

Широко в сказках представлены восклицания, выполняющие, главным образом, функцию речевой характеристики персонажа, привлекающие внимания читателя к объектам и событиям, эмоционально значимым для героя сказки: "*What a wonderful piece of luck!*" [5, с. 46], "*How cool I feel!*" [5, с. 25]. Вместе с тем, обилие восклицательных предложений делает интонацию сказочного повествования несколько наивной, инфантильной, что соответствует традиционной стилистике сказки. С точки зрения перевода, потенциальную трудность представляет не столько сама восклицательная форма предложения, сколько наполняющие его лексические единицы, в частности, слова-усилители: "*How very ridiculous!*", грамматические безэквивалентные единицы (*a piece* в функции обозначения единственного числа неисчисляемого имени существительного).

Повтор, как и восклицательные предложения, усиливает выразительность высказывания, но предметно-логической информации обычно в себе не несет. Представленные в сказках повторы весьма разнообразны: анафора: "*Leaf after leaf of the fine gold the Swallow picked off. Leaf after Leaf he brought to the poor...*" [5, с. 20], где налицо сочетание эмфатической синтаксической конструкции с аллитерацией, передающей ощущение шепота; анадиплосис: "*She passed through the grove like a shadow and like a shadow she sailed across the garden*" [5, с. 25]; повтор-антитеза: "...*white rose, red rose; red rose, white rose...*" [5, с. 126]; повторы значимых слов и их сочетаний: "*Swallow, Swallow, little Swallow...*" [5, с. 13-19] (повторяясь семь раз в течение всей сказки, это обращение выступает в функции эмоционального лейтмотива). При переводе существенным является не столько сохранение повтора синтаксической конструкции, сколько ритмической организации предложения, аллитерации, эмоционального потенциала фразы.

Инверсия, как правило, более нормативная в русском языке, нежели в английском, в сказках О. Уайльда выполняет задачу привлечения внимания читателя к определенным компонентам фразы и является очень сильным эмотивным стилистическим средством. Будучи более свойственной поэтической речи, инверсия придает прозе поэтичность, повышенную эмоциональность, способствует большей ритмичности предложений, что еще раз указывает на тяготение автора к усилению экспрессии прозаического повествования: "...*and a really fine day it certainly was...*" [5, с. 99], "...*coloured like flame is his body...*" [5, с. 30], "*Later on had followed the marriage, hastily performed*" [5, с. 78]. В силу различий систем английского и русского языков на уровне синтаксиса, инверсия

представляет значительную трудность для переводчика, поскольку вынуждает его компенсировать эмоционально-экспрессивный потенциал инверсии другими стилистическими средствами. Подобная трудность дополнительно усугубляется в связи с характерным для сказок О. Уайльда явлением стилистической конвергенции: инверсия сочетается со словами-усилителями (*really, certainly*), употребляется в структуре сравнения (*coloured like flame is his body*), сочетается с антитезой (*what is joy to me, to him is pain*).

Параллельные конструкции, подобно восклицательным предложениям, не представляют значительной трудности для перевода, но не должны быть оставлены переводчиком без соответствующего синтаксического стилистического эквивалента в тексте перевода. Зачастую параллельная конструкция используется для усиления лексического средства, например, олицетворения: "*He brushed his hair off his eyes, it irritated him. He struck at it and it returned blow for blow. He drew back and it retreated*" [5, с. 62] или выполняет эмотивную функцию: "...*so I shall sit lonely and she will pass me by. She will have no need of me and my heart will break*" [5, с. 24].

Парадоксальная форма выражения мысли является одной из наиболее характерных черт творчества писателя. Критики неоднократно называли О. Уайльда мастером парадоксов [1; 3; 4]. Для парадоксов О. Уайльда свойственна минимизация декоративной экспрессии, использование лексики с выраженным эмоциональным коннотативным значением, объединение в одном узком контексте не сочетаемых в обыденном сознании понятий. Ярким тому примером может послужить сказка «Замечательная ракета» [5, с. 57-75]: "*It's a very dangerous thing to know one's friends*" [5, с. 56], "*I like to do all the talking myself. It saves time and prevents arguments*" [5, с. 68].

Парадокс трудно отнести к стилистическим языковым средствам какого-либо одного уровня. Отнесение парадокса к синтаксическим стилистическим средствам обосновано тем фактом, что для его реализации необходим контекст не менее одного предложения, а предложение является единицей синтаксиса. С другой стороны, парадокс может быть отнесен к композиционным стилистическим средствам в тех случаях, когда выражен на уровне сверхфразового единства. Стилистически парадоксальные высказывания О. Уайльда могут рассматриваться как стилистический диссонанс в художественной ткани сказки, нарушающий ее декоративно-наивную тональность. В смысловом плане именно парадоксальность придает сказкам их двуплановость и глубину.

Выводы. Итак, предпереводческий анализ сказок позволяет нам говорить о том, что на лексическом уровне сказок О. Уайльда наибольшую потенциальную переводческую трудность предоставляют: оценочно-релевантная персонификация; авторские сравнения; метафорические и эмоционально окрашенные эпитеты, служащие средством характеристики сказочных персонажей; сочетание метафоры с персонификацией и использование в рамках метафоры эмоциональной лексики; сочетание метафоры с аллитерацией, упорядоченным ритмом или диссонансом; ироническая гипербола.

На синтаксическом уровне выявленными потенциальными трудностями для переводчика сказок О. Уайльда являются следующие синтаксические стилистические средства: сочетание восклицательной формы предложения как речевой характеристики персонажа с употреблением слов-усилителей, грамматическими безэквивалентными единицами; сочетание повторяющейся синтаксической конструкции с упорядоченным ритмом, аллитерацией, эмоционально окрашенной лексикой; стилистическая инверсия в конвергенции с метафорой, антитезой, сравнением, словами-усилителями; авторские парадоксы, стилистически контрастирующие со всей художественной тканью сказки.

Библиографический список

1. Nassaar C.S. Into the Demon Universe: A Literary Exploration of Oscar Wilde / Christopher S. Nassaar. – New Haven and London : Yale University Press, 1974. – 191 p.
2. Schmidgall G. The Stranger Wilde: Interpreting Oscar / Gary Schmidgall. – New York : Dutton, 1994. – 112 p.
3. Shewan R. Oscar Wilde: Art and Egotism / Rodney Shewan. – London : Barns & Noble, 1977. – 325 p.

4. Von Franz M.-L. An Introduction to the Interpretation of Fairy Tales / Marie-Louise von Franz. – Boston : Shambhala, 1990. – 319 p.
5. Wilde O. The Happy Prince and Other Stories / Oscar Wilde. – Penguin Popular Classics, 1994. – 204 p.

СЕКЦИЯ

Теория литературы, текстология

УДК 811.161.1

Арпентьева М.Р.

Калужский государственный университет

КСЕНОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Аннотация

Статья посвящена ксенологическому анализу проблем взаимопонимания в мультикультурном диалоге. Рассматриваются процессы соотнесения ино-бытия, само-бытия и со-бытия человека, возможности и ограничения взаимопонимания в разных моделях: постулирующих невозможность взаимопонимания и осмысляющих его как фрагменты со-бытия человека с миром.

Abstract

The article is devoted to xenological analysis of problems of mutual understanding in multicultural dialogue. Discusses the process of mapping Ino-existence, self-existence and co-existence of man, the possibilities and limits of understanding in different models: postulates the impossibility of understanding and interpreting it as a fragment of co-existence with the world.

Ключевые слова: взаимопонимание, аллология, ксенология, границы, диалог, ценности, выход.

Key words: understanding, allology, xenology, borders, dialogue, values, output.

Проблема Чужого и Чуждости - одна из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем гуманитарной и, в частности, культурно-исторической мысли конца XX - начала XIX века. Попытки концептуального описания Чуждости, создания некой непротиворечивой и универсальной модели Чужого в его взаимоотношениях с Собственным предпринимаются практически во всех областях гуманитарного знания от прикладной социологии до философской антропологии, особенно популярны они в исследованиях мультикультурного или поликультурного диалога. «Аллология», «ксенология», или наука о Другом или о Чужом представлена множеством отраслей, во многом повторяющих строение современного гуманитарного знания. Значительны и собственно исторические работы и концепции Чужого, в частности, работы, описывающие особенности архаического, античного, средневекового, современного сознания, их сходства и отличий. Различные аспекты генезиса «образов Чужого», их деконструкции и преодоления - темы многочисленных современных европейских и международных исследований в рамках научной и экуменической ориентаций [2; 6; 11].

Само по себе выделение вопроса отношения человека к человеку: в самостоятельную проблему произошло на довольно позднем этапе развития общественного сознания. Внимание первобытного человека было устремлено преимущественно на его отношение к природе, а отношение людей друг к другу не фиксировалось как сколько-нибудь существенное, специфическое, требующее специального внимания. Осознание того, факта, что другой человек столь же свободный, активный, подлинный субъект, как я, начинается в древнегреческой философии. Сократ и Платон обозначили контуры этической

проблематики, отражающей межличностные отношения, а также контуры исследования этой проблематики – необходимость в философской рефлексии межличностных и, шире, межсубъектных отношений, метода диалога. Знаменитый императив Сократа: «Познай самого себя» говорит о том, что самопознание достигается в процессе устного диалога с другими и собеседования со своим внутренним «Я». Логическим продолжением представлений античных философов о человеке является представление Аристотеля о человеке, как об общественном существе. Однако, общественная и научная мысль античности лишь обозначила стратегические направления изучения проблемы межсубъектных отношений. Последующее развитие данная проблематика получила в немецкой классической философии конца XVIII - начала XIX вв. Исходной точкой философского анализа стал «субъект» (прежде всего, как человек) в его активном отношении к объективному миру. Например, в человеческой концепции «человека вообще», то есть абстрагированного человеческого сознания, признается необходимость другого для самого существования моего сознания, как самосознания, но межсубъектные отношения сводятся к познавательному отношению субъекта к объекту.

Впервые категория «Я» и «Ты» появляется в антропологической концепции Л.Фейербаха. Он исходил из того, что «отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности в себе... Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека о человеком, в единстве, опирается лишь на реальность различия между Я и Ты... единство Я и Ты есть Бог». Силой, объединяющей «Я» и «Ты», является любовь человека к человеку, могущая разрешить главные противоречия жизни людей. Традиция Л.Фейербаха изучения отношения человека к человеку как духовного продолжена в философских работах XX века, в частности, экзистенциалистского направления - М.Хайдеггера, К.Ясперса, М.Бубера, Ж.-П.Сартра. Развитие индивидуализма, распад социальных связей, взаимное отчуждение создали условия развития этого направления. Социально-историческую ситуацию, лежавшую в основе экзистенциалистской концепции человеческих отношений, можно определить как «кризис общения», для которого характерно всеобщее чувство одиночества, «заброшенности» индивида в мир, ощущение бессмысленности его кратковременного и никому не нужного существования. В качестве исходной точки бытия человека рассматриваются отношение «Я» и «Другого».

Так, М.Хайдеггер, отвечая на вопрос, существует ли человек как изолированный субъект или вместе с другими людьми, дает однозначный ответ: «... как нет субъекта без мира, так нет и изолированного «Я» без других. «Совместное бытие» есть основная конституирующая характеристика самого «человеческого бытия». Даже одиночество - производно от «совместного бытия», то есть человек может быть одиноким потому, что он по сущности является общественным. Но понятие «Я» и «Другой» не значат, что я отличаюсь от другого человека, «Другие» - это не какие-то определенные люди, это - не «Я», не «Ты», не «Он», - это - нечто среднее, безличное, это «Они». Существование в сфере «Других» лишает человека его индивидуальности, растворяет его в массе, в толпе, предписывает существованию повседневной вид бытия, основными типами отношений, в котором являются «проходить мимо друг друга», «не затрагивать друг друга», «быть друг без друга» вплоть до конфликтного - «быть друг против друга». Только освободившись от связи с другими, от их разрушающего действия, можно достичь подлинного существования, обрести свободу, обрести своё «Я», осознать уникальность своего существования [9]. В рассмотрении проблемы «Я» и «Другой» М. Хайдеггер основывается на следующем:

- Изначальная общественная сущность человека как «бытия ради других», «со-бытия» - «бытия-с-другими.

- «Я» и «Другой» в совместном бытии выступают как нивелированные, обезличенные, лишённые активности и ответственности индивиды.

- Подлинное существование возможно лишь в случае освобождения от связей и возвращения к индивидуальному, неунифицированному «Я».

- Два модуса существования человека – неподлинное и подлинное («экзистенция») - два бытийных состояния индивида - субъектности и объектности, взаимодополняющих и взаимно переходящих друг в друга.

Другую точку зрения в рассмотрении проблемы «Я» и «Другой» предлагает К.Ясперс.

Сравнивая концепции М.Хайдеггера и К. Ясперса, П.П. Гайденко отмечает, что: «Мир Хайдеггера - это монументальное молчание египетских пирамид, это странствие одинокого путника... это всегда - немое пребывание человека один на один с бытием, «прислушивание» к бытию...». По сравнению с этим миром, «Мир Ясперса совсем иной. Это всегда - мир коммуникации. Ясперс живет в мире диалога... Он категорически против познания человека как объекта, такого «предметного» познания, в котором теряется его самобытие, самость» [3, с.317]. К.Ясперс обосновывает необходимость познания человека как неповторимого, индивидуально своеобразного существа. Целостность - как характеристика человеческого существования включает в себя субъектный и объектный аспекты. Объектный аспект существования проявляется в социуме, социальный мир человека - это не истинный мир, суть его состоит в уравнивании, усреднении, растворении себя во всеобщем. Полюс субъектности включает в себя асоциальное бытие, «совершившийся прорыв мира наличного бытия», собственную активность, выделение себя из всеобщего.

Неотъемлемой характеристикой человеческого бытия является существование «Других», на полюсе объектности отношения между субъектами выражаются в форме неподлинной коммуникации, - люди объединяются с чисто практической целью. «Я делаю то, что делают все, верю, чему все верят, мыслю, как все мыслят. Мнения, страхи, цели, радости переносятся от одного к другому без того, чтобы это заметили, ибо происходит первоначальная, бесспорная идентификация всех».

Условие перехода к полюсу субъектности (подлинной коммуникации) является противопоставление «Я» другим, разрыв своих социальных связей и отношений, выделение себя из всеобщности, другими словами, одиночество. Одиночество (осознание себя) выступает как условие подлинной коммуникации, связи между двумя активными, уникальными, стремящимися друг к другу субъектами, в которой рождается «экзистенция» - ощущение подлинности своего бытия. «Человек может быть «экзистенцией» только в неповторимой, имеющей одноразовый конкретный характер коммуникации с другой «экзистенцией». Такая коммуникация конкретна и неповторима...». Другой - конкретный - этот Другой». Наиболее значимые положения концепции К.Ясперса таковы:

- Центральным моментом человеческого существования является взаимодействие субъекта с другими.

- Бытие человека рассматривается как некоторая целостность как единство субъектной (проявляющейся в экзистенциальной коммуникации) и объектной (реализующейся в системе обезличенных социальных связей и отношений) составляющих.

- «Бытие-с-другими» включает в себя два уровня- на одном (неподлинная коммуникация) - «Я» и «Другой» выступают как абстрактные носители социальных правил и норм, второй (подлинная коммуникация) предполагает взаимодействие конкретных индивидуальностей.

- В результате общения активных, сфокусированных друг на друге субъектов, появляется новая (психологическая) реальность – «экзистенция», в которой реализуется подлинность, самость контактирующих «Я» [3].

Важные аспекты проблемы «Другого» затрагивает Ж.-П. Сартр. Как и его предшественники, он признает равноправие отношений «Я» и «Другого». Речь идет не об односторонних отношениях с объектом-в-себе, но о взаимных, подвижных отношениях» - пишет Ж.-П. Сартр. В качестве главного метода исследования субъекта философ выдвигает рефлекссию образов сознания, что переносит область intersubjectных отношений в сферу идеального. Другие существуют лишь как объекты сознания, не сознание «самополагает» существование Других, а не определено их реальным бытием. Поэтому и не нужно реально общаться с Другими, достаточно воспринимать их присутствие.

Ж.-П. Сартр постулирует изначальный конфликт, существующий в отношениях между людьми. «Каждое бытие-для-себя пытается быть смертью Другого. Было бы ошибкой считать, что оно стремится принять этого другого... Мое отношение с Другим напоминает замкнутый круг, в котором каждый старается воспользоваться ошибкой Другого». Человек не может вступать в отношения с другим человеком, не затрагивая его свободы. В каждой ситуации человек думает только о Себе, превращая Другого в средство для жизни. Будучи свободным бытием, субъект не может безропотно относиться к отчуждению Своей свободы

Другим, поэтому возможны два типа отношений к Другому: 1) попытка ассимилировать бытие Другого, слить его со Своим бытием; 2) стремление уничтожить субъектность Другого, превратить его в чистый объект («Оно»). Однако, эти попытки бессмысленны, то есть обречены на провал, т.к. независимо от воли человека, в силу простого факта его существования, в его сознании отчуждается свобода Другого. Таким образом, несмотря на идеальный характер описываемого Другого, он имеет огромное значение в жизни «Я», определяет его Собственное бытие - способен его разрушить или придать целостность. Ж.-П. Сартр во многом абсолютизирует конфликтность таких отношений, сложность и драматизм их развития.

Наиболее полно категории «другого бытия», «Я и Другой» были разработаны в работах представителя философской антропологии М. Бубера [6]. Он вводит в противовес идеализму как философии «всеобщего субъекта» фактическое «Я», при этом подчеркивает, что само по себе «Я» не является подлинным началом, оно приобретает всю полноту индивидуальности лишь в отношении к «Ты». По мнению М. Бубера, личность и «иное бытие» могут полностью осуществиться только в отношении, где они обращены друг другу как участники диалога, как «Я» и «Ты». При этом каждый участник диалога должен признать противостоящую ему реальность в её исключительности и своеобразии, более того, он должен приобщиться к её конкретному содержанию, не нарушая его оригинальность, но и не отказываясь от своеобразия собственного бытия. Ключевыми категориями диалогического отношения являются «Я - Ты» и «Я-Оно». «Я-Ты» - интимное отношение, переживаемое всем существом человека, основанное на цельном восприятии другого, «Я-Оно» - познавательно-оценочное отношение, осуществляемое в утилитарно-практической сфере. Характер связи этих отношений - не иерархия, не взаимная исключительность, а дополнительность. М.Бубер выявляет основные признаки диалогических отношений, не лишённые противоречивости, но, тем не менее, существенные в разработке данной проблемы:

- полная симметричность диалогического отношения; существование диалогических отношений только в промежуточной сфере, находящейся между противостоящими партнерами;

- непосредственность диалогического отношения как отрицания всякой возможности его подчинения предполагаемому изначальному объектному отношению; спонтанность возникновения диалогического отношения;

- исключительность, неповторимость, уникальность отношения;

- существование диалогического отношения только в настоящем времени; неустойчивость межличностного отношения, обязательность превращения его в отношения типа «я - оно».

С точки зрения проблемы «я - другой» наиболее существенны следующие выводы М.Бубера [6; 9; 10]:

- Необходимость «Другого» для возникновения «Я», непризнание первичности «Я».

- Одновременное существование отношений типа «Я - Ты» и «Я-Оно», не противопоставленных друг другу.

- Существование предмета диалога, самих диалогических отношений не в «Я», а между партнерами, между «Я» и «Ты».

- Важность сохранения собственной позиции при приобщении к позиции «Другого», бережное отношение к позиции «Ты».

Конкретность человеческих отношений, небывалое развитие индивидуализма в обществе были отражены и рассматривались в работах У. Джемса, который выделил в качестве основной характеристики человеческого «Я» социальность, как включенность индивида в сеть межличностных отношений. Социальное «Я» определяется осознаваемыми мной реакциями других лиц на мою персону, поэтому у каждого человека несколько социальных «Я». «Другой» для «Я» предстает в виде интериоризованного суждения определенной оценки, причем определяющее значение имеет принадлежность его к группе лиц, мнением которых «Я» дорожит. Но такому объектному, выполняющему регулируемую функцию социальному «Я». У.Джемс противопоставляет «особое потенциальное социальное «Я», которое реализует себя лишь в социуме мира идеального, в общении со Всевышним, и с

Абсолютным разумом. Такая трактовка человеческого я, как духовной сущности, сближает У.Джемса с экзистенциалистами, что указывает на общность отражённой реальности [10].

Проделанный обзор ксенологических исследований позволил выявить некоторые аспекты проблемы «Я - Другой» в гуманитарной традиции, а именно: важность «Другого» для бытия индивида, невозможность неучета его полновесной равноценной позиции по отношению к «Я», сложность их взаимоотношений и взаимовлияний. Любая моносубъектная концепция развития социального субъекта – в том числе, исторического развития той или иной общности, неизбежно оказывается «Я-центрической», вне зависимости от того, мыслится ли «Я» как объект развивающих усилий со стороны «Другого» или как единственный и полноправный субъект саморазвития». Альтернативным методом изучения системы «Я - Другой» и является восстановление в теории всего спектра отношений и взаимодействий в этой системе. Об этом методе говорил К.Ясперс, писал А.А.Ухтомский и др. Они подчеркивали необходимость более индивидуализированного подхода, ориентированного на оба полюса реальности «Я - Другой». Этот подход исследователи стремятся реализовать введением интерсубъектной парадигмы. Интерсубъектный подход, в отличие от интрасубъектного, традиционного, берет в качестве единицы анализа не индивида, отдельного социального субъекта, а его связь с другими, усматривая в этой связи не нечто внешнее, Чужое, по отношению к его жизнедеятельности, а ее внутреннюю – Собственную - смысловую ткань. Изучается «...открытое пространство коммуникаций и взаимодействий между людьми, по отношению к которому факты «индивидуальной психики» оказываются подчиненными и производными» [8].

Особую роль во внедрении интерсубъектного подхода в систему гуманитарных знаний, а также для разработки проблемы «Другого» играет освоение творческого наследия М.М.Бахтина и А.А.Ухтомского. А.А.Ухтомский вводит и раскрывает понятие «доминанта на Собеседнике», смысл которого - это глубокое проникновение во внутренний мир другого человека, стремление понять его ценностно-смысловую позицию, отстроившись от собственных установок, стереотипов и ожиданий. «Другой» для А.Ухтомского - это живое конкретное человеческое лицо, «которое никогда не может быть средством для меня, но всегда должно быть моей целью», и когда происходит это понимание, «сам человек впервые приобретает то, что можно в нем назвать лицом». Таким образом, становление личности, «ее пробуждение» неразрывно связано с переключением себя и своей деятельности на других. В поиске метода познания человека: «нам надо из самоудовлетворенных в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его живой конкретности и реальности, поставив доминанту на живое лицо...». В данном подходе выявляется «перенос «центра тяготения с Себя на Другого и первооткрытия лиц» «помимо Себя». Это, по сути, не столько «преобразование» жизненного мира личности, сколько, прежде всего, усмотрение реальной данности, которая изначально является центральным конституирующим законом этого мира», организующим его вне зависимости от «Я».

Концепция М.М.Бахтина также основана на реальности и безусловной значимости бытия другого для человека. Равноправие позиций «Я» и «Другого» в общении нельзя понимать как их одинаковость и тождественность» Напротив, М.М.Бахтин всячески подчеркивал существенную, даже сущностную противоположность своей субъективности («я-для-себя») и субъективности другого («Другого-для-меня»). Более того, «Другой» имеет возможность осуществлять функции, принципиально недоступные «Я» - в силу изначальной социальности бытия психического. «Другой» вследствие своей позиции «внеаходимости» обладает «избытком видения» - «...уникальной возможности непосредственного восприятия целостной формы «Я», отсутствующей у самого «Я» и всегда имеющейся у Другого». Это восприятие другим «Я» как целостности приводит к возникновению ощущения и переживания собственной целостности у «Я» - этот вклад в формирование у «Я» «внутренне убедительного» сознания собственной полноты, и весомости М.М.Бахтин называет «даром формы». Реализация таких функций «Другого» по отношению к «Я», как завершение, создание целостного образа «Я», подтверждение возможно только из равноправной позиции диалога [1].

В работах А.У. Хараша диалог понимается как предметно-сфокусированное общение. Понятия диалога, предметно-смысловой фокусировки и другие включены в более широкий

контекст интересубъектного подхода, основывающегося на принципе единства общения и деятельности, понимания отношений «субъект-объект» и «субъект-субъект» как двух сторон человеческого бытия, что является ключевой задачей утверждения его в качестве самостоятельной методологической предпосылки гуманитарного исследования. Основную формулу интересубъектного подхода можно представить как трансформацию формулы «субъект-субъект» в формулу «субъект-объект-субъект». Оба субъекта сохраняют субъектность благодаря «предметному» медиатору». Сфокусированность личностных смыслов вокруг этого «медиатора», единого предметного поля, обозначаемая как предметная (проблемно-смысловая) фокусировка, и есть, собственно, диалогическое ядро общения. В интересубъектном подходе «Я» раздвигает собственные границы благодаря Другому и за счет его. Другое – раздвигает свои границы за счет «Я», благодаря ему. Более того, в знании «Я» о Своем нет ничего, что поначалу не было бы Чужим. Даже понятия и способы обращения с ними возникают в общении с Другим – перенимаются или конструируются - существуя как данность уже созданная Другим прежде, или возникая в результате реализации потребности общения Своего с Другим [10].

Отечественные и зарубежные историки-исследователи задаются вопросом: если Чужое творит «Я», вторгаясь в Собственное, то каковы возможности «Я» в его познании? Наличие Другого дает первичное двойственное деление мира на пространство Своего — доступного и находящегося во владении — и пространство Чужого — недоступного и не находящегося во владении. При этом Чужое основывается в проверяемой доступности непосредственно недоступного, а опыт Чужого может существовать только как опыт непреодолимого отсутствия. Отсюда исследователи усматривают источник парадоксальности природы Чужого: оно находится в начале первичного осмысления, временного и пространственного структурирования Своего, но, в то же время, не поддается постижению Своим. Попытки привести Чужое к высказыванию собственного смысла способны уничтожить Чужое как Чужое. Абсолютно Чужое описывается как всегда непостижимое. Будучи обретенным и познанным Своим (о-своенным), Чужое как чуждое неизбежно исчезает, растворяясь в Своем. В силу этого непреодолимого противоречия современные представления о Чужом в культурно-исторической перспективе конституируются в контексте актуального настоящего, переживание каждого момента которого как еще Своего завершается очуждением его как прошлого – и потому уже Чужого. Опыт Чужого представляется историку одним из вариантов опыта самого себя: «Когда мы что-то видим, мы выбираем то, что видим, т. е. мы видим как картезианские существа — через знание видимого, я бы сказал, через то, что мы уже знаем о том, что видим. В этом смысле мы не видим (да и нам не столь необходимо видеть) то, что ничего не значит для нас с точки зрения предшествующего опыта или воспоминания», — пишет В. Подорога, отсылаясь к идее М.Хайдеггера о просвете, предвосхищающем понимание [7; 9]. Поэтому в рамках современной проблематики исторической аллологии, представления о чужой культуре (о Чужом) центрируются на культуре собственной, которая в них выполняет роль одновременно и центрального члена, и базовой модели, привносящей в пространство Чужого несвойственную ему систему представлений и ориентиров. Действительное строение Чужого, таким образом, либо не учитывается вовсе, либо воспроизводится по результатам и процессу его преобразования, воспринимаемого Своим - с той или иной мерой приближенности. Представления Своего о Чужом не есть простое воспроизведение Чужого, но всегда — истолкование его на своем, понятном языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки совместимы. Поэтому в современной науке обращение к «Другому» по преимуществу «вне понятийно», оно, скорее отражает личную позицию исследователя, его отношение к этой проблеме и доступные – освоенные им и недоступные – отчужденные им способы понимания Чуждости. Перспективы ксенологического осмысления мультикультурного контакта связаны с поиском путей преодоления этого отчуждения. Мультикультурный контакт подтверждает и утверждает ценность культуры и человека, дает человеку ощущение бесконечности его достоверности, важности решения задачи на смысл – бытия людьми, «полноценного функционирования», объединяющего в единый цикл духовного путешествия само-бытие, так и ино-бытие. В человеческом со-бытии как воплощении инобытия и самобытия, превращение и возвращение встречаются: в точке их пересечения возникает

взаимопонимание: свое и Чужое становятся Своими. В ино-бытии и само-бытии Свое и Чужое расходятся, вступая в диалог со Своим Чужим и Чуждым Своим. Возникает величайшая иллюзия: понимания самого себя или другого, преодолеваемая еще более внешне иллюзорным мигмом «события со-бытия».

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. - 424 с.
2. Ванденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о "Чужом" // Логос. - 1994. - № 6. - С.77-90.
3. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка - М.: Лабиринт, 1993. - С.117,.
4. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. - М.: Республика, 1997.- С. 317-318
5. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. / Комментарии. № 10. — М.,СПб.: Наука, 1996. - С. 85
6. О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // От Я к Другому. Сборник переводов: /Под ред. А.А. Михайлова. — Минск: Навука, 1997. – с.34.
7. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию (Материалы лекционных курсов 1992—1994 гг.). — М.: Admarginem, 1995. — С. 144-145, 30-31.
8. Ухтомский А.А. Уловить содержание и смысл бытия // Психологический журнал. 1994. - Т.15.- №2.- С.137-152.
9. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. -М.:Высш. шк.,1991.-192с.
10. Хараш А.У. Социально-психологические механизмы коммуникативного воздействия. Дисс. ...канд. психол. наук. в форме научного доклада. М.: МГУ, 1983. 33с.
11. Чужое: опыт преодоления./ Под ред. Р.М. Шукурова. – М.: Алетейа, 1999. – 384с.

УДК 004.8.339

Добросельский В.В.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

ЦИФРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ И МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ, РАЗВИТИЕ

Аннотация

С появлением цифровых технологий, и их коммерциализации, диффузии инновационной продукции, рынок литературной продукции разделился из-за появления книг на цифровых носителях. Так бумажный «предок» вынужден уступать дорогу более мобильному, но менее эстетичному варианту книги, в цифровом формате.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации, В.В. Путина, от 12 июня 2014 г. № 426 в Российской Федерации 2015 год объявлен «Годом литературы». Во многом это событие поможет развитию в Российской Федерации чтения литературы различных жанров. Так на начало 2016 г. благодаря целенаправленному привлечению внимания населения России к чтению, потребительская аудитория русской литературы, различных жанров, должна увеличиться.

Данное исследование направлено на оценку состояния рынка цифровой литературной продукции России и мира в целом, даются основные предположения касательно состояния рынка на ближайшее будущее.

Abstract

With the advent of digital technologies and their commercialization, diffusion of innovative products, the market literary output divided by the appearance of books on digital media. So the paper "ancestor" forced to give way to a more mobile, but less aesthetic embodiment book in digital format.

In accordance with the Decree of the President of the Russian Federation, V.V. Putin, on June 12, 2014 № 426 of the Russian Federation in 2015 declared "Year of Literature." In many ways,

this event will help the development of the Russian Federation, read the literature of different genres. Since the beginning of 2016 thanks to a focused public attention to reading Russian, Russian literature, consumer audience, different genres, is expected to increase.

This study aims to assess the state of the market of digital literary production in Russia and the world at large, given the underlying assumptions with regards to the state of the market in the near future.

Ключевые слова: цифровые книги, мировой рынок цифровых книг, российский рынок цифровых книг, мировой рынок цифрового контента.

Key words: digital books, the global market for digital books, the Russian market of digital books, the global digital content market.

Цифровой контент – это разнообразие информационных материалов в цифровом формате, которые возможно использовать на различных цифровых устройствах, с целью развлечения.

Согласно исследования, проведенного компанией «J'son & Partners Consulting», которая проводила исследования темпов роста рынка цифрового контента (рис. 1), в 2012 г. рынок цифрового контента оценивался в 58 млрд. долларов. По прогнозам, всё той же компании, на момент 2016 г. мировой рынок цифрового контента будет оцениваться в 109,4 млрд. долларов. Так планируемый показатель предполагается достигать посредством популяризации электронных книг, прогнозам на снижение стоимости цифровых носителей, борьбой с цифровым пиратством в интернете и многим другим. Так в 2009 г. конгресс США выделил 30 млн. долл. на борьбу с цифровым пиратством.

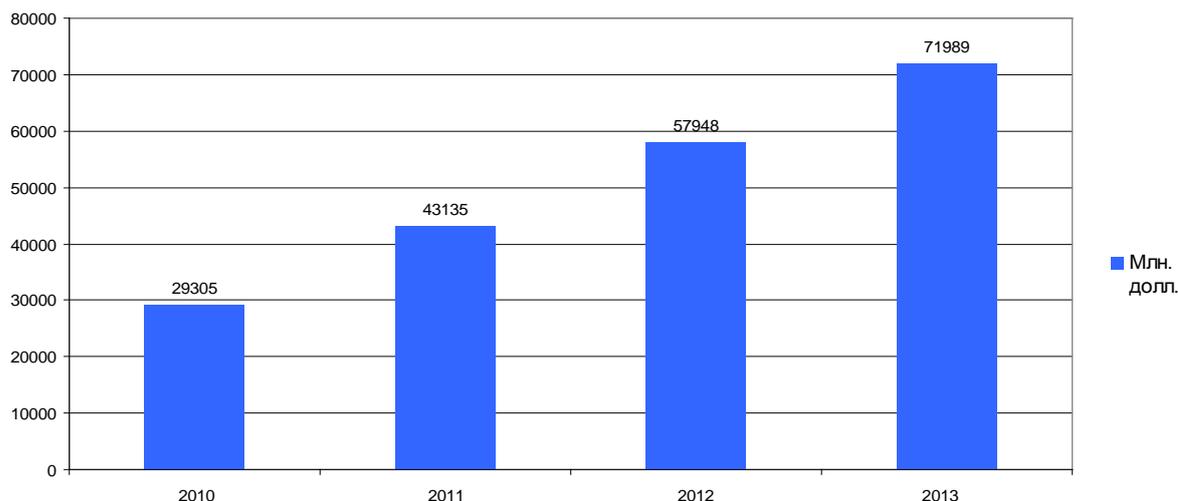

Рис. 1. Темпы роста рынка цифрового контента

Согласно статистике потребителей цифровой продукции проживает в США (38%). Второе и третье места занимают, страны из азиатского региона, Южная Корея (15%) и Япония (11%). В этом списке Россия занимает низкий показатель, так в России проживает 2 % потребителей.

Рис. 2. Статистика потребителей цифрового контента в мире

В основном российские потребители рынка цифрового контента занимаются покупкой онлайн игр, в общем эти суммарные затраты составляют около 97%! Российский потребитель платит в основном за игры, а электронные книги стоят на одном из последних мест, в списке желаемого контента. Выручка от реализации игр, только на момент 2013 г. составляла 35,4 млрд. рублей.

Цифровая продукция может быть совершенно разнообразной, так цифровой контент может иметь форму как обычной книги, журнала, периодической печати в электронном варианте, так и доходить до интернет пособия, интернет журнала, игры и пр.

Электронная книга (файл) – это вид неперiodической продукции в электронном формате, своеобразный цифровой контент, который несёт информацию (текстовую, графическую), как правило, объёмом более 48 страниц, и направлен на удовлетворение познавательных потребностей потребителей.

Согласно исследованиям «The Global eBook Report» (рис.3), на момент 2014 г., в мире больше всего потребителей электронных книг проживает в США (26% мирового рынка электронной литературы). Второе место занимает Китайская Народная Республика, с 12% мирового рынка электронных книг. Третье место принадлежит Германии, это 8% от общей доли мирового рынка электронных книг. Также лидирующие места занимают Япония (7%), Франция (4%), Великобритания (3%).

Активней всего рынок электронных книг развивается в США, так среди продаж цифровой литературы, среди издателей, приходится около 35% от объёма продаж всей литературы, в том числе и в бумажном варианте.

Как и среди книг на бумажном носителе, литература в электронном формате подвергается высокой реализации в праздничные периоды календарного года (рождество, новый год, день конституции и прочие).

Благодаря таким компаниям как Ozon, Amazon Kindle и Apple iPad, осуществляющих продажи в сети интернет, в том числе и цифрового контента, в массивных объёмах, продажи электронных книг сильно возросли. По мнению компании «J'son & Partners Consulting» на момент 2016 г. рынок электронных книг вырастет до 106 млрд. долларов.

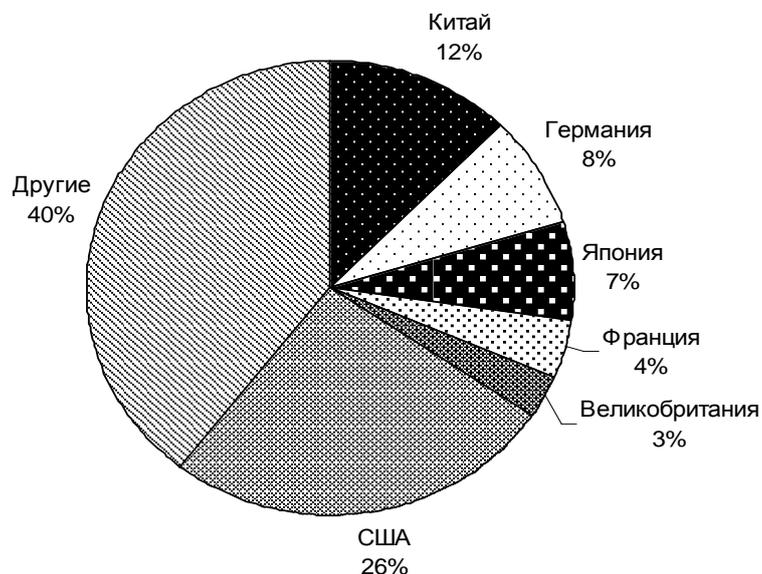

Рис. 3. Статистика рынка электронных книг (2013-14) гг.

В Японии наибольший объем реализованной литературы относится к жанру фантастики, приключений и пр. Комиксы с приключениями героев культовых комиксов распространяются на электронных устройствах (дисплеях мобильных телефонов и планшетов). Повышенный спрос на электронные книги в Японии вызван снижением цен на смартфоны и букридеры.

В России благодаря появлению планшетов и снижению цен на электронные устройства для чтения, российский рынок электронных книг. Согласно исследованию «J'son & Partners Consulting» на момент 2011 г. по сравнению с 2010 г., рынок электронных книг России вырос в 2,5 раза. Уже в 2013 г. по сравнению с 2012 г. рынок электронных книг вырос в 1,6 раз (рис. 4). Это вызвано изменениями в федеральном законе от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», так число пиратской продукции в интернете снизилось, и в связи с этим рынок электронных книг начал расти быстрее. Если сравнить 2011 г. к 2010 г. и 2012 г. к 2011 г., то можно увидеть, что рынок электронных книг России стабильно рос по 3 млн. долл. в год. Однако, с принятием закона в 2013 г., рынок начал расти. Сравнивая показатели 2013 г. к 2012 г., рынок электронных книг России вырос на 5 млн. долл., если сравнить 2014 г. к 2013 г., то можно увидеть что рынок вырос на более чем 9 млн. долл.

Во многом финансовые показатели находятся на низком уровне из-за развитого цифрового «пиратства» в стране. Конечно, в наше время этот фактор играет не самую плохую роль в развитии культуры населения, однако для экономического положения страны оно сказывается достаточно губительно.

Так 92% [7] россиян скачивают книги из интернета. В 2014 г. российский рынок электронных книг достигал около 22 млн. долл. Если взять к сравнению показатели 2010 г. и сравнить их с показателями 2014 г., то можно проследить большие темпы роста рынка электронных книг России, так только за четыре года, он вырос в 11 раз!

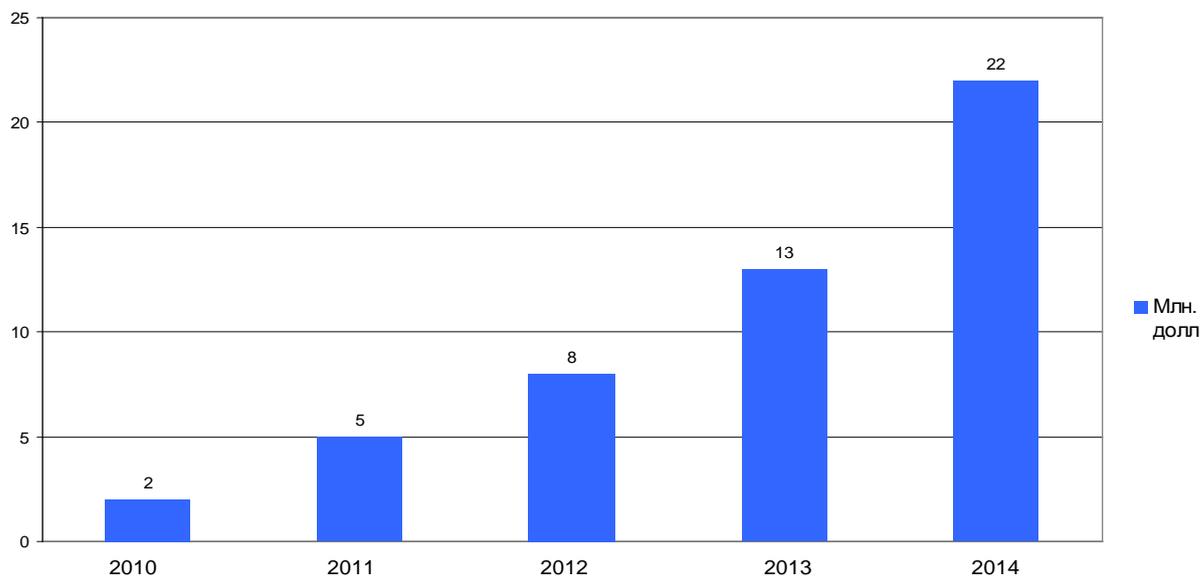

Рис. 4. Рынок электронных книг России (2013)

Согласно прогнозам рынок электронных книг России, в 2016 г. будет составлять 30 млн. долл. Во многом этот показатель должен вырасти за счёт борьбы с пиратством, диффузии электронных изданий и электронных устройств для чтения, изменения ценовой политики. По мнению многих потребителей, борьбу с пиратством можно начать с увеличения числа Интернет-ресурсов, которые будут реализовывать цифровой контент бесплатно, и при этом «существовать» за счёт распространения рекламы, продажи новейших изданий и популяризации ресурса.

Результаты данного исследования показывают, что рынок электронных книг России находится в стадии роста. В связи с борьбой с пиратской продукцией, бесплатной реализацией книжной продукции, а также удешевления электронных устройств рынок электронных книг будет расти в дальнейшем будущем.

Библиографический список

1. Е-книги – наиболее перспективный сегмент цифрового рынка России // Animedia Company [Электронный ресурс] – URL: <http://animedia-company.cz/ebooks-perspective-segment-blog/> (дата обращения: 04.07.2015).
2. Книжный рынок России 2013-2014. Статистика, тренды, прогноз // Журнал книжная индустрия [Электронный ресурс] – URL: http://www.bookind.ru/research/is_2014.pdf (дата обращения: 04.07.2015).
3. Отечественный рынок электронных книг достиг по итогам года 950 млн рублей // Pro-Books.ru [Электронный ресурс] – URL: <http://pro-books.ru/news/3/16236> (дата обращения: 04.07.2015).
4. Россияне полюбили цифровой контент // Газета.ru [Электронный ресурс] – URL: http://www.gazeta.ru/tech/2014/03/04_a_5935669.shtml (дата обращения: 12.07.2015).
5. Рынок электронных книг в России вырос за три года в шесть раз // РБК [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/543cfe9acbb20f706d21fd16> (дата обращения: 04.07.2015).
6. Рынок электронных книг в России и мире // Apps4All [Электронный ресурс] – URL: <http://apps4all.ru/post/10-14-14-rynok-elektronnyh-knig-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 04.07.2015).
7. Рынок электронных книг в России и мире // JSON.TV [Электронный ресурс] – URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/rynok-elektronnyh-knig-v-rossii-i-mire-20141013030400 (дата обращения: 04.07.2015).

8. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях».

Зензья И.В.

Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета

РАЗНОВИДНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация

В статье представлен материал, характеризующий типы обращений, встречающихся в прозаических текстах.

Abstract

The article presents data characterizing the types of applications found in prose text.

Ключевые слова: обращение, категория обращённости, текст

Key words: appeal, category converts text

Если обращения в фольклорных текстах, и особенно в индивидуально-поэтических, часто являются элементами лирического монолога, превращая его во внутренний диалог, то в прозаических произведениях, в условиях явного разделения диалога и монолога (конечно, и здесь возможна иногда импликация диалога), обращение проявляется в диалогических репликах, и поэтому оно является названием лица. «Фиктивные» обращения обычно не имеют места, за исключением лирических отступлений, которые по эмоциональной насыщенности нередко приближаются к лирике, например, обращение к птице-тройке в поэме Н.В.Гоголя «Мёртвые души». Конечно, при этом нельзя не учитывать лирический эпос, например, «Слово о полку Игореве», где «фиктивные» обращения (*О Днепр Славутич, О ветер-ветрило*), несомненно, значимы в авторском замысле.

Несмотря на то, что в целом для прозы мало характерны обращения к неживому, но в произведениях 19-20 вв. эти случаи привлекают внимание. Круг предметов, к которому обращается повествователь, может меняться на протяжении текста, например в «Египетской марке» О.Мандельштама: *“Семья моя, я предлагаю тебе герб: стакан с кипяченой водой”, “Но как оторваться от тебя, милый Египет вещей?”, “Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика, - лучше бы ты не глядела!”*, *“Петербург, ты отвечаешь за бедного твоего сына! За весь этот сумбур, за жалкую любовь к музыке, за каждую крупинку драже в бумажном мешочке у курсистки на хорах Дворянского собрания ответишь ты, Петербург!”*, *“Вы, дровяные склады- черные библиотеки города, - мы ещё почитаем, поглядим”*.

В этих случаях, судя по глаголам “ответишь”/ “отвечаешь”, Петербург используется в метонимическом значении. Он соотносится с лицами, в то время как в поэзии этот смысл, если и проявляется, то очень слабо, на основании чего об обращениях к топонимам следует говорить с известной долей условности: они напоминают риторические восклицания, близкие к именительному темы.

Устойчивые формулы обращенности (их точнее было бы назвать междометными маркерами) типа “здравствуй”, “прощай” заполняются формами адресации к живому и неживому: *“Прощай, Каспий, - ещё раз прощай!”* (Бестужев - Марлинский “Прощание с Каспием”), *“Прощай, жизнь, прощай, мой сад, и вы, мои липы!”* (Тургенев “Дневник лишнего человека”), *“Здравствуй, Сорока! Прощайте, метели, и ты, лес, и вы, вихри!”* (Ремезов “В плену”). Рассказ Куприна “Скворцы”, написанный от 1-го лица, заканчивается обращением к скворцам: *“До свиданья, милые скворцы! Прилетайте весной. Гнёзда ждут вас”*. Заметим, что появление в прозе обращений типа “Каспий”, “лес”, “жизнь” связано обычно с автосемантией (по И.Р.Гальперину), т.е. с относительно автономными участками

текста (например, лирическими отступлениями), что приближает прозаические фрагменты к стихотворному языку.

В форме обращения строятся рассуждения повествователя: *“О жизнь, жизнь, куда ушла ты так бесследно! Как выскользнула ты из крепко стиснутых рук? Ты ли меня обманула, я ли не умел воспользоваться твоими дарами?”* (Тургенев *“Поездка в Полесье”*), *“О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость, первых умилений любви - где вы, где вы?”* (Тургенев *“Первая любовь”*). В рассказе М.Цветаевой *“Черт”* рассуждения обличены в форму обращения к богу.

В *“Семейной хронике”* Аксакова при помощи притяжательного местоимения *твой* (одного из элементов обращённости) строится характеристика Оренбургской губернии: *Светлы и праздничны, как глубокие, огромные чаши, стоят озёра твои - Кандры и Карабатынь. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки, то быстротекущие по долинам и ущельям между отраслями Уральских гор, то светло и тихо незаметно катящиеся по ковылистым степям твоим, подобно яхонтам, нанизанным на нитку”*.

Очерк И.Кокорева *“Самовар”* представляет собой обращение на «ты» к самовару: *“Вышел ты на свет в городе, где по части металлических изделий - чего хочешь, того и просишь. Это свидетельствует старинная надпись, кудрявым почерком вырезанная на оболочке твоей крышки: Василий Иванъ Ломовы в Туле. Недолго пробыл ты на родине, и как пришла пора, хозяева повезли тебя к Макарью”*.

Повествование в форме 2-го лица чередуется с повествованием от 3-го лица. Заканчивается очерк так же обращением к самовару, но уже не в виде повествования, а в виде вопросов, в которых присутствует перифрастическое обозначение: *“Хорошо ли тебе у меня, добрый туляк? Не обижаю ли я тебя излишней взыскательностью, не часто ли требую на службу? Но ты замолк, приуныл? Уж не навело ли на тебя раздумье повествование о собственных твоих похождениях?”*

И всё же естественным в прозаических произведениях (так же, как и в драме) является использование в качестве обращений собственных имён, разговаривающих друг с другом героев. Эти обращения выполняют собственно-звательную функцию.

Чрезвычайно интересна роль обращений к лицам в прозаических текстах, которые рассматривались И.П.Ивановой (1981), Н.Д.Каражаевым (1991), Н.А.Кожевниковой (1994), Ю.М.Бокарёвой (1999) и др. Обобщение этих материалов позволяет назвать следующие особенности употребления обращений в указанных текстах.

Употребление обращений в повестях и рассказах может проявлять социально-классовую отнесённость персонажей, и при этом не только адресантов, но и адресатов. Ю.Д.Каражаев [1, с.26], рассматривая использование обращений в *“Донских рассказах”* М.А.Шолохова, указывает на то, что *“благодаря обращениям, точнее, подбору их языкового обозначения, автор удивительно наглядно передаёт характерную сторону “анатомии вырождения” человеческого в психологии зажиточных казаков, выражающуюся в злобной ненависти к своим детям (“висляй”, “сволочь”, “подлец”, “гадёныш”)*.

Одной из особенностей употребления обращений в прозе является то, что в языке персонажей по отношению друг к другу часто используются словообразовательные ряды, например, названий родства. Так, в рассказе М.Шолохова *“Нахаленок”* находим следующий разностилевой словообразовательный ряд обращений: *дед – дедок – дедушка – дедуня – дедуношка*, выполняющий чрезвычайно важную роль: стилистически четкую передачу реального положения дел в той или иной ситуации, характеристики участников их взаимоотношений. Ясно, что если первые два обращения могут употребляться по отношению к тому или иному лицу преклонного возраста со стороны как его родственников, так и не родственников, то обращения *“дедуня”, “дедуношка”* могут встречаться только в разговоре между внуком и дедом.

Эмотивность, связанная с обращением к персонажу, в прозаических произведениях создаётся не только словообразовательным варьированием его имени (или кореферента имени), но и экспрессивно окрашенными частями вводов в прямую речь (*сказала с жаром, говорил сквозь слёзы, отчаянно спрашивал*). Н.А.Кожевникова [1994:24-41] отмечает, что в некоторых произведениях, написанных от 1-го лица, объект изображения обозначается не 3-

им лицом, как обычно, а 2-м. Произведение или его часть строится как внутренняя речь, которая содержит обращение к конкретному лицу, герою повествования: *“О незванный господин! как я благословляю тебя в эту минуту!”*, *“Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька!”* (Достоевский *“Белые ночи”*).

Некоторые рассказы заканчиваются обращением к отсутствующему персонажу, напоминая стихотворный текст, в котором имеет место обращение к воображаемому лицу, существу: *“Мисюсь, где ты?”* (Чехов *“Дом с мезонином”*), *“Мелитта, Мелитта, пчела, ты когда-то больно меня ужалила, но ты также дала мне сладкого меда”* (Бальмонт *“Воздушный путь”*).

Обращение к персонажу может сочетаться с обращением к ассоциированному с ним неодушевлённому предмету: *“Милый Тюлин, милая, весёлая, шаловливая моя Ветлуга! Где же это и когда я видел вас раньше?”* (Короленко *“Река играет”*), *“О шуми, шуми, ветер, говори о просторах, дальних звёздах, радости”* (Зайцев *“Полковник Розов”*).

Кроме внутреннего адресата в прозаических произведениях обращённость бывает связана и с внешним адресатом - читателем, слушателем. Повествование может колебаться от интимно-субъективного к более объективному. Соответственно меняется и степень обращённости к читателю. Колебание местоименных форм передаёт и разное отношение к прошлому - рассказчик то приближается к нему, оживляя его, переживая заново, то удаляется от него. В результате такого использования местоимений рассказ приобретает специфический колорит. Так, рассказы И.Бунина *“Цифры”* и Ю.Казакова *“Свечечка”* обращены к мальчику.

Обращения к воображаемому собеседнику в разной мере влияют на структуру текст. Степень этого влияния зависят от того, имеют ли обращения последовательный характер или эпизодичны. В последнем случае важно, где именно находится обращение - в начале или в середине произведения. Обращения к слушателю могут иметь типизированный характер и могут, напротив, быть в каждом случае отличны друг от друга.

К слушателю обращено повествование в рассказах Тургенева *“Андрей Колосов”*, *“Петр Петрович Каратаев”*, *“Гамлет Щегровского уезда”*, *“Жид”*, *“Ася”*, *“Часы”*. В последних трёх названных рассказах ход повествования прерывается только обращениями к слушателям. Координационно-звательные обращения, по нашим наблюдениям, проявляются в прозе чаще и разнообразнее, чем в поэзии.

В рассказе *“Андрей Колосов”* сочетается два типа обращений, выполняющие координационно-звательную функцию. Одно обращение к конкретному персонажу, который в действии не принимает участия: *“Валерьян Никитич, пожалуйста мне пахитос”*. Другие обращения к слушателям безличны: *“Кстати, господа, скажите правду...”*, *“теперь вы, господа, вероятно, поняли, зачем Колосов после смерти Гаврилова, привёл меня с собой к Ивану Семёнычу”*, *“Я, кажется, забыл довести до сведения вашего, милостливые государи мои, что до того времени я боялся женщин и избегал их”*, *“Вы улыбаетесь, господа, - я понимаю вашу улыбку”*.

С обращения к слушателю начинаются некоторые рассказы Куприна: *“Да-с, господа, поставь правильно голос - это не фунт изюму...”* (*“О том, как профессор Леопарди ставил мне голос”*), *“Самоубийство, милостливые государи... это, видите ли как кто смотрит”* (*“Самоубийство”*), *“Мне, милый мой, никогда и ни в чём не везло”* (*“Пасхальные яйца”*). В рассказе Куприна *“Легче воздуха”* обращение - одновременно отсылка к другому рассказу этого же рассказчика: *“Я уже рассказывал, Синьор Алессандро, о том, какая была замечательная артистка Ольга Сур. Но у меня не хватило бы сил описать, как она была мила, добра и прекрасна”*. *“Последнее слово”* Куприна построено как обращение к судьям: *“Да, г.судьи, я убил его! Г.судьи! Мне тяжело говорить дальше”*.

Устойчивые обращения *“братцы”*, *“граждане”*, начинающие или заканчивающие рассказ, характерны для рассказов М.Зоценко: *“Вот, братцы мои, и праздник на носу - Пасха православная”* (*“Пасхальный случай”*), *“Что-то, граждане, воров нынче развелось”* (*“Воры”*), *“Вот, граждане, до чего дошли! Рабочий человек и в ресторан не пойдёшь - не впускают”* (*“Рабочий костюм”*), *“Да что ж это, граждане, происходит на семейном фронте? Мужьям-то ведь форменная труба выходит”* (*“Муж”*).

Притом, что повествование обращено к слушателю, оно не имеет диалогического характера. Обращения к слушателю играют композиционную роль, отмечая переход от одной темы к другой, акцентируя внимание на определённых моментах изложения.

Таким образом, употребление обращений в прозаических текстах является эмоционально-стилистическим фактом, отражающим отношение между персонажами и между повествователями и читателем / слушателем. Для общения в прозе в большей степени характерно обращение, предполагающее ответную реакцию (хотя бы ирреальную, например, по отношению к животному), а в поэзии немало в этом смысле “безответных” обращений. В прозе они чаще встречаются в лирических отступлениях, в воспоминаниях, рассуждениях повествователя, т.е. когда проза как бы переходит в поэзию, отражая эмотивное и интеллектуальное самовыражение автора.

Библиографический список

1. Каражаев Ю.Д. Стилистика обращений в «Донских рассказах» М.А. Шолохова// Экспрессивность текста и перевод. – Казань., 1991. – С.25 – 30.

СЕКЦИЯ Фольклористика

УДК 398.541

Кривенко О.В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

ПОЭТИКА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА «СОН БОГОРОДИЦЫ» В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ТРАДИЦИЙ

Аннотация

В статье приведён краткий анализ особенностей поэтики фольклорного текста «Сон Богородицы» в русской и в украинской традиции. Обозначены источники происхождения данного текста. Выделены основные элементы сюжета. Проанализированы основные причины популярности и продолжительного живого бытования его в восточнославянской среде.

Abstract

The article gives a brief analysis of the features of the poetics of folklore text "The Virgin's dream" in the Russian and Ukrainian traditions. It marked the origins of the text. The basic elements of the incantations are allocated. The main reasons for the popularity and long live his existence in the East Slavic environment are analyzed.

Ключевые слова: поэтика, фольклор, заговор, «Сон Богородицы», традиция,

Key words: poetics, folklore, incantation, "The Virgin's dream", the tradition

Происхождение и анализ поэтики заговоров на восточнославянском материале являются на сегодня одним из перспективных и популярных направлений в фольклористике. Особое внимание привлекают вопросы относительно поэтики широко известного на протяжении нескольких столетий текста «Сон Богородицы» и причин его распространения и длительного живого бытования.

Для проведения данного исследования выбраны методы описания, анализа и сравнения фольклорных явлений, что позволило охарактеризовать объект и предмет достаточно полно для выполнения поставленной задачи, объединить данные о бытовании данного заговора в русской и в украинской традициях с целью выхода на межнациональный уровень. Белорусские варианты «Сна» в данной работе не рассматриваются как такие, которые не

дают значимых новых сведений о поставленной проблеме. В перспективе предполагается добавить западнославянские аналоги через рассмотрение популярного там жанра видений.

«Сон Богородицы» был неоднократно опубликован в XIX веке в трудах Н. Пыпина, И. Франко, М. Тихонравова, П. Безсонова и др. Единичные тексты встречаются в других публикациях, как прошлого, так и настоящего времени. Заговор «Сон Богородицы» известен как в русской, так и в украинской традициях. Он является одним из многофункциональных текстов, используемых для различных целей (уберечь от опасностей человека в пути, помочь женщине при трудных родах, получить хороший урожай и др.) с выразительной апотропейной доминантой. Его передавали их уст в уста и записывали в специальные тетрадки. Списки «Сна» хранили дома или носили в ладанке на груди. В наши дни его легко найти в сети интернет в множестве вариантов. Популярность данного текста обусловлена, очевидно, его универсальностью, которая, в свою очередь обеспечивается рядом факторов. В связи с этим не в последнюю очередь следует вспомнить о том, что немногие заговоры имеют полноценное оригинальное название. Большинство из них названы собирателями и исследователями по прагматике (от зубной боли, от врагов, от укуса змеи и т.п.). В таком случае возникает закономерный вопрос: откуда у данного текста такое субстантивированное собственное название? Источником заговорного текста «Сон Богородицы» был признан апокриф, своего рода христианский миф, который со временем приобрёл обереговую функцию [8]. Причина популярности данного апокрифа состояла в том, что Богородица была одним из самых почитаемых христианских персонажей, благодаря чему удовлетворялось желание иметь подробные сведения о её жизни, недостаточно детализованное в Священном Писании. Сон Богородицы" продолжает традицию ранних апокрифов, о которых еще Н. Пыпин высказал мысль, что они служили для объединения сюжетных линий Ветхого и Нового Заветов и сыграли существенную роль в становлении христианства на Руси [1; 5, с. 214]. На основе указанного текста впоследствии было создано множество духовных стихов и заговоров [6] с общей для них магической функцией [2].

Л. С. Соболева характеризует типичную композицию «Сна Богородицы» в русской устной и рукописной традиции так: «В первой части апокрифического видения Богородица во сне узнает о грядущем распятии сына, и явившийся Господь объясняет спасительную силу его страданий. Во второй части предсказываются всяческие наказания тем, кто не верит в Бога, не соблюдает постов, и, напротив, обещаются всяческие блага тем, кто верен заповедям» [2, с. 211]. Подобного рода композиция, как считает А. Н. Веселовский, появилась в тексте не сразу, т.к. изначально это было полуфольклорное сокровенное мистическое откровение, связанное с «идеей открытия в видении тайного истинного знания о силе спасения» [2, с.211].

В русской традиции «Сон Богородицы» начинается обычно с топоса – места, где Богородица видит свой вещий сон (в «Вифлиеме граде Иудейском в марте месяце, в божии церкви за престолом», «во святом граде Иерусалиме, в восточной стороне, в соборной церкви, за престолом Господним», «на горе Елеонской», «в земле Елеонстей», «в Вифлиеме Иудейском, на реце Иордане», «в Британии на горе Оливнеу» (из рукописи Ерлича). Завязка повествования – вопрос Христа к Богородице: что видела она в своём сне? Ответ Богородицы составляет содержание первой части «Сна». Описание сна детализовано (особенно в части о смерти Христа, о психологическом состоянии Богородицы, в выяснении причинно-следственных связей и пр.), что делает видение максимально приближенным к реальному рассказу очевидца. Действие драматизировано и глубоко символично с точки зрения многих культурных систем: «в процессе бытования «Сна» в поздней рукописной традиции происходит погружение текста христианского мифа в предметно осязаемый мир» [2, с.218].

На рубеже XIX-XX вв. Большим авторитетом обладала пятитомная работа В. Шухевича «Гуцульщина», где, помимо другого разнопланового материала, была опубликована известная апокрифическая молитва «Сон Богородицы», упоминания о которой многочисленны, однако фиксацию данного текста в украинской традиции найти было сложно. В т.1 «Гуцульщины» В. Шухевич пишет о том, что во время церковных обрядов «отговаривают» («відмовляють») на коленях такую «молитву»:

«На осіяній горі сяянке зїле, с'єте праведне сонце сходить і заходить; там Божя матка лягла спати, спочівати. Прийшов єї син: «Мати моя, мати, буде час спати, спочівати. Ігїм Божу службу мати». – «Синку мій любий, прелюбий, який ми сї на тебе сон снів, шо тебе Жиди взяли, твої ручки, твої ніжки на хрест розпєнили, звоздами прибили, тернинкою оперезали, тернинкою ти голову з'єзали, кровцу твою розливали!» – «Мати моя, мати, нема чого сї страхати і жєхати, тоби минї незабавком часом за християнський народ муку відбувати». Встала мамка рано в негїлю, озмила сина за праву ручку, пішла на ранну службу, а з ранної на пізну, а з пізної на воду; а на тїй вогі каменем, а на тїм каменци манастир, а в тїм монастирі пристїл, а на тїм пристолї Сус Христос лежить крижом пораненим, стоїт коло него Павло й Петро. «Павле й Петре, не стїйте коло мене, не здивуйте з моїх ран. Берїт хрест у руки, ігїт по усему світу розповїдаючи, ци найдете старого, ци найдете слїпого, ци найдете кривого, хто буде Божу матку спомняти, тот не буде без сакраменту вмирати. Абиж мав тїлько грїхів, як листу, як трави, як звїзди на небї, буде єму Бог душу простити, не буде му звїр поїдати, не буде му чадо кров посисати; як буде умирати, буде єму матка конец голови стояти». Злекїли два ангелї, озмили душу до світлого раю, до супокою вішиного, де всї с'єтки спочївають і на віки амін пробувають» [9].

Ввиду того, что термин «заговор» был унормирован в украинской традиции относительно недавно, а также на контекст бытования этого текста, вполне объяснимым является жанровое определение «молитва», данное В. Шухевичем, однако в приведенном тексте нет ни одного обращения к сакральному помощнику за помощью, нет просьбы (любой степени императивности, т.е. приказа или мольбы). Вместо того привлекает внимание нарративная структура произведения, близкая к структуре заговоров. В святы с тем, что текст записан на рубеже XIX-XX веков, вполне закономерно в связи с относительной формальной разделённостью его частей, разделить этот нарратив на соответствующие элементы-нарративы.

Текст начинается типичной для заговоров экспозицией – описанием характерного для этого типа текстов концентрического топоса, где внешние «круги» редуцированы (согласно тенденции к уплотнению и редукции содержания; см. Агапкина). В обозначенном локусе находится центральный (главный) персонаж (*Божя матка, персонаж А*). Далее через введение второго сакрального действующего лица (*её сын, персонаж Б*) нарратив приобретает диалогичную форму и репрезентуется стержневой идейно-тематический эпизод, который и дал условное неофициальное название данному тексту («Сон Богородицы»). Затем следует нарратив, который является идейно-тематическим продолжением первого. Он также имеет экспозицию с традициномагическим хроносом («рано в недїлю»), где снова фигурируют два обозначенные выше персонажа, причём взаимодействуют они по принципу «поэтапной последовательности», идея которого воплощена и в таких компонентах заговоров как «понедїлок з вївторком, середа з четвергом...» (конструкция/формула sequence), «З десяти – дев'ять, з дев'яти – вісім...» і т.д. Показательным является тот факт, что А и Б ходили со службы на службу, но конечным пунктом оказалась «вода», на которой есть камень, а на нём монастырь, а в нём престол, на котором лежит сакральный персонаж Б, т.е. тут воссоздан и обыгран традиционный магический концентрический топос (сравн. «на синьому морі, на каменї, там стояла дївка...» [8], «а у полі море, а у морі камїнь...» тощо) [8]. При этом персонаж Б и Сус Христос не обязательно являются одним и тем же персонажем, что становится очевидным из эпизода, где мать с сыном заходят в церковь и видят распятого Суса Христоса. Таким образом реализована идея, которая объединяет две части данного текста: этот центральный эпизод соединяет первую часть с вещим сном Богородицы и семантически параллельную последнюю часть, где речь идет о любой «обычной» матери и её сыне.

Далее вводится ещё один нарратив, который имеет множество формальных признаков заговора, в частности, саму схему строения: обращение + императив + конструкция всеохватности («ци найдете старого, ци найдете слїпого, ци найдете кривого») + диспозиция (элемент этической нормы, который содержит разрешение, обязательство или запрет для субъекта-адресата нормы) («хто буде Божу матку спомняти, тот не буде без сакраменту вмирати. Абиж мав тїлько грїхів, як листу, як трави, як звїзди на небї, буде єму Бог душу простити, не буде му звїр поїдати, не буде му чадо кров посисати; як буде

умирати, буде єму матка конец голови стояти») + закрєпка *factum est* («злекіли два ангелі, озмили душку до світлого раю, до супкою вішного, де всі с'єтки спочівають і на віки аміні пробувають»).

У В. Шухевича приведен ещє один региональний вариант этого текста:

«На горі сиянській матер Божя в зїлю заснула. Приснив сї її сон дивненький: Сус Христос, син маленький. «Мати моя, ти спиши, нічо не чуєши, мої муки не видиши». – «Сину мій возлюблений, я сплю, все чую, твою муку вижу. Ніжки ручки звїздєм розбивають, терновий вінок на голов вкладають. На голов вкладають, на хрест розпинають, у ніжки у ручки звїзді забивають» (1). В негілю рано сонце сходе, пречиста Гїва по небі ходе, Суса Христа, свого сина, за ручку воде. Привела на утрєнє, а з утрєня до манастирє, а в манастири три столи стоє, три свїцї горє, сидить Петро й Павло, книжку читає, Суса Христа кєшко благає. «Петре, Павле, не жалуйте моєї муки, берїт розпєтє в руки, розносїт по всему свїту, научай старого і малого і вбогого і богатоого, хто ме цей оченаш умїти, не ме в пеклі горїти, анї на мори анї на жовтїм піску, ніхто не ме мати грїху!» (2). На тїм мори злота цєрківця, в тїй цєрківці три столи стоє, три свїцї горє, сидить Петро й Павло, книжку читає, Суса Христа кєшко благає. «Петре й Павле, не давїть сї на мої муки, берїть хрест і книжку в руки, розносїт по всему свїту, научайте старого й малого і найменчоого за пєтнїшне спїванє, за суботїшне невмиванє, за негіліїшне снїданє. Хто ме цей оченаш говорити зарань і в вечер, то ме Господь бог з неба сходити, грїхи одпускати рай отворєти, пекло заперати, на віки віков, аміні» [9].

Очевидно, что это один и тот же текст, однако между этими двумя его вариантами есть некоторые отличия. Так, например, схема второго варианта «Сна Богородицы» выглядит так:

Нарратив 1 = экспозиция (персонажи А и Б) + диалог (персонажи А и Б)

Нарратив 2 = экспозиция (персонажи А и Б) + sequence + топос centrum (персонажи А, Б + В, Г) + обращение + императив + конструкция catchall + диспозиция

Нарратив 3 = экспозиция + топос centrum (персонажи Б, В, Г) + обращение + императив + конструкция всеохватности + диспозиция.

Таким образом, этот текст является комплексным нарративом из трёх элементов и репрезентует поздний по происхождению вторичный нарратив, который активно бытует, вследствие чего на синхронном срезе функционирует сразу несколько его вариантов, т.е. содержание осмыслено разными исполнителями. Если первый вариант имеет более выразительную физически апотропеистическую функцию, то второй – защиту и спасение души. Второй представляется вариантом более поздним, претерпевшим больших изменений по сравнению с первым.

В результате проведённого исследования выяснено, что: 1) причиной популярности «Сна Богородицы» является его апокрифическое происхождение и, соответственно, универсальность прагматики; 2) анализ поэтики (в частности, формульности) вариантов указанного заговора показал общую для русской и украинской традиций структуру данного фольклорного текста. В связи с этим перспективным представляется продолжение исследования с привлечением других славянских традиций.

Бібліографічний список

1. Нижегородские заговоры (в записях XIX - XX веков) / [сост., вступ. ст., коммент.: А. В. Коровашко ; отв. ред. К. Е. Корєпова]. – Н. Новгород: [б. и.], 1997. – 127, [1] с.
2. Никитина С.И. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 187 с. – С. 98.
3. Пыпин Н. История русской литературы. – СПб., 1902. – Ч.1. – С.422.
4. Пыпин А.Н. Памятники старинной русской литературы. – СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1862. — 182 с. – С. 128.
5. Соболева Л. С. Устная и рукописная традиции апокрифического сюжета "Сон Богородицы" / Л. С. Соболева // Фольклор Урала. — Свердловск : [Урал. гос. ун-т], 2000. — [Вып. 11]: Устная и рукописная традиции. — С. 209-246.
6. Туякова А. В. Вариативность способов включения в заговоры апокрифического текста «Сон Богородицы». [Электронный ресурс] / Фольклор и постфольклор: структура,

типология, семиотика. – 2005. – Режим доступа:
<http://www.ruthenia.ru/folklore/tuyakova1.htm>.

7. Українські замовляння / упоряд. М.Н. Москаленко; авт. передм. і комент. М.О. Новикова. – К.: Дніпро, 1993. – 309 с.
8. Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х тт. / Под ред. С. С. Аверинцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995. – Т.1. – С. 103.
9. Шухевич В. Гуцульщина [У 2 ч.] / В. Шухевич. – Репринтне видання. – Верховина: Гуцульщина, 1997. – 352 с. – С. 65-66.

СЕКЦИЯ Журналистика

УДК 316.77+339.13

Добросельский В.В.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

ЖУРНАЛИСТИКА И ЦВЕТНОЙ PR

Аннотация

В статье проведён анализ взаимосвязи маркетинговых средств и журналистики. Особое внимание в статье уделено их влиянию на потребительскую аудиторию. В исследовании дана классификация связей с общественностью (PR) в наглядной (цветной) форме. Особое место в исследовании уделено анализу особенностей «цветных» форм PR на содержание информации.

Abstract

The article provides analysis of the relationship marketing tools and journalism. Particular attention is paid to their impact on consumer audience. In a study of gives a classification of public relations (PR) in the visual (color) form. A special place in the study focused on the analysis of features of «colored» forms of PR for the content of the information.

Ключевые слова: маркетинг, связи с общественностью, цветной PR, журналистика, массовые коммуникации.

Key words: marketing, Public Relations, color PR, journalism, mass communications.

Журналистика – это деятельность творческого характера, обеспечивающая взаимоотношение между личностью и готовой информацией. По мнению М.В. Григоряна: «Журналистика – идеология современности, информация – ее воздух» [2, с. 7]. На первый взгляд такая метафора преувеличена, однако если задуматься на какой-то момент, можно понять, что вся наша жизнь тесно связана с информацией, её характер и отдельные социально-психологические характеристики имеют огромное влияние на множество людей. И действительно влияние профессии журналиста невозможно переоценить. Используя имеющуюся информацию, журналист формирует средство способное менять мнение многих людей. При этом способ сбора информации может носить различный характер. Так при поиске информации, журналист пользуется различными источниками и личными наблюдениями, являющимися элементами, формирующими конечный вариант материала. Но иногда профессия журналиста терпит прессинг, сознательную корректировку со стороны руководства. Это во многом вызвано тем, что информационные организации могут подвергаться прессингу со стороны коммерческих организаций и других субъектов. Вдобавок, с появлением интернета, человек получил свободный доступ к интересующей его информацией, так начался кризис печатной продукции. Чтобы «продать» собранную информацию, журналисту нужно добавлять некоторые «краски», сознательно вносить коррективы в настоящее содержание послания. Так кроме конкурентной борьбы

информационные организации вынуждены мириться с изменениями во внешней среде информационного бизнеса, искать способы выживания на рынке информации. Очень часто информационные организации вынуждены пользоваться своими каналами коммуникаций не только для предоставления информации, но и рекламы (иногда скрытого характера), с целью получения финансовых средств от участия в продвижении продукции конкретной организации.

Для обеспечения маркетинговой коммуникации существует множество инструментов, с помощью которых и налаживается контакт с потребительской аудиторией [3, с. 55]. Так для создания связи между результатами деятельности коммерческих организаций и потребительской аудиторией, маркетологами используются разнообразные формы связей с общественностью.

Связи с общественностью (Public Relations) – это деятельность, направленная на создание информационной связи между деятельностью организации и общественностью. На сегодняшний день существует множество форм связей с общественностью (далее PR), самая удобная классификация которых представлена, наглядно, в цветной форме. Так среди «цветов» различающих разные формы PR, можно выделить наиболее часто встречаемые в обыденной жизни, а именно такие «цвета» как: чёрный, белый, жёлтый, розовый и прочие.

Чёрный PR – нацелен на размещение в СМИ для заинтересованных кругов ложной и негативной информации, в т.ч. заказных публикаций [1]. Зачастую «чёрный PR» может использоваться для целенаправленного «очернения» бренда, результатов деятельности организаций. Так информация очерняющая деятельность, какой-либо организации, и не подкрепляющая описание негативной ситуации должным количеством информации, может восприниматься как «чёрный PR». В структуре «чёрного PR» находится информация, как правило, не дающая возможности на критическое осмысление её содержания. Недостаточное количество фактов, или же их сознательное скрытие, не позволяют людям адекватно воспринимать настоящее положение дел. Так при сборе информации журналисты могут специально обходить положительные стороны объекта, добавлять негативные оттенки с целью его намеренного «очернения». Тем самым потребителю необходимо «дорисовывать» ситуацию, для того, чтобы в полной мере оценить полученную информацию, попытаться найти в ней правду.

Но случается так, что информация такого рода может быть правдивой, и форма «чёрного PR» будет являться тем необходимым средством, которое способно в полной мере передать атмосферу ситуации. В этом случае взаимодействие PR с журналистикой является эффективным средством полноценной подачи материала, от которой естественно журналистика выигрывает.

Жёлтый PR – это намеренное использование, иногда оскорбительных средств, в специально завуалированной форме, среди СМИ, которые могут привлечь наибольшее количество внимания у населения. К средствам, к которым может относиться «жёлтый PR» следует отнести использование грамматических ошибок, порнографических средств, нецензурных выражений и прочего. В основном «жёлтый PR» используется для привлечения внимания к персоне, в целях увеличения её «стоимости», как продукции, которая может пользоваться потребительским спросом. Так различные издания, будь то интернет-издание или газета, могут использовать для формирования «жёлтого PR» специальные ошибки, демонстрирующие другую форму объекта, меняющие её суть, также сюда можно отнести использование фотоснимков, на которых объект изображён не в лучшем виде и прочие средства несущие разрушающее воздействие для культуры.

Применение «жёлтого PR», касаясь описания отдельной личности, отличается от «чёрного PR» тем, что первый может быть призван увеличить популярность, расширить внимание потребительской аудитории, с целью получения прибыли и заинтересованности в этом обсуждаемой СМИ личности, иногда в менее полезных для неё целях. В свою очередь «чёрный PR» направлен на то, чтобы морально уничтожить личность, привлечь к ней

негативное внимание, с целью ослабления массового внимания, потери достатка и нанесения самого разнообразного морального и финансового вреда личности, организации.

Очень часто в средствах массовой информации можно заметить положительные отзывы о вредных, приносящих разрушение фактах, которые преподносятся как безобидные и даже положительные. К примеру, в СМИ могут встречаться положительные отзывы о пищевой продукции, о её полезности для организма человека, безвредности. Однако через время может оказаться, что организация утаивала настоящую информацию, и продукция изготавливалась, игнорируя какие либо стандарты качества, с применением вредных средств. Такой вид PR называют «розовый PR», который как бы призывает потребителя надеть «розовые очки» и смотреть через их призму на деятельность компании, и её продукцию, при этом не замечая всех недостатков и возможных последствий.

Пожалуй, самой безобидной и безвредной формой воздействия на потребительскую аудиторию является «белый PR». К такому виду PR относят средства несущие правдивый характер, не утаивающие правды, но при этом концентрирующие внимание на положительных свойствах объекта обсуждения. Сюда, к примеру, стоит отнести распространение информации о том, что публичная персона отдала крупную сумму средств на пожертвования, или же, к примеру, возможно, показать приход группы футболистов, одной из команд, в больницу или детский дом. Конечно, «белый PR» может быть достаточно лицемерным, однако от такого PR есть некоторая польза для других сторон. В данной ситуации журналистам не стоит сильно концентрировать внимание на положительных сторонах человека, объекта PR. Положительное, что сделал объект PR и является центром внимания, поэтому о его добрых поступках, положительных свойствах смогут узнать массы и оценить его с наилучшей стороны.

По мнению некоторых исследователей [4], [5], [6] сфера журналистики в наше время терпит гонения, и притеснения со стороны средств PR, наполнением многих информационных статей рекламным содержанием. Так многие авторы упрекают журналистику в моральном падении. Конечно использование PR средств, в журналистике, приносит ей некоторый колорит, однако есть ли от него польза?

Журналистика и PR, являются двумя мощными столпами, формирующими и развивающими общественное мнение. Практика показывает, что вне зависимости от качества информации, при её «агрессивном» продвижении, массовый потребитель перестаёт обращать внимание на её качество, а тем более редко поддаёт полученную информацию критике. Так информация, формируемая в целях получения выгоды, может нести неправдивый, зачастую вредоносный характер, последствия которого могут быть предельно плачевными. Влияние некоторых PR средств очень часто меняет содержание информации, что не может быть приемлемо.

Библиографический список

1. Бакланова Ю.О. Цветной PR: целевые установки и оценка эффективности / Ю.О. Бакланова, И.Н. Захарова // Маркетинг УЭкС, №2 (10) 2007 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.uecs.ru/uecs-10-102007/item/72--pr-> (дата обращения: 04.07.2015).
2. Григорян М.В. Пособие по журналистике / М.В. Григорян. – М.: Права человека, 2007. – 192 с.
3. Добросельский В.В. Спонсорство футбольных клубов: инструмент маркетинговых коммуникаций / В.В. Добросельский // Новые направления маркетинговой политики хозяйствующих субъектов: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: 5 июня 2015 г. Н. Новгород: НОО Профессиональная наука, 2015. с. 54-60.
4. Качакаева А.Г. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / А.Г. Качакаева, И.В. Кирия, К.Г. Коломеец, Н.Г. Лосева, О.М. Силантьева, Л.О. Телень, Т.Б. Тихомирова, М.Г. Филмонов. – М.: 2010. – 200 с.

5. Киршин Б.Н. Журналистика и PR: неодолимая гармония / Б.Н. Киршин // Вестник ЧелГУ . 2015. №5 (360). с.25-28.
6. Пелленен Л.В. Взаимодействие со СМИ как PR-технология в системе массовой коммуникации: монография / Л.В. Пелленен. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 140 с.

СЕКЦИЯ Языкознание

УДК 81.232

Литвинчук И.Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
(структурное подразделение) Академия строительства и архитектуры*

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Аннотация

В данной статье автор представляет промежуточные результаты пилотажного эксперимента, содержанием которого было интерпретирование иностранными студентами эмотивных метафор. В теоретической части работы представлен анализ соотношения понятий «эмотивность» и «метафорический смысл», дана дефиниция эмотивной метафоры, рассмотрены психосемантические аспекты ее образования.

Abstract

The article presents intermediate results of the trial experiment, which consisted of interpretation of emotive metaphors by foreign students. Theoretical part of the article hosts the analysis of the correlation between «emotivity» and «metaphorical meaning sense», provides definition of the emotive metaphor, and considers psychosemantic aspects of its formation.

Ключевые слова: метафора, эмотивность, психосемантика, дискурс.

Key words: metaphor, emotivity, psychosomatics, discourse.

Практика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) на продвинутом этапе подразумевает кропотливую работу с текстами художественной литературы. И, поскольку «любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей», а эмотивная семантика слова – не что иное, как коммуникативная сущность [13], смысловая интерпретация и освоение эмотивной лексики и эмотивных конструкций в практике преподавания РКИ представляется как чрезвычайно важный элемент работы с аудиторией.

Качество интерпретирования эмотивных метафор в практике РКИ открывает новые возможности эффективной аккультурации, активного погружения субъекта учебной деятельности в семантику ментально-языкового поля русской культуры. «Метафора обращает исследователя именно к культурно значимым смыслам, совокупностям образов, мнений, «заблуждений», мифологем, связываемых с каким-то конкретным объектом» [11]. Описывая метафорический фрагмент русской языковой картины мира, З. И. Рязанова отмечает: «Картина мира, воплощенная в структурах языка, предопределяет формы и способы речевого поведения, которые являются важнейшим элементом этнически специфичных культурных сценариев, проявляющихся в системах речевого общения, в детерминируемых социокультурными факторами дискурсах» [10, с.29].

По мнению таких авторитетных специалистов, как Н. Д. Арутюнова, В. А. Маслова, Е. О. Опарина, А. И. Афанасьев, Г. Пауль, А. А. Потемня, М. Мюллер, Дж. Лакофф, М. Джонсон, М. Аптер, К. Бюлер, Дж. Джентер, «дать исчерпывающий обзор всех возможных разновидностей

метафоры – задача вряд ли выполнимая» [7]. При этом ассортимент метафорических образований постоянно расширяется и дополняется: наряду с традиционными, «классическими» типами метафор – предметной, образной, концептуальной – исследователями введены и такие виды метафоры, как антропоморфная, зооморфная, транспортная, военная, медицинская, культурная, научная, спортивная, метеорологическая и др. Подходы и критерии формирования подобных классификаций многочисленны и разнообразны, однако все они базируются на едином антропоцентрическом подходе к изучению языковых явлений. Эмотивная метафора не является исключением.

По определению Аристотеля, «метафора есть аналогия». Чем же обусловлено наличие в языке большого количества аналогий? Перефразируя мнение известных исследователей, можно утверждать, что «в какой-то степени метафоричной является любая языковая композиция, человеческая речь кажется состоящей из метафор [1, с.31], да и, как это утверждается в знаменитом высказывании Жана Поля Рихтера, язык – это кладбище метафор. Символично мнение А. Г. Пауля о том, что «метафора – это нечто такое, что с неизбежностью вытекает из природы человека и проявляется не только в языке, поэзии, но также – в обиходной речи народа, охотно прибегающего к образным, выразительным и красочным эпитетам» [7, с.114]. И, поскольку ассортимент ассоциативных связей, возникающих в процессе речепорождения, на наш взгляд, неисчерпаем, процесс метафорического кодирования разнообразных социокультурных смыслов в речевой практике народа обладает колоссальным потенциалом. Интерес к такой проблеме, как описание психологического механизма образования метафор и поддерживающих его психолингвистических процессов, не снижается в современной когнитивной лингвистике.

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «при обращении к практической речи бросается в глаза не всеприсутствие метафоры, а ее неуместность, неудобство и даже недопустимость в целом ряде функциональных стилей... Однако, как только центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, запрет на метафору снимается» [1, с.16]. По мнению З. И. Резановой, «Метафорический смысл всегда основан на некотором чувственном компоненте, работающем на бессознательном уровне, метафорическое выражение способно передать некоторое архетипическое содержание посредством опоры на наглядно-чувственный образ» [10]. В когнитивной лингвистике и психологии метафора «интерпретируется не только как феномен языка, но и как феномен сознания, повседневная концептуальная реальность» [9].

Эмотивная метафора является одним из средств репрезентации функционально-семантической категории эмотивности в художественном тексте. Под эмотивной метафорой нами понимается специфическая речевая конструкция, транслирующая эмотивную семантику посредством уподобления, ассоциирования, образного сближения лексических элементов на базе их переносного значения (Ср. у А. С. Пушкина: «На нити праздного веселья // Низал он хитрою рукой // Прозрачной лести ожерелья // И четки мудрости златой»).

Явление эмотивности охватывает психосемантическое поле различных дискурсов – от бытового и бытийного до художественного и политического [3]. При этом «эмотивность есть имманентно присущее языку семантическое свойство выражения эмоциональности как факта психики системой своих средств...» [6, с. 96]. Эмотиология – наука о вербализации, выражении и коммуникации эмоций [6, с. 95] – предопределила магистральное развитие лингвистической концепции эмоций, которая постулирует избирательность реагирования субъекта речевой деятельности и автора текста на стимулы объективной и субъективной действительности.

В рамках психолингвистики, психологии и философии переживаний метафору можно рассматривать как одно из важнейших средств обозначения комплексов представлений, которыми востребованы адекватные наименования. Процесс генерирования эмотивных метафор в речевой деятельности во многом обусловлен особенностями восприятия концептуально сложной сферы человеческих эмоций. Одним из тезисов метафорического подхода к исследованию эмотивной лексики, который его авторы М. Джонсон и Дж. Лакофф представляют как наиболее эффективный, является тезис о том, что эмоции, представляя собой чрезвычайно сложный феномен, обладают развернутой иерархической структурой [5].

Вербализация эмоций часто побуждает языковую личность отдать предпочтение метафорическому выражению по причине осознаваемой субъективной исключительности эмоциональных явлений человеческой психики, яркой образности, перманентной актуальности. На этой психологической почве формируется ощущение нехватки выразительных средств, традиционных и клишированных. Этим же объясняется и эффект высокого коэффициента запоминаемости, воспроизводимости бывших «авторских» метафор, достаточно быстро осваиваемых носителями национального языка в межкультурной коммуникации.

Метафорические выражения-переносы «*сладкая радость*», «*горькое страдание*», «*светлая печаль*» и им подобные формируются в результате наложения, взаимопересечения семантических сфер восприятия в различных репрезентативных системах: аудиальной, визуальной, кинестетической, дискретной. На речевом уровне этот процесс детерминирован и известной пластичностью смысловых сфер лексики, увеличением степени свободы их дистрибуции. Формирование качественно нового эмоционального образа осуществляется посредством интенсификации эмоционального признака в соответствии с принципом «подсуммативности» смысловых структур, отмеченному К. Бюллером [2], принципом дополнительности [12], а также принципом семантического согласования [8] или несогласованности. В любом случае формируется яркая, образная вторичная номинация, позволяющая лаконично выразить особенности восприятия эмоционального образа.

Таким образом, в процессе образования эмотивных метафор особое значение имеет селективная функция семантического фильтра, который позволяет скорректировать вербализацию восприятия того или иного эмоционально насыщенного образа. Кроме того, возможен семантический перенос с вида на род, т. е. с эмоции на чувство (*чувство страха*), с ощущения на эмоцию (*светлая печаль*), а также с вида на вид, т. е. с эмоции на эмоцию (*торжествующая злоба*). Стремление уйти от обыденности восприятия проявляется в выраженной индивидуализации эмотивной номинации. Можно сделать предположение о том, что, как отражение мифа, как представление сути феномена в образной модели [4], метафора выполняет охранную функцию, защищает современного человека от излишней рационализации и агрессивного наступления избыточной информации, способствует приближению к естественным, ранним, «природным» формам мышления. При этом метод абстрагирования от реалий действительности является также источником своего рода «функционального удовольствия». «Разгадывание» метафоры, декодирование ее глубинных смыслов способствует стимулированию когнитивного интереса в процессе приобщения к национально-культурным ценностям, подтверждения языковой компетентности коммуникатора, т. е. эффективной адаптации субъекта-языковой личности в иноязычной среде. Эмоциональная привлекательность «разгадывания» метафоры детерминирована и особенностями национального мифа: так, дискурс самовыражения славянского менталитета «замешан» на синтезе гедонизма и страдания, он гораздо более эмотивно насыщенный, чем так называемый «западный» [16].

Владение «набором» традиционных метафор – общепризнанное средство социализации и оптимизации межкультурных коммуникаций, межцивилизационного взаимодействия. Глубокие эмоциональные связи субъекта речевой деятельности с национальной общностью зачастую проявляются именно на бессознательном уровне, в котором имплицирован, по мнению ведущих психолингвистов и культурологов, вытесненный в сферу коллективного бессознательного большинством представителей определенного этноса ярко эмоционально окрашенный смысловой материал, который передается из поколения в поколение. Именно эти глубинные, неосознаваемые смыслы, буквально впитанные нами с молоком матери, которые мы черпаем в океане народных обычаев, ритуалов и традиций, преданий и легенд, мифов и поверий, примет и предрассудков, песен и сказок, национальных вкусов и стилей, и предопределяют наше поведение.

На осуществление данного пилотажного исследования автора вдохновили результаты психолингвистических экспериментов, посвященных проблемам кодирования и декодирования метафор [15].

Выбором объекта исследования автор обязан неоднократным обращениям студентов-иностранцев с просьбой дать толкование метафорическим выражениям, которые они слышат в повседневной речи своих друзей и знакомых – русскоязычных студентов. Выражения вроде «тихий ужас» зачастую вызывают когнитивный диссонанс у студентов первых курсов.

Процедура семантического декодирования эмотивных окказиональных метафор, выявленных в текстах произведений русских поэтов-классиков XIX–начала XX вв. (А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Фет, А. Толстой, А. Ахматова, А. Блок, С. Есенин, М. Цветаева, З. Гиппиус) была заложена в методологической основе этого пилотажного исследования.

В качестве респондентов выступили студенты-иностранцы из стран ближнего зарубежья, обучающиеся в рамках продвинутого уровня РКИ на различных факультетах Академии строительства и архитектуры, КФУ им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

В данной статье автор представляет промежуточные результаты первого этапа исследования, содержанием которого было интерпретирование иностранными студентами смысла эмотивных метафор, графически выделенных в текстах художественных произведений. При этом вначале студентам был предъявлен сокращенный вариант контекста (1 – 2 четверостишия), а затем – более развернутый контекст (весь текст небольшого стихотворного произведения или фрагмент произведения большего объема, достаточный для понимания тематических отношений в тексте).

Итак, можно говорить о промежуточных результатах пилотажного исследования, основные из которых представлены ниже.

1) Не выявлено достоверных различий в плане влияния степени развернутости контекста на процесс и результат толкования смысла эмотивной метафоры. Вторичное прочтение предъявленных метафор в более широком контексте повлекло за собой изменение толкования смысла лишь в одном случае (в целом вниманию респондентов были представлено 34 метафоры). Такой фактор, как дополнительное время на обдумывание, также не повлиял на результаты семантического декодирования эмотивных метафор. Более того, предложением «подумать» воспользовались только 2 студента из 29, принявших участие в исследовании.

2) Уровень языковой компетенции (степень владения различными средствами русского языка как иностранного и способность продуцировать осмысленные, развернутые, законченные высказывания) не коррелирует в рамках нашего исследования с результатами объяснения студентами смысла предъявленных метафор в контексте. В 48% случаев успевающие по русскому языку студенты зачастую были гораздо менее успешными в процедуре толкования эмотивных метафор, чем студенты, чей уровень языковой компетенции был существенно ниже.

3) Метафорические выражения с имплицитной эмотивностью (отсутствие лексики, называющей или описывающей эмоциональное отношение или состояние) вызвали большие трудности в процессе смысловой интерпретации у всех респондентов. Так, ни один из студентов не смог дать толкование образу, представленному в стихотворении С. Есенина: «Песнь о собаке»: «Покатились глаза собачьи // Золотыми звездами в снег».

4) Эмотивные метафоры с негативной семантикой вызывают больший интерес у студентов и получают значительно больше вариантов толкования смысла. Так, многие студенты обратили особое внимание на конструкции с глагольным предикатом, обладающим эксплицитно негативной семантикой (Ср. отрывок из З. Гиппиус: «И я жду от цветов измены // Ненавидят цветы меня»), и живо обсуждали их смысл. В то же время именная эмотивная лексика, входящая в состав предикативного центра или выступающая в роли второстепенных членов предложения (Ср.: «Раскрутился над рекою красный сарафан, // Счастью, удалю, тоскою задышал туман» (А. Блок)) вызывает затруднения в плане толкования.

5) Студенты активнее участвуют в толковании эмотивной семантики метафор, относящихся к сфере природных явлений, чем тех, которые описывают или выражают психоэмоциональное состояние человека.

Автор планирует осуществить комплексный анализ результатов всех этапов данного исследования в последующих публикациях.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С.5 – 32.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса.
<http://rusang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
4. Красных В.В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии.
http://istina.msu.ru/media/publications/articles/f33/5fd/3230072/KRASNYiH-Osn.postulaty_i_ponyatiya_LK.pdf
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 491.
6. Нашхоева М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник ЮУрГУ, серия «Лингвистика», № 1, 2011. – С. 95–96.
7. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 115.
8. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1988. – С. 18.
9. Ричарде А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник / Сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 46.
10. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. – 2010, Филология, № 1 (9). – С. 40.
11. Резанова З. И., Катунин Д. А., Мишанкина Н. А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) // Вестник Томского государственного университета. Филология, № 277, 2003. – С. 164.
12. Розов М. А. Явление дополнительности в гуманитарных науках // Теория познания. Т. 4. – М., 1985. – С. 208–227.
13. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. – С. 1.
14. Alexander, Jeffrey C. Modern, Post, Anti, and Neo: How Intellectuals Have Tried to Understand the "Crisis of our Time" // New Left Review, 1995, 210:63-102.
15. Glucksberg S., Mattheew S. McGlone. Understanding Figurative Language From Metaphor to Idioms. – Oxford University Press, 2001. – P. 17.
16. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on Changing World System. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P.160.

СЕКЦИЯ Русский язык

Коновалова И.Е.

Северо-Кавказский федеральный университет

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ ГЕРОИНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация

Статья посвящена диалектизмам в речи героинь прозаических произведений А.П. Чехова. Автором выявлены и описаны типы диалектизмов, их функции. В результате определено, какие женщины (возраст, социальное положение, образование) чаще используют в своей речи диалектные единицы.

Abstract

The article is devoted to the speech dialect prose works heroines Chekhov. The author reveals and describes the types of dialect, their functions. As a result, it determined what women (age, social status, education) is increasingly used in her dialectal speech unit.

Ключевые слова: диалектизмы, речевой протрет, женщины, А.П. Чехов

Key words: dialect, speech characteristics, women, Anton Chekhov

Диалектизмы широко используются в художественных текстах. Обычно действие таких произведений связано с жизнью русской деревни. Диалектные единицы в таких произведениях встречаются, в основном, в речи персонажей, но могут быть представлены в речи автора. Объектом нашего исследования стали диалектные языковые средства в речи чеховских героинь.

Многие ученые считают язык А.П. Чехова эталонным и образцовым. А.П. Чехов не был носителем какого-нибудь территориального говора, но как считает Т.А. Кудинова, «усвоил своеобразный язык, на котором общались его близкие, который был насыщен диалектизмами различного происхождения» [2, с. 231].

Чеховские героини используют диалектизмы в своей речи реже, чем герои. Так, в речи чеховских героинь нами были выявлены фонетические, грамматические, лексические диалектные единицы. Словообразовательные диалектные единицы (в рамках анализируемого корпуса текстов) в речи женщин выявлены не были, однако встречались в речи мужчин.

В речи героини повести «Бабье царство» пятидесятилетней богомолки Спиридоновны встречаем **фонетический диалектизм**, а именно элементы яканья: «*Эх, не жизнь, а масляница!*» [5, Т.8, с. 293]. Никаких помет об употреблении данного слова в определённой области в словарной дефиниции Словаря русских народных говоров нет: «Масленица и масляница, ы, ж. Масленая неделя, масленица» [4, с. 383]. Следовательно, данное слово употреблялось в разных говорах. **Грамматические диалектизмы** находятся на периферии диалектизмов (в узком смысле) и просторечий (тех, которые занимают промежуточное положение между литературным языком и территориальными диалектами). Л.Л. Касаткин говорит о том, что одна из особенностей диалектной речи связана с различиями категории рода в сравнении с литературным языком. В говорах (в основном южнорусских) у глаголов с безударными окончаниями I и II спряжения не различаются. В южнорусских говорах глаголы с безударными окончаниями обобщили в форме 3-го лица множественного числа с окончанием –ут/-ют [1, с. 146]. Невеста Дашенька Мымрина («Брак по расчету») произносит следующую фразу: «*Они **хочут** свою образованность показать и всегда говорят о непонятном*» [5, Т.3, с. 99]. Видим, что вместо литературной формы «хотят», героиня произносит «хочут». Глагол «хотеть» относится к разноспрягаемым, поэтому выбор правильного окончания в литературном языке для многих является непростой задачей, а в диалекте и вовсе произошло выравнивание окончаний. Кроме того, объяснение безграмотности дочери находим в словах матери Дашеньки: «*Слава богу, прожили век без образования и вот уж, благодарить бога, третью дочку за хорошего человека выдаем*» [Там же].

В юго-восточной диалектной зоне в винительном падеже наряду с нулевым окончанием в 3-м склонении в качестве факультативного варианта употребляется окончание –у(ю) [1, с. 116]. Примером может служить фраза матери Дашеньки Мымриной («Брак по расчету»): «*Кроме того, что мы тысячу рублей, мы три салопа даем, **постелю** и вот эту всю мебель!*» [5, Т.3, с. 99].

В литературном языке существительные в родительном падеже множественного числа имеют различные окончания: для существительных мужского рода продуктивны окончания –ов(–ев), для существительных женского и среднего родов – нулевое окончание. В диалекте для существительных всех родов продуктивным является окончание –ов(–ев). В литературном языке ему в одних существительных (как мужского, так и женского рода) соответствует окончание –ей, в других – нулевое окончание [1, с. 128]. Это явление нашло

отражение и в речи чеховских персонажей. Сваха Лукинишна («Дура, или капитан в отставке») говорит: «*И страх в ней от родителей вложен, и в церковь ее водят, ежели что...*» [5, Т.2, с. 233]. Вместо литературной формы «от родителей», сваха произносит диалектное «от родителей», заменив окончание –ей на –ев.

Встречаются в речи чеховские персонажи и **лексические диалектизмы** (слова, обладающие в диалекте необычным значением). Приведем примеры. Мамаша девицы Подзатылкиной («Перед свадьбой») говорит дочери: «*Ступай, **покедова** у меня сердце на месте!...*» [5, Т.1, с. 48]. В Русском орфографическом словаре: «**ПОКЕДА** - поке́да или поке́дова (обл. и прост. к пока, межд.)» [3, с. 689]. Из словарной дефиниции видим, что в литературном языке имеется синоним данной лексемы – «пока».

Диалектные единицы, выявленные нами в речи героинь произведений А.П. Чехова прежде всего направлены на выполнение характерологической функции. Диалектизмы используются писателем для создания речевой характеристики того или иного персонажа. Они служат подтверждением, как правило, социальной принадлежности, реже – территориальной. Носителями диалекта чаще всего являются малообразованные крестьянки, обслуживающий персонал, но встречаются диалектизмы и в речи так называемых «господ». Язык этих персонажей, благодаря употреблению диалектных единиц разных уровней, отчетливо противопоставляется языку действующих лиц, получивших качественное образование.

Лексические диалектизмы выполняют познавательную функцию, но в рамках характерологической функции, так как встречаются в речи действующих лиц. Фонетические, словообразовательные диалектные лексемы, хотя и привлекают к слову внимание читателей, тем самым выполняя кульминативную функцию, но в первую очередь характеризуют персонажей.

Таким образом, мы видим, что при создании речевой характеристики (речевого портрета) в художественном тексте А.П. Чехова основной функцией диалектизмов является характерологическая функция. Раскрыть ее в полной мере помогают диалектные единицы, выполняющие номинативную, кульминативную функции.

Проанализировав языковой материал, можно сделать такой вывод: диалектные единицы в своей речи используют:

- 1) Необразованные женщины среднего и пожилого возраста. По социальной принадлежности это крестьянки, обслуживающие персонал в доме;
- 2) Представительницы так называемой «знати». Это «полуобразованные» женщины преимущественно уже пожилого возраста, которые достигли своего положения за счет денежных средств мужа;
- 3) Дети (дочери) «новой знати», которые получили, по мнению родителей, должное и качественное образование. На самом деле они являются «мнимо образованным» поколением.

Библиографический список

1. Касаткин Л.Л. Русская диалектология. – М., 2005.
2. Кудинова Т.А. А.П. Чехов как эталон языковой личности // Известия Ростовского государственного строительного университета. – Ростов-на-Дону, 2004. – Вып. 8. – С.231-235.
3. Русский орфографический словарь. – М., 1999.
4. Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т Русского языка.– М., Л., 1965-2013. – Т.17.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. М.А. Горького. – М., 1974-1982. – Т.1-3, 8.

ЗВУК И ЦВЕТ В ПЕЙЗАЖАХ И.С.ТУРГЕНЕВА

Аннотация

Пейзажи И.С. Тургенева изобилуют как цвето-, так и звукономинациями, которые представлены самыми разными частями речи. Наиболее часто встречающиеся звукообозначения – глаголы. Самая распространенная часть речи, обозначающая в пейзажах цвет, имя прилагательное. Пейзаж у И.С. Тургенева отличается однотонностью и при этом озвученностью.

Abstract

I.S. Turgenev's landscapes abound with color and sound nominations which are represented by different parts of speech. The most common sounds are verbs. The most common part of speech, indicating the color in landscapes, is an adjective. I.S. Turgenev's landscape are notable for one-colour and voices at the same time.

Ключевые слова: текст, звук, цвет, номинация, пейзаж

Key words: текст, звук, цвет, номинация, пейзаж

Читая произведения И.С. Тургенева, можно заметить, что пейзажи у автора часто и окрашены, и озвучены одновременно. Конечно, встречаются или только «цветовые» пейзажи, или только «звуковые»:

Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать, но сами они также лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось также спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей. («Бежин луг» / «Записки охотника»)

Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся, звук. Прислушаешься – и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом. и слабый, шипящий свист промчался по реке. («Бежин луг» / «Записки охотника»)

В ходе анализа отобранных микроконтекстов была выявлена следующая закономерность: если в пейзажном повествовании И.С. Тургенева описываются и звук, и цвет, то при условии яркой палитры, звукообозначения будут использованы «звонкие», «громкие», если же краски пейзажа светлые, неброские, то и звуки будут приглушенными, едва слышными.

Порывистый ветер быстро мчался мне навстречу через желтое, высохшее жнивье. Кто-то проехал за обнаженным холмом, громко стуча телегой. («Смерть» / «Записки охотника»)

Березы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца и украдкой, лукаво начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь. («Свидание» / «Записки охотника»)

Погода стояла прекрасная: белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде; тростник шушукал кругом. («Льгов» / «Записки охотника»)

Солнце так и било с синего, потемневшего неба; прямо перед нами, на другом берегу, желтело овсяное поле, кое-где поросшее полынью. Кузнечики трещали в порыжелой траве, перепела кричали как бы нехотя. («Малиновая вода» / «Записки охотника»)

Также легко прослеживается связь лексической семантики звуко- и цветообозначений с фоносемантикой контекста. Часто И.С. Тургенев использует аллитерацию и ассонанс, тем самым помогает читателю почувствовать (увидеть и услышать) едва уловимые, дополнительные оттенки цвета и полутона звуков [1]. Шипящие, свистящие, глухие согласные наблюдаются в «тихом» и «светлом» пейзаже. Звонких, громких звуков много в микроконтекстах с «шумной» и «яркой» лексикой.

Природа у И.С. Тургенева «говорит» и имеет «человеческое лицо». К такому выводу подталкивают многочисленные олицетворения в пейзажах писателя:

На темно-сером небе кое-где мигают звезды; слышится сдержанный, неясный шепот ночи. («Лес и степь» / «Записки охотника»)

Тут же, в высокой скворечнице, болтали скворцы. («Касьян с Красивой мечи» / «Записки охотника»)

Прохваченная морозом земля потела и оттаивала на солнце; его косые, румяные лучи били вскользь по бледной траве. («Смерть» / «Записки охотника»)

Побледневшее небо опять стало синеть, но то уже была синева ночи. («Бежин луг» / «Записки охотника»)

Солнце село, но в лесу еще светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут. («Ермолай и Мельничиха» / «Записки охотника»)

Мы запили прозрачный теплый мед ключевой водой и заснули под однообразное жужжанье пчел и болтливый лепет листьев. («Хорь и Калиныч» / «Записки охотника»)

В роще звучно щелкал соловей. («Ермолай и Мельничиха» / «Записки охотника»)

Тростник шушукал кругом. («Льгов» / «Записки охотника»)

Ключ этот бьет из расселины берега, превратившейся мало - помалу в небольшой, но глубокий овраг, и в двадцати шагах оттуда с веселым и болтливым шумом впадает в реку. («Малиновая вода» / «Записки охотника»)

Пестрые дятлы крепко стучали по толстой коре; звучный напев черного дрозда внезапно раздавался в густой листве вслед за переливчатым криком иволги. («Смерть» / «Записки охотника»)

И украдкой, лукаво начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь. («Свидание» / «Записки охотника»)

То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, а едва слышная, дремотная болтовня. («Свидание» / «Записки охотника»)

Во всю ширину раскрытых окон шевелились и лепетали молодые, свежие листья плакучих берез. («Гамлет Щигровского уезда» / «Записки охотника»)

Изредка раздавалось под куполом звонкое восклицание влетевшей ласточки. («Гамлет Щигровского уезда» / «Записки охотника»)

А в первые дни весны, когда кругом все блестит и обрушается, под косым лучом солнца, доверчиво поют жаворонки и с веселым шумом и ревом из оврага в овраг клубятся потоки. («Лес и степь» / «Записки охотника»)

С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. («Бежин луг» / «Записки охотника»)

Все кругом быстро чернело и утихало, - одни перепела изредка кричали. («Бежин луг» / «Записки охотника»)

Сплошные тучи молочного цвета покрывали все небо; ветер быстро гнал их, свистя и взвизгивая. («Рудин»)

Невольно вспоминается прекрасное стихотворение Ф.И. Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:

*Не слепок, не бездушный лик-
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

В звуках и красках Тургеневской природы выражен типично русский, философский взгляд на мир-космос, с которым человек слит воедино, неразрывно и гармонично [2].

Обновление семантики слова в каждом речевом употреблении достигается благодаря контексту и ситуации. Особенно же воздействует на смысловой потенциал слова художественный - «изобразительный», «живописный» – контекст. Так, в пейзажных фрагментах И.С. Тургенева звук становится «окрашенным», а цвет – «озвученным»: при контекстном взаимодействии лексем появляется новый смысл, обновляющий, освежающий слово в целом: алеть – чирикать, багровый – грохотать, белый – шушукать, золотой – звонко, сверкающий – шум, звенеть.

Группа наименований оттенков красного цвета сливается для И.С. Тургенева со звуками громкими, шумными. Вероятно, красные оттенки стимулируют жизнерадостные эмоции, но и вызывают страх, тревогу. С цветообозначениями из группы синего цвета употребляются тихие, приглушенные звуки, т.к. синий цвет связан с грустью, тоской, печалью. С желтыми цветообозначениями И.С. Тургенев использует в одном контексте громкие, резкие звуки. Желтый цвет, с одной стороны, радует, веселит, с другой – вызывает неприятные эмоции. Зеленый цвет снимает раздражение, несмотря на употребление с ним в одном контексте шумных, резких звуков. Серый, лиловый цвета связаны у И.С. Тургенева с грустным, меланхолическим настроением. Блестящие, сверкающие цветообозначения всегда употребляются с громкими звукообозначениями. Черный угнетающе воздействует на человека наряду с тяжелыми, громкими звуками. Белый – нейтральный цвет, в зависимости от контекста, используется ли он с тихими, приглушенными полутонами звуков, или с громкими, звонкими, он по-разному воздействует на эмоции человека.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Пейзажи И.С.Тургенева изобилуют как цвето-, так и звукономинациями. Причем эти лексемы являются самыми разными частями речи, звук или цвет может быть обозначен также и словосочетаниями, столь цельными и комплексными по семантике, что разделить их на лексические компоненты без ущерба для смысла не представляется возможным.

2. Наиболее часто встречающиеся звукообозначения – глаголы. Следовательно, звук у И.С. Тургенева – это, вероятнее всего, действие, бытийный признак, а не атрибут. При этом преобладает лексика, обозначающая тихое, негромкое звучание.

3. Самая распространенная часть речи, обозначающая в пейзажах И.С. Тургенева цвет – имя прилагательное. Таким образом, в отличие от звука, цвет – это прежде всего неотъемлемый атрибут предмета – фрагмента природы, характеристика, существующая вне времени. Самые типичные цвета Тургеневского пейзажа – белый, красный, зеленый.

4. Пейзаж у И.С. Тургенева отличается однотонностью и при этом озвученностью. Яркие цвета соседствуют с громкими, звонкими звуками, а светлые краски – с едва слышным звучанием. Подобные сочетания в пейзажах И.С. Тургенева столь устойчивы и типичны, что у звукообозначений в контексте начинает развиваться «цветовой» смысл, а у цветономинаций – «звуковой»: краски «звучат», звуки «получают» цветовой тон. Так, Тургеневский пейзаж становится живым, подвижным, «видимым», «слышимым». К лексической семантике исследуемых единиц писатель «подключает» фоносемантику всего микроконтекста.

Библиографический список

1. Плесканюк Т.Н. Номинация звука в описаниях природы И.С. Тургенева // Филологический аспект: электронный научно-практический журнал. - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", -2015. -№2. – Режим доступа: <http://faspect.ru/?p=776> (дата обращения: 20.06.2015)

2. Плесканюк Т.Н. Номинация цвета в описаниях природы И.С. Тургенева // Филологический аспект: электронный научно-практический журнал. - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", -2015. -№3. – Режим доступа: <http://faspect.ru/?p=835> (дата обращения: 30.07.2015)

УДК 811.161.1'36 + 81'37

Хоменко Е.В.

Институт педагогического образования и менеджмента (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Армянске

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОСТЕЙШИХ И КОМПЛЕКСНЫХ ЕДИНИЦ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности простейших («внутрисловных») единиц-морфем (корень, приставка, суффикс, окончание) и комплексных единиц системы словообразования (словообразовательная пара, словообразовательная цепь и словообразовательное гнездо).

Abstract

In the article the functional-semantic features of the simplest ("introword") units-morphemes (root, prefix, suffix, ending) and complex units of the derivation system (derivational pair, derivational chain and derivational nest) are discussed.

Ключевые слова: функционально-семантические особенности, простейшие единицы-морфемы, комплексные единицы словообразования.

Key words: functional-semantic features, the simplest units-morphemes, complex units of word formation.

Формирование у учащихся понятия морфемы как значимой единицы языка – одна из важнейших задач, стоящих перед учителями-практиками. Для ее решения учителю важно иметь представление о функционально-семантической природе простейших («внутрисловных») единицах-морфемах (корень, приставка, суффикс, окончание) и комплексных единицах системы словообразования. Рассмотрим функционально-семантические признаки корневой морфемы.

Общеизвестно, что корень является главной и обязательной частью слова. В лингвистических исследованиях данное понятие трактуется как основная, центральная морфема, представляющая собой «сердцевину слова» (З. А. Потиха) [9, с. 22], стержневая часть слова, которая «выражает основное лексическое значение слова» (В. Н. Немченко) [8, с. 17], «лексическое ядро словоформы, несущее ее основное, знаменательное значение» (В. В. Лопатин, И. С. Улуханов) [3, с. 31]. Являясь носителем основного элемента лексического значения слов, корневая морфема сохраняет «общий базовый смысл для всех однокоренных лексических единиц, которые могут быть собраны в отдельную группу («гнездо», «блок») родственных слов» [4, с. 158]. Под родственными словами лингвисты понимают группу «лексических единиц, имеющих в своей структуре одну и ту же корневую морфему и поэтому объединенных общим смыслом» [4, с. 158]. По образному выражению Г. П. Цыганенко, «корень присутствует во всех этих словах в качестве гена», «носителя наследственности» [16, с. 97], обеспечивающего преемственность в семантике. Определить семантику корня не всегда легко. Причина этого, по мнению В. М. Солнцева, заключается в том, что значение у корня не собственно понятийное, как у слова, а лишь ассоциативное [12, с. 257].

Важнейшей особенностью корня в плане выражения является его повторяемость в составе всех родственных слов. Исключением в этом отношении, считает В. Н. Немченко, являются одноморфемные слова, которые грамматически не изменяются и не образуют

новых слов, т. е. корни, не способные сочетаться с какими бы то ни было служебными морфемами, например: *алоэ, ателье, бра, жюри, вот, пусть* и др. [8, с. 18]. При рассмотрении указанного признака корневых морфем особой оговорки требуют так называемые супплетивные грамматические формы отдельных слов, например: *человек – люди, ребенок – дети, маленький – меньше, я – меня – мы – нас*. В. Н. Немченко, опираясь на общепринятое понимание слова как языковой единицы, обладающей единством формы (материальной структуры) и содержания (значения), относит подобные словоформы к разным словам «с тождественным лексическим значением, используемым для обозначения разных грамматических категорий» [8, с. 18]. Мы придерживаемся точки зрения, изложенной в «Грамматике современного русского литературного языка», согласно которой словоформы с семантически тождественными, но лишенными формальной близости морфемами признаются разными грамматическими формами одного и того же слова [3, с. 36].

Говоря о таком отличительном признаке корня, как повторяемость, имеем в виду и то, что в разных случаях употребления, при сочетании с другими морфемами, корни могут изменять свой звуковой, фонемный состав, например: *берег, береж-ок, без-бреж-ный*. Звуковое варьирование морфем ученые (Е. А. Земская, В. В. Лопатин, В. Н. Немченко, И. С. Улуханов) подразделяют на две группы. К первой группе относятся видоизменения (чередования), отражающие фонетические законы, действующие в языке в настоящее время, например, редукция гласных, ассимиляция согласных, закон конца слова. Эти звуковые изменения на письме в русском языке не отражаются. Для уяснения такого признака корня, как повторяемость, важными являются видоизменения второй группы, которые обусловлены ранее действовавшими в языке фонетическими законами (так называемые исторические чередования), поскольку именно они порождают значительные отличия между морфемами одной и той же морфемы. Такие чередования звуков, как отмечают исследователи, наблюдаются в разных словоформах одного и того же слова (*водить – возжу*: д // ж; *друг – друзья*: г // з; *сосна – сосен*: э // нуль звука), а также в родственных словах (*князь – княгиня – княжна*: з // г // ж; *лик – лицо – личный*: к // ц // ч).

С точки зрения повторяемости корневой морфемы известный интерес представляет и такое явление, как омонимия корней. Омонимичными называются корни, совпадающие в плане выражения, но не имеющие ничего общего в плане содержания: *го[р']-е – го[р']-еть, лет-ать – лет-о* и т. д. Итак, важнейшими функционально-семантическими признаками корневой морфемы являются: а) значение; б) ассоциативность; в) обязательность; г) повторяемость.

В отличие от корня, занимающего центральное место в структуре слова и выражающего основной компонент его лексического значения, приставки и суффиксы лишь видоизменяют (уточняют и конкретизируют) семантику корня. Аффиксальные морфемы, выполняя служебную функцию, лишены структурно-семантической самостоятельности: они всегда сопровождают корневую морфему и без нее не употребляются в составе слова. Рассмотрим подробнее функционально-смысловые особенности приставок и суффиксов.

1. Приставка присоединяется к целому производящему слову, суффикс – к производящей основе (*добрый → пре-добрый, добр-ый → добр-от-а*).

2. Приставке свойственна: а) грамматическая нейтральность в том смысле, что она не имеет непосредственного отношения к парадигме слова: не переводит слов из одной части речи в другую; б) бóльшая определенность выражаемого ею значения; в) меньшая степень слитности с корнем слова [16, с. 33]. Суффикс отличается от приставки а) положением в слове; б) непосредственным отношением к парадигме слова: он обычно переводит слово из одной части речи в другую; в) меньшей определенностью своего значения и г) большей степенью слитности с корнем.

3. Приставки и суффиксы, являясь частью слова, обладают многими его признаками и свойствами. Они, как и слова, могут быть однозначными и многозначными, иметь омонимы, синонимы, паронимы и антонимы.

Многозначность аффиксов проявляется в их способности выражать не одно, а несколько значений. Например, приставка *пере-* может указывать на: а) повторность, новое действие вместо прежнего (*переплавка, перевыборы*); б) промежуточность, пространство между чем-нибудь, пересечение (*перелесок, переписка*); в) чрезмерность действия или явления (*перегрев, переутомление*). Однозначно понять дериваты позволяет контекстуальное окружение.

Омонимичные морфемы, имея одинаковое звучание, выражают различные значения. Например, суффикс *-к-* может: а) указывать на лицо женского пола – *артистка*; б) обозначать опредмеченное действие – *варка*; в) выражать уменьшительно-ласкательный оттенок – *березка*. Довольно распространена в русском языке и словообразовательная синонимия, позволяющая «говорящему (пишущему) назвать понятие одним из возможных словообразовательных вариантов, а слушающему (читающему) получить большую информацию, чем простое указание на предмет, признак, действие» [7, с. 97]. Синонимичные морфемы – это разнозвучащие значимые части слова, близкие или тождественные по значению: *гравировщик* и *гравер*, *снежный* и *снеговой*, *пододвинуть* и *придвинуть*.

С явлением словообразовательной синонимии частично связаны явление паронимии (*вбежать – взбежать, здравица – здравница, земной – земляной*) и явление вариантности слов (*мягонький – мяконький, сдвинуть – содвинуть*). Противоположностью синонимии, как известно, является антонимия. Анализ языкового материала показывает, что она широко представлена среди эмоционально-оценочных и размерных морфем и глагольных приставок, особенно с пространственным значением: *домик* и *домица*, *домище*; *приклеить* и *отклеить*.

4. Приставки и суффиксы являются носителями многообразных словообразовательных значений. Приставки характеризуются тем, что обычно не влияют существенным образом на значение слова, к которому присоединяются, а лишь добавляют к его значению некоторый оттенок. Они могут выражать, например, направление действия через что-нибудь (*плыть – переплыть*), начало действия (*петь – запеть*), неполноту действия (*резать – надрезать*), высшую степень проявления какого-либо качества, свойства (*красавец – раскрасавец*). Суффиксы же существенно изменяют значение слова (ср.: *добрый – добряк, охотник – охотничий*).

5. Приставки и суффиксы, являясь минимальной значимой частью слова, выполняют в нем различные функции. Е. А. Земская выделяет пять основных функций приставок и суффиксов: а) собственно номинативную; б) конструктивную; в) компрессивную; г) экспрессивную; д) стилистическую [6, с. 199]. Перечисленные функции служебных морфем отражают различные коммуникативные установки говорящего: «1) создать необходимое наименование; 2) изменить синтаксическое построение речи; 3) произвести более краткую номинацию; 4) получить экспрессивную форму выражения; 5) использовать средство выражения, соответствующее той или иной сфере языка, т. е. согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения» [6, с. 199]. При этом Е. А. Земская указывает на то, что словообразовательные морфемы могут одновременно выполнять несколько функций. Особенно характерны в этом отношении производные с суффиксом *-к-*. Например, назвав пятиэтажный дом *пятиэтажкой*, говорящий одновременно создает однословную номинацию (компрессивная функция), присущую непринужденной разговорной речи (стилистическая функция).

Итак, приставки и суффиксы обладают своеобразными функционально-семантическими особенностями. Основные из них следующие: а) приставка присоединяется к целому производящему слову, суффикс – к производящей основе; б) присоединение приставки не меняет принадлежности слова к определенной части речи, с присоединением к основе исходного слова словообразовательного суффикса слово часто переходит из одного лексико-грамматического разряда в другой; в) приставки и суффиксы, как и слова, могут быть однозначными и многозначными, иметь омонимы, синонимы, паронимы и антонимы; г) приставки и суффиксы, являясь минимальной значимой частью слова, выполняют в нем различные функции (собственно номинативную, конструктивную, компрессивную,

экспрессивную, стилистическую) и выражают разнообразные словообразовательные значения.

Для функционально-смысловой характеристики окончания важным является раскрытие сущности понятия «грамматическое значение». Поскольку грамматическое значение всегда сопутствует лексическому, считаем целесообразным рассмотреть его признаки в сравнении с последним. Обобщая точки зрения лингвистов (В. В. Виноградов, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, А. И. Моисеев, А. Н. Тихонов, Н. М. Шанский) относительно отличий грамматического значения от лексического, можно выделить следующее: 1) лексическое значение индивидуально (свойственно отдельному слову), грамматическое – категориально (свойственно целому классу слов); 2) лексическое значение конкретно, грамматическое – абстрактно; 3) лексическое значение слова дает представление о каком-то элементе действительности, его свойствах, признаках, состоянии; грамматическое – либо выражает отношения, существующие между словами, либо указывает на субъективное отношение говорящего к называемым предметам и явлениям; 4) лексическое значение выражено основой слова, грамматическое – особыми формальными показателями; 5) лексическое значение соотносится со словообразованием, грамматическое – со словоизменением. Итак, в лингвистических исследованиях грамматическое значение определяется как абстрактное языковое значение, отвлеченное от лексического содержания слова, выраженное формальными грамматическими средствами и присущее целому классу слов. Установлено, что одним из основных средств выражения грамматического значения является окончание – морфема, «органически связанная с основой, но находящаяся вне ее, выражающая грамматические значения и указывающая на связь слова с другими словами в предложении» [10, с. 24]. Опираясь на данное определение, рассмотрим функционально-семантические особенности окончаний.

1. Окончание не входит в основу слова. А. В. Дудников, анализируя характер отношений основы слова с морфемами, пишет: «Аффиксальные морфемы (префикс, суффикс и др.) в линейно-синтагматическом плане формируют основу слова и являются ее структурными частями, а флексийные морфемы находятся вне основы, а именно позади нее, резко противопоставляются ей как специальный грамматический «отсек», хранящий грамматическую «программу» данного слова в ее отношении к таким же грамматическим «программам» других слов» [4, с. 168]. Как видим, основа противопоставляется окончанию, «а другие, нефлексийные морфемы (корень, приставка, суффикс) иерархически подчиняются основе и только через нее в своей совокупности противопоставляются окончанию, а уже вместе с ним составляют структурно целостную единицу – слово» [16, с. 49]. Кроме этого, окончание не только не входит в основу, но оно обычно ничего не прибавляет к лексическому значению основы, а лишь, говоря словами Г. О. Винокура, «очерчивает границы и способ применения этого значения в условиях связной речи» [1, с. 403]. Исключения составляют сравнительно немногочисленные случаи, когда флексия совмещает свою основную функцию со словообразовательной, т. е. выступает как синкретическая морфема. Это наблюдается, например, у существительных типа *супруга*, *кума*, *раба*, в которых окончание выражает не просто грамматическое значение женского рода, а обозначает одновременно лицо женского пола.

2. Окончание служит средством выражения различных грамматических значений слова. При этом лингвисты указывают на такую важную особенность окончаний, как полифункциональность, т. е. способность флексий одновременно выражать несколько грамматических значений. Так, окончания существительных обычно выражают значения конкретного падежа, единственного или множественного числа, а также мужского, женского или среднего рода. Полагаем, что для наиболее полного осмысления грамматического значения флексий важным является и учет того, что 1) среди окончаний современного русского языка широкое распространение имеют явления омонимии (*вод-а* – форма им.п. ед.ч. и *бык-а* – форма р.п. ед.ч.) и синонимии (*гор-а*, *земл-я*, *бревн-о* – форма им.п. ед.ч.);

2) окончания могут быть материально выраженными (*дома, пела, красива, улитки, болото, ночи, лисьего*) и нулевыми (*дом* *бл* *льсийць* □)□

3. Наконец, у флексий, кроме выражения собственно грамматических значений, имеется и другая, не менее важная, но единая с первой функция: они, образуя словоформу, устанавливают семантико-синтаксические связи между словами в предложении. Иными словами, окончания, в отличие от других грамматических морфем (например, суффиксов причастий, деепричастий, степеней сравнения прилагательных и наречий), используются для образования *синтаксических* грамматических форм, т. е. речь идет о том, что флексии, образуя словоформы и выражая грамматические значения, реализуют эту функцию в момент создания соответствующего словосочетания или предложения. Поэтому для уяснения содержательной стороны окончания слова необходимо рассматривать в их связях – в словосочетаниях или в предложениях.

Итак, функционально-семантическое своеобразие окончания проявляется в том, что оно является одним из основных средств выражения грамматического значения и может одновременно выступать носителем нескольких грамматических значений (личных, родовых, падежных, числовых). Кроме выражения собственно грамматических значений, окончания выполняют и словоизменительную функцию – устанавливают семантико-синтаксические связи между словами в предложении.

Осознание существенных функционально-семантических свойств внутрисловных единиц-морфем не может произойти без учета взаимосвязей между группами однокоренных слов различной иерархической сложности. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть те комплексные единицы, которые дают возможность раскрыть словообразовательную структуру каждого однокоренного слова, выявить его «словообразовательный потенциал, роль и место в словопорождающем механизме современного русского языка» [13, с. 3]. К таким единицам относим а) словообразовательную пару, б) словообразовательную цепь и в) словообразовательное гнездо.

Простейшая из комплексных единиц – словообразовательная пара – определяется лингвистами как «два однокоренных слова или слово и соотносительное с ним словосочетание, связанные отношениями словообразовательной производности» [8, с. 228]. Иными словами, словообразовательную пару составляют «предшествующее → последующее» (первичное → вторичное), или «производящее → производное». Анализ лингвистических исследований (Г. О. Винокур, Е. А. Земская, З. А. Потиха, Н. М. Шанский) показывает, что вне словообразовательной пары невозможно обнаружить важнейшую черту производного слова – расчлененность его смысловой структуры. Довольно четко и определенно названный признак был сформулирован еще в 1959 году Г. О. Винокуром, который считал, что каждая анализируемая производная основа в принципе последовательно членится на две части, «из которых первая есть основа производящая по отношению к данной производной, а вторая – аффикс, посредством которого эта производная основа создана из производящей» [1, с. 441]. Как видим, расчлененность смысловой структуры деривата проявляется в противопоставленности в ней двух компонентов – производящей основы и словообразовательного форманта.

Важно подчеркнуть известную условность терминологического сочетания «производящая основа». Учитывая, что производные слова в русском языке образуются не только на базе отдельных лексических единиц и от основ (полных или усеченных), но и на базе фразеологических оборотов, свободных сочетаний слов, предложно-падежных форм, целых слов (простых или сложных), под производящей основой мы будем понимать «ту или иную сему, являющуюся по отношению к анализируемому слову тем, что мотивирует его как определенную языковую единицу и выступает в качестве его семантической и материальной базы» [17, с. 38]. Как найти производящую основу? З. А. Потиха при ответе на этот вопрос рекомендует руководствоваться интуицией и логикой, поскольку считает, что «невозможно с научной достоверностью установить, от какого слова непосредственно образовалось каждое

анализируемое слово. Да и нет в этом необходимости» [9, с. 104]. Данную позицию ученого мы не разделяем. Изложим свои аргументы. Во-первых, на современном этапе развития русского словообразования можно определить реальный путь создания слова, т. е. на базе какого производящего и при помощи каких словообразовательных средств образован дериват. Имеем в виду «Школьный словообразовательный словарь русского языка» [14] и большой гнездовой «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [13]. Во-вторых, нельзя согласиться с тезисом о том, что нет необходимости выяснять «синхронную этимологию» (А. Н. Тихонов, Н. М. Шанский [11, с. 11]) слова, степень его производности. Напротив, вслед за Н. М. Шанским, считаем, что правильное членение слова на морфемы невозможно «без последовательного выделения в нем значимых частей в соответствии с синхронно отраженным в его строении словообразовательным процессом, т. е. без учета связей и соотношений, существующих между производной и производящей основой» [17, с. 36]. Полагаем, что обязательное следование указанному принципу дает возможность избежать в морфемном членении слова многочисленных неточностей и ошибок, а также ответить на вопрос, почему оно состоит именно из этих значимых частей.

Уточнение следует сделать и относительно дефиниции «словообразовательный формант». В лингвистической литературе указанное понятие определяется по-разному. Так, Г. П. Цыганенко характеризует формант как «словообразовательный элемент (вместе с окончанием, если слово изменяемое), присоединившийся к производящей основе (слову) при создании данного производного слова» [16, с. 90]. Согласно трактовке В. Н. Немченко, словообразовательный формант – это «формальное, материально выраженное средство, с помощью которого образовано производное слово, т. е. часть или определенный признак производного слова, которые отличают производное слово от производящей базы и выражают его словообразовательное значение» [8, с. 91]. Второе определение представляется нам более полным, поскольку в нем отражены два аспекта отношений между дериватом и мотивирующим словом: формальный и семантический. Для нашего исследования особо значимым является то, что под понятие форманта подводится средство, с помощью которого не только осуществляется словообразовательный акт, но и выражается новое (словообразовательное) значение производного слова по сравнению с производящим. Одним из первых, кто обратил внимание на то, что в формантной части заключено «семантическое приращение к семантике производящей основы в структуре производной» [4, с. 184], был Г. О. Винокур. С точки зрения ученого, «никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значение производной основы» [1, с. 425]. Из этого следует, что словообразовательное значение может быть выявлено только при сопоставлении производной и производящей основ, т. е. при построении словообразовательной пары. При этом, как отмечает И. А. Ширшов, необходимо учитывать, что оно «выявляется не в одном производном и не в группе производных, а в производных, построенных по формуле одного словообразовательного типа, когда производящие и производные характеризуются одинаковыми семантическими соотношениями» [18, с. 114]. Например, баран-ин-а: баран = осетр-ин-а: осетр. Словообразовательное значение существительных *баранина*, *осетрина* может быть определено как «мясо животного, названного в производящей основе», так как оно является обобщенным, категориальным значением производных слов и выражается одним и тем же словообразовательным формантом (в данном случае суффиксом *-ин-*). Суммируя сказанное, отметим, что именно словообразовательная пара позволяет зримо представить бинарную конструкцию производного слова, составляющими которого является производящая основа и словообразовательный формант.

Следующей, более крупной комплексной единицей является словообразовательная цепь, которая, по определению А. В. Дудникова, представляет собой «ряд производных, идущих от исходной основы в таком порядке, при котором каждое предшествующее звено содержит производящую основу для каждого последующего и, наоборот, каждое

последующее является производным по отношению к предыдущему» [4, с. 186]. Сторонники функционально-семантического подхода к изучению морфемики и словообразования считают, что данная комплексная единица позволяет установить синхронную структуру слова (при условии, если слово не имеет в своем составе связанный корень). «Для того чтобы вскрыть структуру того или иного слова, – указывает Н. М. Шанский, – необходимо показать не только «поперечный анатомический срез» слова, но и «расстановку морфемных сил» внутри слова, то есть то, как морфемы связаны между собой, какова последовательность их присоединения друг к другу в процессе представляющегося нам сейчас словопроизводства и в какую словообразовательную модель это слово в данный момент включается» [17, с. 6]. Как видим, словообразовательная цепь отражает ступенчатый характер русского словообразования и демонстрирует синтагматические отношения между однокоренными словами.

И, наконец, самая сложная единица системы словообразования – словообразовательное гнездо. В лингвистической литературе данное понятие определяется на основании нескольких критериев: общности корня, живых синхронных связей, упорядоченности и иерархии отношений в соответствии с направлением производности. Опираясь на существующие в лингвистике теории словообразовательного гнезда (Е. Л. Гинзбург, Е. А. Земская, П. А. Соболева, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, И. А. Ширшов), в понимании указанной дефиниции исходим из следующих постулатов: словообразовательное гнездо – одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; единица словообразования, имеющая строго определенную структуру, где каждый элемент (слово) занимает предусмотренное системой языка и закреплённое нормой место; микросистема, концентрированно отражающая формально-смысловые взаимоотношения между родственными словами и характеризующаяся стабильностью, устойчивостью, с одной стороны, и способностью к динамике, развитию, расширению, с другой стороны.

Исследователи отмечают, что комплексные единицы деривационного процесса «реализуются и функционируют благодаря синхронному постоянному действию системы способов словообразования» [4, с. 188]. В лингвистической литературе понятие «способ словообразования» обычно определяют как «более крупную, чем словообразовательный тип, единицу классификации, объединяющую ряд типов, характеризующихся одним и тем же видом форманта (префикс, суффикс, постфикс и т. п.)» [3, с. 41]. Как видим, это определение характеризует лишь один из способов словообразования – морфологический. Приняв во внимание, что для выражения деривационного значения производного слова могут использоваться не только аффиксы, но и такие средства, как порядок следования частей производного слова, усечение производящей основы (или основ), изменение парадигмы словоизменения, единое ударение [5, с. 173], приемлемым следует признать определение способа словообразования, предложенное Б. Н. Головиным: «Способами словообразования называются те «действия», которые осуществляет язык, производя новое слово» [2, с. 130]. Эти «действия», по мнению ученого, могут быть следующими: 1) присоединение к основе слова суффикса, приставки или суффикса и приставки одновременно; 2) соединение двух (реже) нескольких основ (полных или усеченных) в одну; 3) перевод слова (или отдельной его формы) из одной части речи в другую; 4) отрыв одного из значений слова от остальных; 5) отбрасывание окончания (или суффикса, если слово (его форма) не изменяется) и одновременное смягчение согласного основы [2, с. 130–131]. Г. П. Цыганенко расширяет содержание четвертого действия, допуская «употребление слова в ином значении, кроме тех, что были у него ранее» [16, с. 124], и добавляет к названным такие «действия»: «замена одних флексий (парадигм) другими, сокращение (укорочение) производящего слова (при аббревиации), слияние двух лексем в одну» [16, с. 124]. Такое понимание способа словообразования, с нашей точки зрения, охватывает все основные способы словообразования современного русского языка: лексико-семантический, лексико-синтаксический (по школьной терминологии – слияние словосочетания в одно слово), морфолого-синтаксический (в школе: переход слов из одной части речи в другую) и морфологический.

Особое место среди названных способов занимает лексико-семантический способ словообразования. Одни исследователи (Е. А. Земская, В. Н. Немченко), разграничивая диахронические процессы образования слов и синхронные мотивационные связи между словами, относят лексико-семантическую деривацию к диахроническому словообразованию. Другие (В. В. Лопатин, З. А. Потиха, И. С. Улуханов), указывая на то, что при данном способе не создаются фонетически новые слова (как материальные единицы), вообще не включают этот способ в систему словопроизводства. Неопределенный статус лексико-семантического способа среди других способов образования языковых единиц объясняется тем, что семантическая деривация – вторичная номинация, по образному выражению Н. П. Тропиной, «является «розой ветров» не только семасиологии и ономасиологии, но и всей языковой системы в целом. В ней взаимодействуют многие языковые явления и процессы, и соответственно отражается множество языковедческих проблем» [15, с. 3–4]. Этим обстоятельством, по-видимому, обусловлен тот факт, что лексико-семантический способ исключен из школьной программы, хотя работа по ознакомлению учащихся с многозначными словами, омонимами, переносным употреблением слов, безусловно, ведется при изучении раздела «Лексикология».

Для решения задач нашего исследования актуально утверждение Н. М. Шанского о том, что во всех способах словообразования отражается основной закон создания производных слов – закон аналогии [17, с. 255], согласно которому производное слово любого способа словообразования создается по существующему в языке образцу (модели). Мы исходим из того, что приведенные характеристики основных комплексных единиц деривационного процесса помогают разобраться в его сущности и лучше понять его закономерности.

Таким образом, данные лингвистических исследований позволили выявить и охарактеризовать функционально-семантические особенности простейших и комплексных единиц словообразовательной системы русского языка. Правильное осмысление этих особенностей имеет принципиальное значение для теории и практики формирования осознанных словообразовательных знаний, умений и навыков учащихся.

Библиографический список

1. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Наука, 1959. – С. 397–442.
2. Головин Б. Н. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1977. – 311 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
4. Дудников А. В. Современный русский язык. – М.: Высш. шк., 1990. – 424 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
6. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
7. Методика развития речи на уроках русского языка / Н. Е. Богуславская, В. И. Капинос, А. Ю. Купалова и др.; под ред. Т. А. Ладыженской. – М.: Просвещение, 1991. – 240 с.
8. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высш. шк., 1984. – 255 с.
9. Потиха З. А. Современное русское словообразование. – М.: Просвещение, 1970 – 384 с.
10. Скорнякова М. Ф. Морфемный и словообразовательный анализ. – М.: Просвещение, 1981. – 87 с.
11. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
12. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
13. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985. Т.1. Словообразовательные гнезда. А–П. – 856 с.
14. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1978. – 727 с.

15. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование: [монография]. – Херсон: Изд. ХГУ, 2003. – 336 с.
16. Цыганенко Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке. – К.: Рад. школа, 1978. – 152 с.
17. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во Московского университета, 1968. – 309 с.
18. Ширшов И. А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке // Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 109–122.

СЕКЦИЯ Славянские языки

Дубинец З.А.

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Институт педагогического образования и менеджмента (филиал)
в г. Армянске*

ДИНАМИКА ЭВФЕМИЗМОВ В УКРАИНСКОЙ ПРЕССЕ

Аннотация

В статье проанализированы особенности динамики эвфемизмов на материале прессы. Выяснено факторы, которые определяют изменения эвфемистических номинаций. Доказано, что процессы архаизации и неологизации, затрагивающие эвфемизмы различных тематических групп (военные, экономические, пенитенциарные и т.д.) довольно продуктивны в украинской прессе.

Abstract

The paper focuses on the analysis of the peculiarities of the euphemisms for press materials. It was found factors that cause changes euphemistically nominations. The author discusses that the processes of archaizing and neological affect euphemisms different thematic groups (military, economic, prison, etc.) and are productive in the Ukrainian press.

Ключевые слова: эвфемизмы, динамика, неологизмы, архаизмы

Key words: euphemisms, dynamics, neologisms, archaisms

Постановка проблемы. Анализ лексического материала украинского языка свидетельствует об активном функционировании эвфемизмов, благозвучных выражений, которые употребляются вместо прямых наименований негативного денотата. Являясь частью лексической подсистемы украинского языка, эвфемистические номинации подвергаются воздействию всех тех трансформационных процессов, которые присущи этой подсистеме: „неопределенность границ словаря языка предопределяется непрерывностью его развития, перманентной подвижностью и изменчивостью, постоянным его пополнением новыми словами и потерей устаревших слов” [1, с. 5]. Динамика эвфемизмов в диалектах, разговорном и художественном стилях стала объектом внимания С. Видлака, А. Домбровской, А. Кацева, И. Милевой, В. Москвина, А. Пустовит, Е. Сеничкиной и др. Однако на материале газетно-публицистического дискурса проблема малоисследованна.

Цель статьи – выявить особенности динамики эвфемизмов на материале современной украинской прессы.

Сфера эвфемизмов одна из наиболее динамичных в составе лексики и фразеологии украинского языка. Изменения эвфемистических номинаций обусловлены не только лингвистическими факторами. Подтверждением является эвфемизация непрестижных профессий: *помощник* → *референт*, *поставщик* → *провайдер*, *перекупщик* → *дилер*, *оптовик* → *трейдер* или *мерчандайзер*, *товаровед* → *маркетолог*, *портной* → *кутюрье*, *охрана* → *секьюрити*, *ныряльщик* → *дайвер*, *няня* → *бэбиситер*, *домработница* → *хаускипер*, *безработный* → *джоб-сикер* [4, с. 11]. Подобные эвфемистические замены продуктивно используются журналистами. Например: *клинер* вместо укр. *уборщик* („забастовка клинеров” (День. – 2008. – № 24)); *брокер* вместо укр. *посредник*; *дистрибьютор* вместо укр. *распространитель* („работает дистрибьютором компании” (Зеркало недели. – 2008. – № 6)). Исследователи (С. Кара-Мурза, К. Милоенко, П. Селигей) видят в подобных случаях рецидив мифического сознания, согласно которому, при изменении имени меняется и его носитель. Кроме психологического фактора, на изменения в сфере эвфемизмов влияет и социальный. Эвфемизмы особенно чувствительны к общественной оценке определенных явлений и являются своеобразной „приметой времени”. Характерной чертой социалистической эпохи были эвфемистические замены: *взял на производстве* – *украл*, *дал* – *дал взятку*, *достал дефицитный товар* – *нарушил права других*, „*отписался*” – *проявил бюрократизм*.

Динамику эвфемистических замен определяют темпы социальных изменений. В периоды резких перепадов в общественной жизни происходит быстрое пополнение языковой культуры эвфемизмами и, наоборот, в периоды стабильности процессы эвфемизации замедляются. Так, в 1990-х годах полукриминальный *блат* вытесняет *лоббирование*; *взятку* – в уважаемой иностранной внешности – *коррупция*. „*Вчера именовался спекулянт. Сегодня – бизнесмен. Вчера называлось „махнуть не глядя”. Сегодня – „обменять по бартеру”. Вчера был обычный шулер. Сегодня – брокер*” (Е. Дударь. Мы такие) [Цит. по 5, с. 15].

Относительно лингвистических факторов, то они в основном продиктованы жизненными потребностями людей, новыми условиями общественной коммуникации. Следует различать эвфемизмы, которые устаревают по социальным причинам, и эвфемизмы, архаизация которых обусловлена чисто лингвистическими причинами – „загрязнением денотата”. Принципиальная разница между ними в том, что „первые вообще перестают употребляться, а вторые исключаются лишь из эвфемистического состава, но продолжают существовать в языке в новом качестве, т.е. как слово-табу”, – считает А. Кацев.

Например, в Америке в XX–м веке в течение небольшого исторического периода создано значительное количество эвфемизмов для словосочетание *economic crisis* (экономический кризис), которое первоначально вытеснено эвфемизмом *slump* (падение), затем *depression* (депрессия). Вскоре депрессия превратилась в слово-табу, и вместо него стали использовать новый эвфемизм – *recession* (отступление), который сменило слово *downturn* (поворот вниз) [2, с. 65]. Современным эвфемизмом этого ряда является оксюморонный выражение негативный экономический рост, в котором положительная коннотация создается лексемой „рост”: Если так пойдет дальше, то Украина завершит 2008 год с отрицательным экономическим ростом (Свобода. – 2008 – № 8). Рассмотренные примеры подтверждают то, что эвфемизм постепенно вытесняет из лексической системы языка соответствующее производящее слово, которое им улучшалось. Подобное вытеснение производящего слова производным с „неприятным” значением – семантический закон, открытый Джозефом Шипли [6, с. 158]. Процесс потери эвфемизмом эвфемистической функции и его переход в состав прямых номинаций ученые называют по-разному: амелиорация, деградация, девальвация (термин А. Швейцера) эвфемизмов.

Историческая изменчивость статуса эвфемизма дала основание Х. Роусону применить к ним закон Грешема и закон языковой последовательности, которые позволяют объяснить причины возникновения и непродолжительного периода существования эвфемизмов. Закон Грешема был заимствован из экономики, а в сфере лингвистики он означает, что отрицательные значения или ассоциации слова вытесняют из обихода положительные, и,

таким образом, слово начинает употребляться только в отрицательном значении [7, с. 5]. Так, заимствования из других языков в ниже рассмотренных примерах являются эвфемизмами по происхождению, однако не выполняют эвфемистической функции, поскольку их активное употребление привело к загрязнению денотата: *Как мы девальвировали имидж житницы Европы* (Голос Украины. – 2005 – № 217). *Девальвировать* значит „обесценивать”. *Президент не будет прессовать политреформу* (Голос Украины. – 2005 – № 88). Большинству граждан известно новое переносное значение слова *прессовать*: „создавать препятствия для реализации, обесценивать”.

Закон Грешема является генератором действия другого закона – закона языковой последовательности. Применяя этот закон к функционированию эвфемизмов, можно утверждать, что после того как эвфемизм становится испорченным ассоциацией со словом, люди будут остерегаться употреблять его [7, с. 6]. Когда говорящие начинают избегать употребления определенного термина, возникает необходимость создать новый эвфемизм для получения положительной коннотации. Так, продуктивное использование некоторых заимствований привело к потере ими „благозвучных” свойств, их сменили эвфемизмы нового поколения: *кадровик* → *менеджер по персоналу*, *пропагандист* → *пиар-технолог*, *ассенизатор* → *оператор очистных работ*. Рассмотрим пример еще одной цепи, появление которой обусловлено потерей смягчающей функции первоначально заимствованного эвфемизма вследствие активного употребления: *калека* → *инвалид* → *лицо с ограниченными физическими возможностями* → *человек с особыми потребностями* → *человек, который требует особого отношения* [4, с. 11]. *Свои способности демонстрировали дети с ограниченными физическими возможностями* (Урядовый курьер. – 2010 – № 10); *Среди этих автобусов будут машины, оборудованные гидравлическим устройством, чтобы дети с особыми потребностями могли добираться до школы* (Образование Украины. – 2010 – 11.12).

Эволюция эвфемистического словаря своего рода отражение изменений в морали определенного языкового сообщества, поэтому динамика эвфемизмов в газетных текстах проявляется в пополнении одних тематических групп эвфемизмами-неологизмами и архаизации других. На современном этапе развития языка происходит активное обновление словаря эвфемистическими номинациями для обозначения реалий различных сфер политической жизни страны, прежде всего военной, экономической, пенитенциарной. Среди военных эвфемизмов отошли в прошлое субституты, которые появились в годы войны в Афганистане: *воины-интернационалисты* (о советских солдатах в Афганистане в 1979-1990 гг.), *дружеская помощь братскому афганскому народу*, *ограниченный контингент войск на территории Афганистана*. В современном газетном дискурсе *конфликт*, еще до недавнего времени продуктивно употребляемое вместо *война*, вытесняет *операция*, *противостояние*, *гуманитарная миссия*. „*Более часа длилась вчерашняя встреча Ясира Арафата и Шимона Переса, на которой обсуждались возможности окончания палестино-израильского противостояния, которое длится ровно год*” (Украина молодая. – 2001. – 27.09.); *В послании В. Путина отмечается, что успешный ход операции в Чечне „заставил боевиков обосноваться в Грузии* (Крещатик. – 2007 – № 127); *Ситуация в зоне АТО (антитеррористическая операция на востоке Украины) существенно обострилась* (Вечерние вести. – 2015. – 17.08.)

Заслуживают внимание цепь экономических эвфемизмов для обозначения повышения цен: *либерализация*, характерная для газет 90-х годов прошлого века, постепенно утратила свои эвфемистические свойства, поэтому сегодня ее вытеснили другие лексемы *пересмотр*, *урегулирование*, *оптимизация*. Например: *Парламент пересмотрит тарифы на ЖКХ* (Судебно-юридическая газета. – 2015. – 30.04). *Нам надо отрегулировать цену на газ* (интервью Ющенко) (Украинская правда. – 2007 – 05.07) – сообщается о росте цены на голубое топливо с 95 долл. до 135 за куб. м.

Архаизировались пенитенциарные эвфемизмы советских времен: *обмен партийных билетов* вместо *чистка рядов партии*, *осужден на 10 лет без права переписки* (официальная

формула смертной казни в сталинские времена), *Вера Михайловна* (вместо высшая мера), *раскулачивание* (вместо ограбления, физическое уничтожение и лишение всяческих прав граждан СССР) и тому подобное. Языковой анализ устаревших эвфемизмов свидетельствует, что они по сравнению с современными содержат слова пассивной лексики. Среди новообразований этой группы немало метафор: *Первыми „поиграли мускулами”* (вместо применили физическую силу, избили) *милиционеры* (Голос Украины. – 2011 – № 47); *Еще хлеб не уродил, а некоторые уже „жнивуют”*

(Голос Украины. – 2011 – № 46) – о работниках ГАИ, которые незаконно штрафуют водителей агрофирмы.

Особого внимания среди эвфемизмов-неологизмов заслуживают окказиональные образования, отличающиеся яркой образностью, метафоричностью: *человек дождя, снега и солнца ... вместо бомж* (Голос Украины. – 2008. – № 235); *блеронул с похмелья* – про старшего сына премьер-министра Великобритании Тони Блэра, который лежал в центре Лондона и блевал (Украина молодая. – 2000. – 08.07). К окказиональным эвфемизмам принадлежат те, которые участвуют в языковой игре – творческом, нестандартном использовании с целью создания остроумных высказываний [3, с. 86]. Другой термин для обозначения этого явления – логоепистема – предлагают Н. Бурвикова, В. Костомаров, Т. Сербина. После снятия редакторских ограничений предыдущего периода языковая игра активизировалась в современной прессе. Игра со словом – свидетельство мастерства говорящего во владении выразительными средствами языка, одно из средств усиления его воздействия на реального или воображаемого собеседника, а это эвфемистическое функция. Например: *Нашла коса на улей* – (Зеркало недели. – 2008 – № 36). Преобразованная конструкция активизировала эмоционально-экспрессивную оценку конфликта между Президентом В. Ющенко и премьером Ю. Тимошенко. „5 капель” *возмущение для Президента* (Г. Томенко поставил 5 вопросов о свободе слова в Украине) (Украина молодая. – 2003. – 02.12). Понятно, что здесь не реклама водки – „5 капель”, а последняя капля. *Автономное отопление они в себя не обустривают, все на розетку „салятся”* (Урядовый курьер – 2011 – № 40). В преступном мире известно выражение *сесть на иглу* (о наркоманах). Трансформация высказывания приводит к появлению нового значения – незаконное потребление электроэнергии. Оригинальность, экспрессия подобных новообразований помогает акцентировать внимание читателя на определенном газетном материале, выразить позицию автора к описанным фактам действительности.

Среди замен понятий традиционно табуированной сферы (реалии, относящиеся к смерти; интимные отношения, физиологические процессы; умственные и физические недостатки; аморальные поступки и т. д.), которые продуктивно используются в современной прессе, новообразования отсутствуют: *Елена Гавриш не имеет ни детей, ни сестер, ни даже подруг своего возраста. Все отошли* (Голос Украины. – 2008 – № 223); *К административной ответственности было привлечено 440 любителей оковитой* (Урядовый курьер – 2010 – № 12); *Еще с советских времен наши люди привыкли брать то, что плохо лежит* (Голос Украины. – 2009. – № 394). В последнее время не обновляются эвфемистические выражения для обозначения ругательств: *Евгений Гудзь: Эти серпы-молоты никому на хрен не нужны* (УП – 2009 – 15.12); *Тарас Чорновол: „И тут мне сказали шикарную фразу. „Тарас, Ющенко все равно станет президентом. Эти учителя за него все равно проголосуют. Куда они нафиг денутся”* (УП – 2009 – 14.11); *Тыц-гриц твою налево* (Универсум – 2007. – № 43).

Еще одна сфера, которая не нуждается сегодня в субститутах – беременность, роды, рождение. „Модная” жизнь без официальной регистрации брака предопределяет исчезновение эвфемизмов для обозначения атрибутов интимных отношений, в том числе и средств контрацепции.

Выводы. Проанализированные примеры подтверждают, что сфера эвфемизмов одна из наиболее динамичных в составе лексики и фразеологии украинского языка. Изменения эвфемистических номинаций обусловлены лингвистическими и экстралингвистическими

причинами. Процессы архаизации и неологизации, затрагивающие эвфемизмы различных тематических групп (военные, экономические, пенитенциарные и т.д.) довольно продуктивны в украинской прессе. Проведенное исследование не претендует на полное решение всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективными остаются вопросы, связанные с изучением особенностей динамики эвфемизмов в других типах дискурса: юридическом, экономическом, компьютерном.

Библиографический список

1. История украинского языка. Лексика и фразеология / [В. А. Винник, В. Й. Горобец, В. Л. Карпова и др.] ; отв. ред. В. М. Русановский. – К. : Наукова думка, 1983. – 744 с.
2. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия : учеб. пособ. к спецкурсу. – Л., 1988. – 79 с.
3. Санников В. С. Русский язык в зеркале языковой игры. – М. : Школа „Языки русской культуры”, 1999. – 544 с.
4. Селигей П. А. Что нам делать с заимствованиями? // Русский язык. – 2007. – № 3. – С. 3–15.
5. Тодор А. Г. Явление трансформации и стилистической транспозиции в украинском языке 90-х гг. XX века // Научные записки НауКМА. – 2003. – Т. 22. – Ч. 2 : Гуманитарные науки. – С. 13–16.
6. Shipley J. T. Praise of English / J. T. Shipley. – New York, 1977. – P. 158.
7. Rawson H. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk / H. Rawson. – New York : Crown Publishers Inc., 1995. – 463 p.

СЕКЦИЯ Германские языки

УДК: 811.111'276.2'37

Гладких О.И.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНДАРТНЫХ ДИВЕРГЕНТОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассмотрены структурно-семантические особенности субстандартных дивергентов в национальных вариантах английского языка. Классификация структурно-семантических типов дивергентов позволяет выделить дивергенты-полисеманты, дивергенты-энантионимы и дивергенты-омонимы с разной степенью локальной маркированности. В результате анализа также выявлены лексико-семантические группы дивергентов с наибольшей номинативной плотностью.

Abstract

The article considers structural and semantic peculiarities of substandard divergents in national varieties of the English language. Classification of structural and semantic types of the divergents reveals polysemantic, enantionymous and homonymous divergents with a different degree of local markedness. The analysis also results in lexico-semantic groups of the divergents with the highest nominative density.

Ключевые слова: лексико-семантический дивергент, субстандартный дивергент, структурно-семантический тип, национальный вариант английского языка

Key words: lexico-semantic divergent, substandard divergent, structural and semantic type, national variety of the English language

В современной лингвистической науке центральное место занимают исследования антропоцентрической направленности, в которых основной акцент ставится на взаимодействии и взаимовлиянии языковой личности, с одной стороны, и языка, сознания, культуры, с другой стороны. Однако исследования природы языка, форм его существования, соотношения нормативных и ненормативных языковых единиц, проблема их вариативности – всех тех аспектов, которые составляют сущность структурной и функциональной лингвистики, по-прежнему плодотворны и **актуальны**.

В XXI веке с увеличением роли английского языка в мире и обретением им статуса *lingua franca* научный поиск сосредоточился на описании его вариантов и их особенностей. Национальные варианты негетерогенного английского языка исследовались К. Барбер [23], Н.Н. Быховец [1; 2], Ч. Дейвисом [24], Г.А. Орловым [4], В.В. Ощепковой [5], Л.Г. Поповой [6], Л.А. Русецкой [7], В.И. Скибиной [17; 18], А.Д. Швейцером [19], а также автором данной статьи [8–16; 27; 28].

Вариативность национальных вариантов английского языка (далее – НВАЯ) прослеживается на всех языковых уровнях, но более примечательна она в лексике, т.к. именно лексика имеет выход во внеязыковую реальность, в область, которая является связующим звеном между языком и национальным сознанием, языком и культурой.

Цель настоящего исследования – выявление структурно-семантических особенностей субстандартных дивергентных единиц в НВАЯ.

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

1. выполнена сплошная выборка субстандартных лексико-семантических дивергентов из авторитетных источников [3; 20–23; 25; 26; 29; 30];
2. выделены типы субстандартных дивергентов выборки в соответствии с предложенной нами классификацией [14];
3. проведен анализ семантической составляющей данных лексико-семантических дивергентов.

В ходе исследования использовались **методика сплошной выборки** для сбора материала исследования; **анализ словарных дефиниций** и **метод компонентного анализа** для установления семантической близости и дальнейшей классификации дивергентов, а также **количественный анализ** для определения типичности/нетипичности видов ЛСД для субстандарта НВАЯ.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его теоретических положений, материалов и результатов в процессе преподавания курсов по лексикологии, семасиологии, стилистике, теории языковой вариативности, социолингвистике, лингвокультурологии, на практических занятиях по английскому языку, а также в научных исследованиях по данной тематике.

Дивергенция на лексико-семантическом уровне служит залогом постоянства национальной специфики той или иной разновидности английского языка, а также обновлению арсенала ее единиц. Лексико-семантические дивергенты были выделены А.Д. Швейцером в процессе изучения различий между британским (далее – ВЕ) и американским (далее – АЕ) НВАЯ.

Под **лексико-семантическим дивергентом** (далее – ЛСД) мы понимаем, во-первых, единицу лексико-семантического уровня, которая кроме общего со всеми англоязычными ареалами значения содержит в своей семантической структуре один или несколько национально маркированных лексико-семантических вариантов. Во-вторых, ЛСД – это полисемантическое слово, разные значения которого употребляются в разных функциональных сферах (например, в языке стандарта и субстандарта).

Субстандартная лексика в данной работе понимается как совокупность лексико-семантических единиц, не принадлежащих сфере литературного языка – стандарта. Это

довольно гетерогенный пласт лексики, включающий коллоквиализмы, быстро вымирающие новомодные слова, устойчивые единицы сленга.

В ходе исследования было отобрано 920 субстандартных слов и словосочетаний или 1683 ЛСД. Данный корпус включает ЛСД с односторонней локальной маркированностью (далее – ЛСД с 1 л.м.), двусторонней (далее – ЛСД с 2 л.м.), трехсторонней (далее – ЛСД с 3 л.м.) и четырехсторонней локальной маркированностью (далее – ЛСД с 4 л.м.).

Структурный тип ЛСД с 1 л.м. представляет собой многозначную лексическую единицу, одно из значений которой является национально маркированным, т.е. употребляется только в определенном НВАЯ и не функционирует в других национальных вариантах. У структурного типа ЛСД с 2 л.м. наблюдается два локально маркированных значения на фоне остальных общеанглийских (далее – GE). Соответственно, ЛСД с 3 л.м. представлен тремя, а ЛСД с 4 л.м. – четырьмя значениями, которые функционируют в разных НВАЯ.

В зависимости от сущности семантической связи между значениями дивергента каждый из данных типов распадается на подтипы. Так, ЛСД-полисемант характеризуется наличием общих компонентов смысла, ЛСД-энантионим – наличием противоположных сем, а ЛСД-омоним – отсутствием какой бы то ни было семантической общности.

Рассмотрим ЛСД каждого подтипа. Например, у ЛСД-полисеманта с 1 л.м. *zombie* противопоставляются значения "a dull, apathetic or slow-witted person" (GE) и "in WW2 a man conscripted for home defence" (канадский НВАЯ, далее – CanE). Семантическая близость данных лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) становится понятной, если знать о том обстоятельстве, что во время Второй мировой войны мобилизации подлежали в том числе и люди со слабыми умственными способностями. Сложных боевых заданий им не доверяли, вследствие чего их не отправляли вести бой с противником, а защита рубежей своего государства рассматривалась как более простая задача.

Энантиосемия – наличие полярных сем у значений дивергента – может носить как денотативный, так и коннотативный характер. Для иллюстрации денотативной энантиосемии рассмотрим субстандартный ЛСД-энантионим с 1 л.м. *Mary*. У данного ЛСД наблюдается оппозиция GE "a white woman" и значения "an Aboriginal woman or other non-white woman", принадлежащего австралийскому НВАЯ (далее – AuE). Коннотативная энантиосемия проявляется у ЛСД с 1 л.м. *honey*: 1. "anything good of its kind" (GE) и 2. "anything or anything difficult, annoying" (AE).

ЛСД-омонимы можно представить ЛСД-омонимом с 3 л.м. *whip* (*whip the cat*), у которого зафиксированы следующие ЛСВ: 1. "to defeat, overcome, surpass" (AE); 2. "to steal" (BE) и 3. "to complain, to suffer remorse" (AuE).

Количественное соотношение разных структурно-семантических типов ЛСД в субстандарте НВАЯ следующее: ЛСД с 1 л.м. составляют 521 единицу (31%), ЛСД с 2 л.м. насчитывают 630 дивергентов (37%), ЛСД с 3 л.м. – 383 (23%), ЛСД с 4 л.м. – 53 (3% от общего количества субстандартных дивергентов). Отдельный тип дивергентов представлен гибридными дивергентами, которые составляют 98 единиц или 6% от общего количества.

Под гибридными дивергентами понимаются единицы, которые помимо значений GE содержат одинаковое значение (значения), зафиксированные в одном и том же НВАЯ. Примером такого дивергента является ЛСД-омоним с 1 л.м. *pottery*, который объединяет в своей семантической структуре ЛСВ "a recent immigrant" (GE) и значение "well-known generally", функционирующее одновременно в AuE и новозеландском НВАЯ.

Тематическая классификация дивергентов выборки показала, что в субстандарте НВАЯ наиболее широко представлены 6 лексико-семантических групп ЛСД, а именно:

1) «неуважительная характеристика человека»: *basket case* (1)*, *bunny* (2a), *cat* (2), *coconut* (1, 5), *faggot* (1,3), *grunter*, *lemon* (2), *rabbit* (2), *snow*¹ (3), *woodentop* (1) – 164 ЛСВ;

2) «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ»: *acid* (1), *candy*, *charlie* (2), *dolls*, *ex* (2), *herb* (1), *joint* (1), *key*¹, *lemon* (4), *magic*², *pink lady* (1), *salt* (2), *space cadet* (2), *sunshine* (2), *teaman* (2), *weed*¹ (1), *weight* – 126 ЛСВ;

3) «соматизмы»: *apples*¹, *arm* (2), *banana* (2), *box* (1), *cat* (3), *choppers*, *coconut* (2), *dangler* (1), *hooks*, *john* (4), *lemon* (3), *muffin*, *optic* (1), *pecker*, *potato* (2), *stem* (1) – 113 ЛСВ;

4) «сексуальные отношения и действия, сексуальные партнеры»: *ball* (1), *bull* (3), *cat* (4), *date mate* (2), *do* (5), *jam tart* (1), *nooner* (b), *pump* (2), *sauce*², *tootsy* (2), *wet*¹ (2) – 111 ЛСВ;

5) «деньги»: *berry*, *buck* (1), *coconut* (3), *iron-man*, *lolly*¹, *oil* (1), *potato* (5), *pound* (2), *ready*¹, *take* (1), *yard*¹ (3) – 47 ЛСВ;

6) «совершение преступления»: *burn*² (2), *croak* (2), *drill* (2), *duff* (2), *dust*², *hit*² (1), *off*², *smoke*¹ (1 a), *wax* (1), *whack*², *wipe* (1) – 39 ЛСВ.

Семантический анализ корпуса дивергентных сленгизмов также позволил выявить определенные закономерности в семантической трансформации ЛСВ. Так, некоторые значения ЛСД словно бы тяготеют друг к другу:

– «часть тела» – «другая часть тела». Например, ЛСД *hooter/hooters* характеризуется ЛСВ "nose" (BE) и "breasts" (AE), а ЛСД *pecker* – ЛСВ "penis" и (GE) "nose" (BE).

– «часть тела» – «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ». Такая семантическая зависимость является одной из наиболее распространенных. Она отражена в значениях ЛСД *hooter*: "nose" (BE), "breasts" (AE), с одной стороны, и ЛСВ "a joint (marihuana cigarette)" (AE), с другой. Примером такой семантической связи является также ЛСД *mickey*^{1,2}, который состоит из значений омонимичных лексем "the female genitals" (AuE) и "a soporific or stupefying drug administered to a person without their knowledge" (GE).

– «часть тела» – «неуважительная характеристика человека (обусловленная его интеллектуальными способностями, привычками, этнической принадлежностью и т.п.)».

– «часть тела» – «сексуальные отношения и действия, сексуальные партнеры. В такой зависимости находятся обозначения частей тела, которые рассматриваются как привлекательные для партнера. Например, ЛСД *boff*¹ (2) – *boff*² (1) объединяет в себе ЛСВ "to have sex (with)" (GE) и "the backside, buttocks" (BE).

– «часть тела» – «девушка, женщина». Данное соотношение содержит ЛСВ для обозначения женских половых органов или груди, как, например, у ЛСД *funbag/funbags*, у которого значение "a woman, particularly an attractive woman or a potential sexual partner" (GE) противопоставлено ЛСВ "breasts" (AuE).

– «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ» – «алкоголь, употребление алкоголя». Употребление наркотиков ассоциативно связано с употреблением алкоголя благодаря их воздействию на поведение человека. Такая ассоциация прослеживается на уровне GE ЛСВ сленгизма *ripped*: 1a. "stoned on marihuana or a similar drug" (GE) и 1b. "drunk" (GE); между ЛСВ ЛСД *potted*: 1. "drunk" (CanE) и 2. "under the influence of marijuana" (AE), а также между значениями ЛСД *hophead*: 1. "a drug addict" (AE) и 2. "a drunkard" (AuE).

– «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ» – «сексуальные отношения и действия, сексуальные партнеры». На удовольствии, которое получает человек от наркотиков и секса, основана семантика ЛСД *bent* (2 – 3) со значениями 2. "sexually deviant, homosexual" (GE) и 3. "drunk or under the influence of drugs" (AE), а также гибридного ЛСД *root*² (1 – 2): 1a. "an act of sexual intercourse" (BE/AuE), 1b. "a sexual partner or available 'sex object'" (BE/AuE), с одной стороны, и 2. "a cigarette or joint" (AE), с другой.

– «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ» – «глупый, доверчивый или сумасшедший человек». Такое соотношение объединяет, например, значения дивергента *charlie* (1 – 2): 1. "a foolish person" (BE) и 2. "cocaine" (GE) и ЛСД *lemon* (2 – 4): 2. "a fool, embarrassed or discomfited person" (GE) и 4. "a quaalude, 'lude (a hypnotic tranquilizing drug" (AE).

– «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ» – «женщина». Связь такого типа иллюстрирует ЛСД *doll* – *dolls* со значениями "woman" (GE) и "pills of amphetamine or barbiturate drugs" (AE) или, например, ЛСД *yellow*¹ и *yellow*s: 1. "oriental women considered as sex partners" (GE) и 2. "LSD (lysergic acid diethylamide), the hallucinogenic

drug" (AE) для дивергента *yellow*¹ и а. "barbiturate pills" (GE) и b. "Nembutal" (AE) для дивергента *yellow*s.

– «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ» – «что-то чудесное, отличное». Такое соотношение основывается на сравнении с состоянием человека, который находится под действием наркотиков. Например, у ЛСД *magic*¹⁻²: "superlative, excellent" (BE) и "the drug PCP" (AE) или у ЛСД *solid*¹ (1, 2) – *solid*²: *solid*¹: 1. "admirable, impressive" (GE) и 2. "excellent, great" (AE) и *solid*²: "hashish (which is sold in blocks)".

– «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ» – «что-нибудь непривлекательное, неприятное или никчемное». Данная семантическая зависимость объясняется ломкой после окончания действия наркотика: *doggo* (1 – 2): 1. "intoxicated by marihuana" (BE) и 2. "worthless, inferior, bad" (AE); *solid*¹ (3) – *solid*²: *solid*¹: 3. "severe, difficult" (AuE) и *solid*² "hashish (which is sold in blocks)" (BE).

– «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ» – «убивать, убийство». Данное регулярное семантическое соответствие обусловлено причинно-следственными связями. Невменяемое состояние человека под действием наркотических средств нередко приводит его к совершению противоправных поступков; или же мотивом убийства становится ограбление жертвы с целью покупки новой дозы. Такое соотношение смыслов наблюдается у ЛСД *whack*¹ (3 – 4) и *whack*¹ (3) – *whack*². Например: *whack*¹ (3 – 4): 3. "heroin" (GE) и 4. "a contract killing" (AE) наравне с *whack*² "to kill" (AE). Несколько иная трансформация лежит в основе значений ЛСД *ripped* (1a – 2): 1a. "stoned on marihuana or a similar drug" (GE) и 2. "killed" (AE). В данном случае проводится аналогия между состоянием человека под действием наркотиков (частичная или полная обездвиженность, невосприятие окружающего мира) и убитого.

– «женщина» – «женщина легкого поведения», например: *funbag*: а. "a woman, particularly an attractive woman or a potential sexual partner" (GE) и b. "a prostitute" (AE); *moll* (a – b): а. "a prostitute" (AuE) и b. "a woman, specifically a female companion" (AE); *tom*¹ (2 – 3): 2. "a prostitute" (GE) и 3. "a girl or a woman; a girlfriend" (AuE).

– «женщина, проститутка» – «гомосексуалист». Такое сравнение характерно для ЛСВ 2. "a spiteful woman" (GE) и 4. "a passive male homosexual" (AuE) ЛСД *cat* (2 – 4) и ЛСВ 1. "an unattractive or disreputable woman" (BE) и 2. "a homosexual man" (AE/AuE) ЛСД *faggot* (1 – 2).

– «деньги» – «что-то чудесное, отличное». Данные семантические отношения отражены в значениях "wonderful, great" (GE) и "money, wealth" (BE) ЛСД *lovely jubbly*¹⁻², а также у ЛСВ "ready money or cash" (GE) и "excellent; very competent or mature" (AE) ЛСД *ready*¹⁻².

– «убивать» – «заниматься сексом». Такой тип зависимости прослеживается у ЛСД *knock*¹ (1 – 2) со значениями 1. "to kill" (BE) и 2. "to have sex (with)" (GE) и, например, у ЛСД *stiff*¹ (1 – 6): 1. "to kill" (GE) и 6. "to have sex with" (BE).

В целом, глаголы со значением "заниматься сексом", как правило, также имеют значение "бить" (*do* (4 – 5), *pop* (3 – 5), *sort* (out)²) или же указывают на причинение вреда, разрушения, а глаголы с ЛСВ "бить" также выражают значение "красть, грабить" (*do* (2 – 4), *duff*, *hook*, *skin*²).

Важно отметить, что такие регулярные зависимости между семантической составляющей ЛСД наблюдаются и в общеанглийском ядре, и в любом национальном варианте (BE, AE, CanE и т.д.), а также в нескольких вариантах одновременно (GE vs. BE, GE vs. AE, BE vs. AE и т.п.), что свидетельствует об универсальном характере смысловых корреляций в субстандарте английского языка.

В результате анализа структурно-семантических особенностей ЛСД в субстандарте НВАЯ можно сделать следующие **выводы**:

1) единицы субстандарта НВАЯ характеризуются четырьмя структурными типами противопоставлений – ЛСД с 1 л.м., ЛСД с 2 л.м., ЛСД с 3 л.м., ЛСД с 4 л.м., наиболее распространенными из которых являются ЛСД с 2 л.м. Отдельным типом оппозиции следует считать гибридные ЛСД.

2) наибольшие по численности тематические группы ЛСД субстандарта – «неуважительная характеристика человека»; «наркомания, наркотические вещества, прием наркотических веществ»; «соматизмы»; «сексуальные отношения и действия, сексуальные партнеры»; «деньги» и «совершение преступления».

3) семантические трансформации в субстандарте НВАЯ указывают на наличие определенных закономерностей, которые обусловлены универсальным характером смысловых связей и ассоциаций, положенных в основу номинации субстандартных единиц НВАЯ.

Примечания

с. 3: В скобках даны порядковые номера значений дивергента в словарной статье.

Библиографический список

1. Быховец Н. Н. Канадский национальный вариант английского языка // Варианты полинациональных литературных языков / [под ред. Ю. А. Жлуктенко и др.]. – К.: Наукова думка, 1981. – С. 45–73.
2. Быховец Н. Н. Лексические особенности английского языка Канады. – К.: Наукова думка, 1988. – 152 с.
3. Матюшенков В. С. Словарь английского сленга. Особенности употребления сленга в Северной Америке, Великобритании и Австралии. Dictionary of Slang in North America, Great Britain and Australia. – М.: Флинта, 2002. – 176 с.
4. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии. – М.: Высшая школа, 1978. – 172 с.
5. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336 с.
6. Попова Л. Г. Лексика английского языка в Канаде: [учеб. пособие для вузов]. – М.: Высшая школа, 1978. – 116 с.
7. Русецька Л. О. Англійська мова Австралії: витоки, розвиток, сучасний стан. – К.: Либідь, 1993. – 160 с.
8. Сахнова О. І. Дивергентні процеси у семантиці емоцій антропоморфних зоонімів австралійського сленгу // Нова філологія: сб. науч. тр. – Запорожье: ЗНУ, 2009. – № 35. – С. 239 – 245.
9. Сахнова О. І. До проблеми аналізу англійського сленгу // Гуманітарний вісник. Серія: Іноземна філологія [Текст]: [всеукр. сб. науч. тр.]. – Черкасы: ЧГТУ, 2008. – Вып. 12. – Т. II. – С. 126 – 129.
10. Сахнова О. И. Проблема семантической дивергенции в языке специальности // Наукові Праці Кам'янець-Подільського нац. ун-ту ім. І. Огієнка : Філологічні науки. – Каменец-Подольский: ПП «Медобори – 2006», 2011. – Вып. 26. – С. 297 – 300.
11. Сахнова О. И. Семантико-ареальные типы лексико-семантических дивергентов в национальных вариантах английского языка // Нова філологія: сб. науч. тр. – Запорожье: ЗНУ, 2010. – № 40. – С. 191 – 197.
12. Сахнова О. И. Семантическая дивергенция как способ обогащения языковой картины мира англо-говорящих стран // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кировоград: РВВ КГПУ ім. В. Винниченко, 2008. – Вып. 75 (4). – С. 293 – 297.
13. Сахнова О. И. Семантическое варьирование в национальных вариантах английского языка (на материале экономической терминологии) // Культура народов Причерноморья / [ред. кол. Катунин Ю. А. и др.]. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2004. – № 55. – Т. 1. – С. 108 – 113.
14. Сахнова О. І. Семантична дивергенція в національних варіантах англійської мови: дис. ... канд. філол. н.: спец. 10.02.04 «Германські мови». – Донецьк, 2014. – 216 с.
15. Сахнова О. И. Устойчивые словосочетания как компоненты языковой картины мира национальных вариантов английского языка // Ученые записки Таврического

- национального университета им. В.И. Вернадского. – Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2012. – Т. 25 (64) № 3, Ч. 1. – С. 139 – 144.
16. Сахнова О. И. Ущербность презентации канадского английского в современных лексикографических источниках // *Нова філологія: сб. науч. тр.* – Запорожье: ЗНУ, 2008. – № 31. – С. 228 – 231.
 17. Скибина В. И. Национально негомогенный язык и лексикографическая практика. – Запорожье: РИП «Видавець», 1996. – 176 с.
 18. Скибина В. И. Формы существования современного английского языка: учеб. пособие. – Запорожье: ЗГУ, 1993. – 56 с.
 19. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. – М.: Высшая школа, 1971. – 200 с.
 20. *Australian Phrasebook* / [Angelo D., Coleman C., Wilkinson M. et al.]. – 2nd edition. – Printed in China, 1998. – 254 p.
 21. *Australian Slang* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.koalanet.com.au/australian-slang.html> (дата обращения: 28.03.2012)
 22. Ayto J., Simpson J. *Oxford Dictionary of Modern Slang*. – Oxford University Press, 2005. – 339 p.
 23. Barber K. *Only in Canada, You Say: A Treasury of Canadian Language*. – Printed in Canada, 2007. – 272 p.
 24. Davies Ch. *Divided by a Common Language*. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2007. – 248 p.
 25. *Oxford Canadian Dictionary of Current English* / [K. Barber, H. Fitzgerald, T. Howell, R. Pontisso]. – Oxford University Press. – Printed in Canada, 2005. – 998 p.
 26. *Oxford Russian Dictionary* / M. Wheeler, B. Unbegaun, P. Falla. – 4th edition. – Oxford University Press. – Published in the United States, 2007. – 1322 p.
 27. Sakhnova O. I. Correlation of Lexico-Semantic Divergents in National Varieties of the English Language // *Сборник научных трудов Sworld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании'2012».* – Вып. 4. – Том 40. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. – ЦИТ: 412-0581. – С. 77 – 81.
 28. Sakhnova O. *Semantic Variation In The American Economic Terminology* // *Мовні і концептуальні картини світу: [сб. науч. тр. / ред. Чередниченко А. И. и др.]; Киевский национальный университет им. Т. Шевченко. Институт Филологии.* – К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2006. – Вып. 20. – С. 180 – 185.
 29. *The Little Book of Great Aussie Slang* / Edited by S. Plowman. – The Five Mile Press. – Printed in China, 2003. – 96 p.
 30. Thorne T. *The Dictionary of Contemporary Slang*. – New York: Pantheon Books, 1990. – 583 p.

УДК 811.111'367.625

Градская Т.В.

Нижегородский государственный лингвистический университет

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Аннотация

В работе представлены практические результаты исследования семантических особенностей английских рефлексивных глаголов на материале двух языков: английского и русского. В начале статьи дается готовая классификация рефлексивных глаголов, составленная на основе метода компонентного анализа, а далее представлены конкретные

результаты исследования выражения их семантического потенциала в переводе на русский язык. В основе проведенного исследования – вербоцентрическая концепция предложения.

Abstract

In the current paper you can find the results of the research into the semantic features of English reflexive verbs which was conducted on the basis of two languages – English and Russian.

The article opens with the classification of English reflexive verbs which was made by means of the componential lexical method. The rest of the article is concerned with the concrete results of the research aimed at studying their semantic potential in translations into Russian. The key concept of the conducted research is Verb-centric semantics of the English sentence.

Ключевые слова: рефлексивы, семантический потенциал, семантические особенности, компонентный анализ лексических значений

Key words: reflexives, semantic potential, semantic features, componential lexical analysis

В процессе коммуникации люди не общаются отдельными словами, между ними происходит обмен мнениями, которые выражаются продуцированными ими на том или ином языке высказываниями, под которыми обычно понимаются «речевые произведения, созданные в ходе конкретного речевого акта. Высказывания рассматриваются в контексте этого речевого акта как часть дискурса (текста)» [wikipedia.org]. В рамках вербоцентрической концепции предложения ядром семантико-синтаксической структуры любого предложения является глагол [8; 13; 17].

Рассмотрим семантические особенности английских рефлексивных глаголов в английском и русском языках. Для этого прежде всего необходимо построить семантическую классификацию исследуемой нами лексико-семантической группы глаголов (ЛСГ).

Обратимся к структуре ЛСГ английских рефлексивных глаголов. Для выявления семантических свойств английских рефлексивных глаголов в ходе исследования был проведен компонентный анализ глагольных лексических значений. В качестве объекта анализа выступил 31 рефлексивный глагол; все изучаемые нами глагольные единицы были отобраны из англо-английских толковых словарей методом сплошной выборки, и далее мы исходили из частотности употребления в речи. Посредством дефиниционной методики исследования были выявлены отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ) каждой глагольной единицы, на основе которых была составлена классификация рефлексивных глаголов данной ЛСГ. Всего было выделено 9 групп:

1) Глаголы поведения: to be oneself (быть самим собой), to behave oneself (вести себя), to abase oneself (докатиться до ч-л), to demean oneself (ронять свое достоинство= опуститься), to disgrace oneself (опозориться), to forget oneself (забыться). Все вышеперечисленные глаголы содержат интенционал «to behave». В рамках этой группы можно выделить подгруппу поведения, умаляющего достоинство субъекта: to abase oneself, to demean oneself, to disgrace oneself. Их импликационал подразумевает, что окружающие люди меняют из-за такого поведения свое отношение к субъекту в худшую сторону. Кроме того, изучив импликационал оставшихся единиц данной группы, можно заключить, что лексема to be oneself – глагол естественного поведения субъекта, to behave oneself – глагол надлежащего поведения, одобряемого социумом, а to forget oneself – глагол поведения, нехарактерного для субъекта и неприемлемого для него самого и окружающих, что вызвано сильными эмоциями, с которыми тот не может совладать.

2) Глаголы успокоения: to pull oneself together (взять себя в руки), to compose oneself (собраться с мыслями), to collect oneself (сосредотачиваться). Импликационал подразумевает, что субъект сам, усилием собственной воли, возвращается к обычному душевному состоянию именно после событий, выбивших его из колеи (вызвавших расстройство, злость, удивление или страх).

3) Глаголы готовности с интенционалом «to prepare oneself»: to brace oneself (подготовиться морально к к-л сложной ситуации), to steel oneself (закалиться). Данные

языковые единицы несут в себе дополнительные ассоциации: субъект подготавливает себя морально к возможным неприятностям или сложностям.

4) Глаголы примирения: to reconcile oneself (примириться с ч-л), to resign oneself (подчиниться, покориться). Эта группа содержит лексемы с импликационалом, который подразумевает, что субъект принимает ситуацию такой, какая она есть, поскольку ее невозможно изменить.

5) Глаголы действия, предпринимаемого субъектом для изменения мнения окружающих о нем (интенционал «to do something»): to compromise oneself (скомпрометировать себя), to redeem oneself (освободиться от ч-л), to ingratiate oneself (втереться кому-либо в доверие). Так, глагол to compromise oneself подразумевает, что субъект совершает нечестный поступок, в результате чего он теряет свою репутацию. Исходя из импликационала глагола to redeem oneself, можно сделать вывод о том, что субъект наоборот улучшает свою репутацию после неприемлемого поведения. А единица to ingratiate oneself имеет негативную коннотацию, ибо субъект намеренно пытается втереться в доверие к окружающим.

6) Глаголы избавления с интенционалом «to get rid of something»: to divest oneself (лишиться чего-либо, отделаться от мысли), to purge oneself (оправдываться). Следует отметить, что лексема to purge oneself подразумевает избавление субъекта от ненужных, негативных чувств и эмоций, в то время как лексическая единица to divest oneself имеет более широкое значение.

7) Глаголы ограничения: to limit oneself (ограничиваться ч-л), to restrict oneself (ограничиваться ч-л), to confine oneself (придерживаться ч-л).

8) Глаголы, показывающие ту или иную степень вовлеченности субъекта в какую-либо деятельность: to immerse oneself (запутываться в ч-л), to bury oneself (погружаться во ч-л), to ossure oneself (заняться ч-л), to submerge oneself (погружаться во ч-л), to involve oneself (вовлекаться во ч-л), to devote oneself (посвящать себя ч-л/к-л), to dedicate oneself (предназначать себя для ч-л.). В рамках этой группы можно выделить глагол с нейтральной степенью вовлеченности to involve oneself и глагол со средней степенью вовлеченности to ossure oneself. Все остальные единицы подразумевают, что субъект полностью вовлечен в ту или иную деятельность, уделяя ей очень много внимания и времени.

9) Глаголы движения (интенционал «to move»): to drag oneself (тащиться, волочиться куда-либо, как правило, нехотя), to fling oneself (отдаться на милость кого-либо), to haul oneself (держаться (против ветра)).

Таким образом, посредством компонентного анализа на основе дефиниций нами была детально изучена структура данной ЛСГ, что позволило нам сравнить объем и содержание семантического потенциала рефлексивных глаголов в английском и русском языках. Для их выявления был выбран следующий алгоритм работы: 1) поиск исследуемых единиц в контексте в классической и современной художественной литературе англоязычных стран; 2) поиск соответствующих предложений, содержащих исследуемые глаголы, в переводах на русский язык, выполненных профессиональными переводчиками; 3) сопоставление семантического потенциала данной ЛСГ в двух языках.

Таким образом, в данной работе выводы о выражении семантического потенциала рефлексивных глаголов были сделаны на основе уже готовых переводов, рассматривались определенные, наиболее интересные (в семантическом плане) случаи, встречающиеся в выбранных нами книгах. Обратимся к конкретным результатам исследования.

В ходе исследования было выявлено, что глаголы поведения полностью сохраняют свой семантический потенциал при переводе на русский язык. Так, самым распространенным вариантом перевода глагола to behave oneself стал «вести себя прилично». Например: «If you aren't going to *behave yourself*, you may go back, you may go anywhere» [19, с. 732]. «Если ты не будешь *вести себя прилично*, уезжай туда, откуда приехал, или куда угодно» [1, с. 879].

Глаголы поведения, умаляющего достоинство субъекта to abase oneself, to demean oneself, to disgrace oneself, переводились как «унижаться», «пресмыкаться», «доводить себя

до унижительного состояния», что также полностью соответствует их дефинициям. Например: «“Marlene goes,” Arthur said, deciding he had *demeaned himself* long enough in arguing with Adalana» (Keyes 1994: 203). «– И все же Марлен уйдет, – сказал Артур, считая, что уже достаточно *унизил себя*, споря с Адаланой» [6, с. 220].

Лексическая единица *to forget oneself* в русском языке передавала значение неприемлемого поведения из-за излишней эмоциональности и переводилась как «забыться». Например: «*I forgot myself. I can't explain*» [18, с. 45]. «Я *забылся*. Не могу этого объяснить» [12, с. 51].

Что касается глаголов *to brace oneself*, *to steel oneself*, в английском языке их употребление сразу вызывает у читателя ассоциации, что субъект готовит себя морально к чему-то неприятному. Однако в некоторых случаях в переводе на русский язык этот оттенок значения терялся, так как в контексте это могло бы показаться избыточным, использовался прием генерализации. Таким образом, сохранялся лишь интенционал значения. Подобное наблюдается в следующем предложении: «*He opened his mouth to say something, and she braced herself for a wisecrack just as the doctor came into the reception room*» [21, с. 251]. В переводе глагольная единица переводится нейтрально – «приготовилась»: «Джонни открыл рот, чтобы сказать что-то, и она уже *приготовилась* услышать резкость, но в этот момент в приемный покой вошел доктор» [5, с. 269].

Встретился и один случай семантического развития: «*Oh blimey, brace yourselves, here they come, look*» [24, с. 542]. Переводчик предпочел подчеркнуть неформальность разговора и выбрал такой вариант: «О черт, *началось*, они уже здесь — глянька» [24, с. 550]. Однако в большинстве случаев семантический потенциал данных рефлексивов в переводе на русский язык оставался неизменным. Так, самыми распространенными вариантами переводов стали идиоматичные выражения «собраться с духом», «взять себя в руки», «собрать все свое мужество». Например: «*I steeled myself when we were naked. I learnt what “to steel oneself” meant*» [18, с. 250]. «Я *собрала все свое мужество*, когда мы были обнаженными друг перед другом. Узнала, что значит “*собрать все свое мужество*”» [18, с. 261].

Глаголы успокоения, овладения своими эмоциями, также имеют некоторые характерные особенности. Так, очевидна их взаимосвязь с предыдущей группой глаголов. Лексическая единица *to pull oneself together* в переводах фигурирует как «взять себя в руки», «собраться с духом». Например: «*Trying to pull himself together, he let himself into the house.*» [23, с. 15]. «Затем, *собравшись с духом*, он вошел в дом.» [9, с. 16].

Аналогично переводились и глаголы *to brace oneself*, *to steel oneself*. Причиной этому может служить, что вышеупомянутые идиоматические выражения могут использоваться в разных ситуациях: субъект может «взять себя в руки» как перед наступлением неприятного события, так и после него.

Семантический потенциал глагола *to compose oneself* полностью сохраняется в переводе на русский язык и чаще всего переводится глаголом «успокоиться». В качестве примера можно привести: «“*You must compose yourself,*” - said the doctor supporting her [15, с. 162]. Переводчик передал это предложение на русский язык следующим образом: «— Вы должны *успокоиться!* — поддерживая ее, сказал доктор» [3, с. 149].

Что касается глагола *to collect oneself*, то в его значении можно заметить некоторое отличие от значения предыдущих лексем. Он подразумевает, что субъект пытается именно привести свои мысли в порядок, а не совладать со своими эмоциями и чувствами. Так, это отчетливо видно в переводе следующего предложения: «*I can't collect myself, I can't check off my happiness as it takes place*» [16, с. 515]. «Никак не могу *сосредоточиться*, не могу охватить своего счастья» [4, с. 201].

Следующая группа глаголов *to reconcile oneself*, *to resign oneself* полностью сохраняет свой семантический потенциал в переводе на русский язык. Основные варианты переводов: «примириться», «покориться», «подчиниться». Например: «*He is an excellent man, most exemplary in every way; and he pointed out to her that she ought, as a Christian, to reconcile herself*

to the sacrifice (especially as it was so uncertain), and to bear no uncharitable feeling towards me» [14, с. 479].

«Он прекраснейший человек, примерный во всех отношениях. Это он убедил жену, что она должна как христианка *примириться* с такой жертвой (особенно, когда все это еще так неопределенно) и не питать ко мне каких-либо враждебных чувств.» [2, с. 150].

Кроме того, было найдены нестандартные примеры перевода, интересные для рассмотрения. Так, при переводе предложения “*She resigned herself to what was going to happen*” [22, с. 59] переводчик использовал нейтральный глагол «решить», но компенсировал недостаток оттенка примирения с неизбежной ситуацией следующим образом: «И она *решила*: “Будь что будет”» [6, с. 67].

А в случаях употребления данных глаголов с отрицанием, переводчики зачастую пользовались антонимичным переводом. Так, предложение «*At first, this was so much more unlike her old experience, that she had been unable to resign herself to it, and had tried to retain her old place about him*» [16, с. 875] было переведено как «Поначалу ей очень трудно было к этому привыкнуть, и она *противилась*, стараясь сохранить свое старое место подле него» [4, с. 820]. Конструкции «*unable to resign herself*» соответствует русский глагол «противиться».

Группа предикатов избавления *to divest oneself, to purge oneself* всегда используется в сочетании с объектом, поэтому их перевод зависел именно от него. Так, можно «расстаться с мыслью» (*to divest oneself of the feeling*), «отказаться от мнения» (*to divest oneself of an opinion*), «смыть слезами скверну малодушия» (*to purge oneself with tears of weakness*). Например: «*She could never divest herself of the feeling that the world was the most ungrateful place anybody could live in*» [19, с. 78]. «Она никак не могла *расстаться с мыслью*, что в мире слишком много неблагодарных людей» [1, с. 120].

Таким образом, в основном использовались устойчивые выражения, которые точно передают формальный характер предикатов избавления. Тем не менее, семантический потенциал в русском и английском языках тождественен.

Однако встретились и некоторые случаи конкретизации значений этих глаголов. Так, в предложении “*He is under an obligation to divest himself of his shares at that stage*”, глагол *to divest himself* приобретает конкретное значение – *продать*. Очень частотными оказались и случаи, когда рефлексив *to divest oneself* приобретает значение *раздеться, снять с себя предмет одежды*. В качестве примера может служить отрывок из предложения: «...*and divesting herself of her handsome dress, puts on her old simple mourning for dear Paul*» [14, с. 320]. Он был переведен следующим образом: «...*сняв нарядное платье*, она надевает простое траурное, в память дорогого Поля» [2, с. 322].

Следующей группе глаголов ограничения *to limit oneself, to confine oneself, to restrict oneself* в основном соответствует русский эквивалент «ограничиваться чем-либо», то есть их семантический потенциал остается неизменным при переводе. Вторым по частотности эквивалентом служит глагол «довольствоваться». Например, «*I had limited myself to one glass, and then proposed that we should follow her*» [22, с. 250]. «Я *ограничился одним стаканом вина*, а затем предложил пойти в гостиную, к ней» [6, с. 322].

Однако с лексической единицей *to confine oneself* было найдено несколько примеров, где глагол терял значения ограничения субъектом своих действий и занятие именно одним видом деятельности. Примером генерализации может служить перевод следующего предложения: «*He therefore confined himself to discussing with Dumetrios whether Monticellis would come again now that it was the fashion for a picture to be anything except a picture*» [19, с. 621]. Так, переводчик решил просто констатировать факт разговора и перевел «*confined himself to discussing*» как «побеседовал» [1, с. 692]. Были найдены интересные случаи, когда значение ограничения передавались с помощью наречия «только», «лишь». Например:

«*My aunt received this proposal so very ungraciously, that he never ventured on a second; but ever afterwards confined himself to looking watchfully at her for her suggestions, and rattling his money*» [14, с. 378]. «За все время, помнится, он единственный раз высказался, вдруг предложив для меня карьеру медника (уж, право, не знаю, почему это пришло ему в голову),

но бабушка так неодобрительно встретила это его предложение, что он больше уж не решался открыть рот, а *только побрякивал в кармане своими монетами* и не сводил глаз с бабушки, когда та высказывала какую-нибудь свою мысль» [2, с. 490].

Переходим к следующей группе глаголов, показывающих ту или иную степень вовлеченности субъекта в какую-либо деятельность. Нами было выявлено, что языковая единица «to involve oneself» в переводе чаще всего образует устойчивые словосочетания с существительными, которые следуют за ним. Это отчетливо видно в переводе следующих конструкций: «to involve oneself in such a wonderful maze of of fresh contradictions and impossibilities» - «опутать себя такой изумительной паутиной новых противоречий и нелепостей», «to involve oneself in some scrape» - «попасть в беду», «involve oneself in the same fate» - «подвергнуться той же участи» и т.д. Так, в сочетании с тем или иным объектом значение данного глагола в переводе конкретизируется. Например: «I am always involving myself in some scrape or other, by acting on impulse» [15, с. 119]. «Вечно я попадаю в беду, действуя под влиянием импульса» [3, с. 108].

Глагол «to occupy oneself» со средней степенью вовлеченности в деятельность переводится чаще всего как «заниматься». Однако были найдены случаи, когда этот предикат в переводе опускался. Так, предложению «Strange as that was, it was far stranger yet to find a space between herself and her father, where others *occupied themselves in taking care of him*, and where she was never expected to be» [16, с. 876] соответствует русское предложение «Но самая большая странность заключалась в том, что она и ее отец были теперь отдалены друг от друга; чужие люди *ухаживали за ним* и заботились о нем, а она больше не была ему нужна» [4, с. 720].

Далее рассмотрим следующую пару глаголов «to devote oneself», «to dedicate oneself». В англо-русских словарях русским эквивалентом данных синонимичных лексем является «посвящать себя». Действительно, в большинстве найденных нами примеров они именно так и переводятся. Например: «Burt was right when he praised Nemur and Strauss for *devoting themselves* to something important and uncertain rather than to something insignificant and safe» [21, с. 291]. «Да, прав был Барт, превознося Немура и Штрауса за то, что они *посвятили себя* важному и неизвестному делу, в то время как другие занимались простенькими темами с гарантированным успехом» [5, с. 240].

Другим распространенным вариантом перевода стало сочетание «отдаваться». К примеру: «At another time he *devoted himself entirely* to music...» [25, с. 156]. «Был в жизни Дориана и такой период, когда он *весь отдавался* музыке...» [11, с. 189].

Однако были и примеры, где значение данных глаголов расширялось, и переводчик игнорировал большую степень вовлеченности субъекта в какую-либо деятельность, когда он отдает ей все свое время и энергию. В этих случаях глаголы переводились как «интересоваться чем-либо», «наслаждаться чем-либо», «заниматься чем-либо». Например:

«She was already the Big Nurse in the old place when I came in from the Outside so long back, and she'd been *dedicating herself* to adjustment for God knows how long» [22, с. 54].

«Старшая сестра — настоящий ветеран этого дела, *занимается* им бог знает сколько лет: давным-давно, когда я поступил к ним из внешнего мира, она уже была старшей сестрой на прежнем месте» [6, с. 58].

Были найдены примеры, где в русском языке появлялись новые оттенки значения. Так, перевод предложения «J. M. trusted D.C. was applying himself to business, and *devoting himself wholly to his duties*» [14, с. 149] звучит следующим образом: «Д. М. уверена, что Д. К. добросовестно работает и *как следует исполняет свой долг*» [2, 172]. В русском языке появляется новый оттенок в значении – оттенок качества выполнения работы. В другом случае – «She required a great deal of amusement, and, like a deep old soldier, pretended, in consulting her own inclinations, to be *devoting herself to her child*» [14, с. 385] – в переводе появляется негативная коннотация: «Она жаждала развлечений и, добиваясь их, делала вид (хитрый Старый Полководец!), что *приносит себя в жертву своему ребенку*» [2, 449].

Было замечено, что глагол «to devote oneself» в некоторых случаях, когда можно было бы воспользоваться расширением значения слова, намеренно передавался переводчиком в соответствии со словарной дефиницией, тем самым создавался необходимый юмористический эффект: «Для того чтобы *всей душой отдаться ветчине*, он даже прервал разговор» [1, 82]. Оригинал выглядит следующим образом: «*To devote himself to it with better heart, he paused in his conversation*» [19, с. 61].

Семантический потенциал других глаголов со значением сильной вовлеченности в деятельность «to immerse oneself», «to submerge oneself», «bury oneself» оставался неизменным в русском языке. В основном эти глаголы переводились как «погружаться во что-либо», «углубиться во что-либо». Например: «That evening and for the next few days I *immersed myself in psychology texts: clinical, personality, psycho-metrics...*» [22, с. 201]. «На несколько дней я *погрузился в книги: клиническая психология, психометрия...*» [6, с. 183].

Итак, подытоживая сказанное выше, констатируем следующее.

В результате проведенного компонентного анализа исследованных глагольных значений при помощи дефиниционной методики была составлена классификация изучаемых нами английских рефлексивных глаголов, которая включает 9 групп ЛСВ.

Среди рефлексивных предикатов были выделены: 1) предикаты поведения, 2) успокоения, 3) готовности, 4) примирения, 5) действия, предпринимаемого субъектом для изменения мнения окружающих о нем, 6) избавления, 7) ограничения, 8) предикаты, показывающие ту или иную степень вовлеченности субъекта в какую-либо деятельность, 9) движения.

При анализе переводов английских предложений, содержащих исследуемые нами глагольные единицы, было выявлено следующее: 1) глаголы могут полностью сохранять свой семантический потенциал при переводе на русский язык (большинство проанализированных примеров); 2) значение английских глаголов становится шире или уже при переводе. В первом случае рефлексивным глаголам зачастую соответствует русский эквивалент, данный в англо-русских словарях. Во втором случае в целях соблюдения лексической сочетаемости, а также руководствуясь личными мотивами, переводчик использует специальные переводческие приемы, такие как конкретизация и генерализация, вследствие чего может изменяться и коннотация глаголов.

Библиографический список

1. Д. Голсуорси. Сага о Форсайтах. М.: Эксмо, 2011 – 1568 с.
2. Ч. Диккенс. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим. Книга 2. Спб.: АСТ, Астрель, 2010 – 512 с.
3. Ч. Диккенс. Приключения Оливера Твиста. М.: Рипол Классик, 2011 – 288 с.
4. Ч. Диккенс. Крошка Доррит. Спб.: АСТ, Астрель, 2012 – 880 с.
5. Д. Киз. Множественные умы Билли Миллигана. М.: Эксмо, 2010 – 364 с.
6. Д. Киз. Цветы для Эдджернона. М.: Эксмо, 2014 – 420 с.
7. Кен Кизи. Пролетая над гнездом кукушки. М.: Эксмо, 2012 – 452 с.
8. Е.В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
9. Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Тайная комната. М.: Росмэн-Пресс, 2007.
10. Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Кубок огня. М.: Росмэн-Пресс, 2008.
11. О. Уайльд. Портрет Дориана Грея. М.: Азбука, 2010 – 320 с.
12. Д. Фаулз. Коллекционер. М.: АСТ, АСТ Москва, 2007 – 950 с.
13. У. Чейф. Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
14. Ch. Dickens. David Copperfield. L.: CreateSpace Publishing, 2000 – 498 с.
15. Ch. Dickens. Oliver Twist. L.: Dover Publications, 2002 – 241 с.
16. Ch. Dickens. Little Dorrit. L.: Penguin Classics, 2004 – 946 с.
17. Ch. Fillmore. The Case for Case // Universals in Language. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. – pp. 1 – 88.

18. J. Fowles. The Collector. L.: Back Bay Books, 1996 – 542 с.
19. J. Galsworthy. The Forsyte Saga. O.: Oxford University Press, 2008 - 1568 с.
20. Ken Kesey. One Flew Over the Cuckoo's Nest. L.: Penguin Classics, 2003 – 487 с.
21. D. Keyes. The Minds of Billy Milligan. L.: Bantam, 1994 – 684 с.
22. D. Keyes. Flowers for Algernon. L.: Mariner Books, 2005 - 542 с.
23. J. K. Rowling. Harry Potter and the Chamber of Secrets. L.: Scholastic Paperbacks, 2000. - 641 p.
24. J. K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire. L.: Scholastic Paperbacks, 2002 – 738 с.
25. O. Wilde. The Picture of Dorian Gray and Other Works. L.: Barnes & Noble Inc, 2012 - 326 с.

УДК 81

Долгова А.А.

филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

ПРОВЕДЕНИЕ ЛАБОРАТОРНОГО ЗАНЯТИЯ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация

Статья посвящена проблеме внедрения информационных технологий в образовательный процесс. Автор изучает возможности использования корпуса для проведения урока немецкого языка. В статье предлагаются примеры упражнений, составленных на основе выборки НКРЯ. Статья рассчитана на лингвистов, учителей иностранного языка.

Abstract

The article is devoted to the problem of introduction of the informational technologies in the educational process. The author studies the opportunities of using of the corpus as a tool for the development of didactic materials for the German lesson. Examples of exercises composed on the base of the sampling of the Russian National Corpus are offered in this article. This article is destined for linguists, teachers of foreign languages.

Ключевые слова: немецкий язык, Национальный корпус русского языка, информационные технологии

Key words: German language, National corpus of the Russian language, IT

В настоящее время в современном обществе роль информационных технологий чрезвычайно важна, они занимают сегодня центральное место в процессе развития общества, его системы образования и культуры. Широкое использование информационных технологий в самых различных сферах деятельности человека диктует целесообразность скорейшего ознакомления с ними, начиная с ранних этапов обучения и познания. Информатизация образования требует теоретического обоснования и выбора используемых информационных технологий. Естественно, что стремление активно применять современные информационные технологии в сфере образования должно быть направлено и на повышение качества проведения урока иностранного языка.

Изучение немецкого языка с использованием ИКТ дает учащимся возможность принимать участие в тестировании, в викторинах, конкурсах, олимпиадах, проводимых в сети Интернет, переписываться со сверстниками из других стран, участвовать в чатах, видеоконференциях и т.д. Учащиеся могут получать любую информацию по проблеме, над которой они работают, а именно: лингво-страноведческий материал, новости из жизни известных людей, статьи из газет и журналов, необходимую литературу и т.д. Классические и интегрированные уроки в сопровождении мультимедийных презентаций, on-line тестов и программных продуктов позволяют учащимся углубить знания, полученные ранее.

Осуществление многих лексикографических проектов стало возможным только с использованием электронных баз данных и компьютерных программ. Так, современная лексикография все шире пользуется машинными базами данных, в частности, большими корпусами текстов, в которых компьютер по запросу находит нужные слова. На этой основе сформировалось целое направление – корпусная лингвистика. Корпусная лингвистика – это один из разделов лингвистики (компьютерной), который занимается разработкой общих норм построения и использования лингвистических корпусов с применением компьютерных технологий. Лингвистический корпус текстов - это большой объем языковых данных, который представлен в электронном виде, он унифицирован, размечен, структурирован, филологически компетентен, предназначен для решения различных лингвистических задач.

Методики преподавания языков с использованием Корпуса отличаются тем, что обращены к реальным современным текстам, с которыми учащийся сталкивается в своей повседневной жизни. Именно такие тексты ему придется создавать и анализировать в быту и в профессиональной сфере.

Формирование лексико-грамматических навыков на основе использования лингвистического корпуса возможно исключительно в рамках проблемного подхода. В отличие от широко распространенного репродуктивного подхода, дидактическая сущность которого заключается в пассивном получении обучающимися информации, проблемный подход позволяет активизировать речемыслительную деятельность учащихся в процессе формирования языковых навыков и развития речевых умений. В результате реализации проблемного подхода обучающиеся превращаются в первооткрывателей, создателей и соавторов языковых правил и закономерностей. Знания, полученные на основе проблемного обучения, хорошо и надолго усваиваются [1].

В 10 классе в курсе немецкого языка изучается тема «Средства массовой информации. Действительно ли это четвертая власть?», внутри этой темы изучается такая проблема «Компьютер и его место в жизни молодежи». Мы предлагаем провести урок по этой теме в виде лабораторной работы с использованием корпуса.

Цели урока:

- учить пользоваться Национальным корпусом русского языка;
- воспитывать интерес к изучению иноязычных стран;
- развивать навыки владения компьютером;
- воспитывать самостоятельность и дисциплинированность.

Оборудование: Компьютер с выходом в сеть Интернет, пошаговая инструкция использования корпуса.

1. Организационный момент.

Guten Tag Kinder. .. Setzt euch...

Вопросы классу:

- Wer hat heute Klassendienst?
- Der wievielte ist heute?
- Welcher Wochentag ist heute?
- Wer fehlt heute in der Klasse?
- Wie geht es dir heute?
- Wie ist das Wetter heute?
- Wie ist die Temperatur?
- Haben Sie einen Computer?
- Was ist das Internet?
- Warum Internet brauchen?

2. Постановка темы, целей урока.

3. Выполнение упражнений в корпусе при помощи пошаговой инструкции [2].

1 шаг – зайти на сайт корпуса (<http://ruscorpora.ru>) [3].

2 шаг – на главной странице нажать на ссылку «Поиск в корпусе».

3 шаг – перейти по ссылке «Параллельный» подкорпус.

4 шаг – выбрать в параллельном корпусе немецкий язык.

5 шаг – использовать параллельный (немецкого) корпус для выявления примеров, в которых семантической единице немецкого языка нет однозначного соответствия в русском.

Задание 1: *Введите в строку поиска слово «кипяток», определите, какое значение свойственно этому слову при переводе с русского на немецкий язык?*

6 шаг - проанализировать несколько вариантов употребления слова «кипяток», учащиеся должны сделать вывод, что семантической единице русского языка нет однозначного соответствия в немецком, слово «кипяток» при переводе означает 2 немецких слова, употребленных вместе – *kochendes Wasser, angekochtes Wasser*.

7 шаг - использование параллельного (немецкого) корпуса для выявления семантической совместимости слов.

Задание 2: *Введите в строку поиска слова «Kopf», «fallen» и проанализируйте полученный результат. Могут ли данные слова образовать словосочетание?*

8 шаг - проанализируйте употребление слов «Kopf», «fallen», поиск не дал никаких результатов, т.к. эти слова семантически несовместимы, они означают «голова» и «падает» и не употребляются вместе.

Задание 3: *Введите отдельно слова «Kopf» и «fallen», определите с какими словами они могут образовывать словосочетания?*

9 шаг - использование параллельного (немецкого) корпуса для изучения омонимов немецкого языка.

Задание 4: *Введите в строку поиска слово «Flur» и проанализируйте полученные данные.*

10 шаг – проанализировать полученные данные. Это позволяет учащимся сделать вывод, что слово «Flur» переводится как *коридор* и как *поле*, это значит, что в немецком языке, как и в русском существует омонимия.

4. Подведение итогов и выставление оценок.

5. **Домашнее задание.** С помощью НКРЯ составьте рассказ (10-15 предложений) на тему «Internet», для этого введите в строку поиска слово «Internet» и на основе полученных данных выполните упражнение.

Возможность быстрого получения статистических данных с помощью Корпуса позволяет составить представление о частотности того или иного явления и, на основании этого, отобрать те факты языка, которые должны быть учтены образовательным процессом в первую очередь. Учащийся, использующий корпус, каждый раз не просто находит информацию, но и принимает самостоятельное и ответственное решение, как ее трактовать и классифицировать. В этом смысле корпус является не только источником примеров для подражания, но и инструментом построения выборок языковых данных для исследования. В конкордансах учащиеся обнаруживают новые, неизвестные и интересные им слова и структуры, которые увлекают их дальше в корпус. Изучающий язык становится исследователем, первооткрывателем, которому приходится решать бесконечное множество задач. Такой урок будет способствовать развитию учебно-познавательных умений, развитию лексической стороны речи, умению получать сведения из разных источников информации (в том числе через Интернет), необходимых в образовательных и самообразовательных целях.

Библиографический список

1. Киселева Н.А., Долгова А.А. Информационные технологии в обучении иностранным языкам: Национальный корпус русского языка// Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник статей международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков» (28 марта 2014 года, г. Омск). – 2014. – С. 20-24.
2. Долгова А.А., Киселева Н.А. К вопросу об использовании методов корпусной лингвистики в обучении иностранному языку // Филологический аспект: сборник статей

международной научно-практической конференции «Филологический аспект» (25 мая 2015 года, г. Нижний Новгород). – 2015. – С. 108-111.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: – Режим доступа: WWW. URL <http://www.ruscorpora.ru>

УДК 811.111

Мезенина В.Е.

Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию спортивной лексики английского языка, её этимологическим и стилистическим особенностям. Особое внимание уделяется способам обогащения английской спортивной лексики. Проводится лексико-стилистический анализ термина «гольфа».

Abstract

This article is devoted to the study of sport vocabulary of the English language, its etymological and stylistic features. Particular attention is paid to methods of enriching the English sport vocabulary, lexical and stylistic analysis of the term of «golf».

Ключевые слова: лексико-стилистические особенности, этимология, лексические единицы, спортивная лексика английского языка.

Key words: lexical and stylistic features, etymology, lexical items, sport vocabulary of the English language.

Спортивная лексика английского языка (её терминологическая база) относится к специальной лексике, в противопоставление общеразговорной.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости выявления этимологии лексики спорта английского языка, а также имеющих в языке стилистически окрашенных лексических единиц.

Цель исследования – определить появление и функционирование лексических единиц в сфере спорта английского языка. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- изучить научную литературу по теме исследования;
- определить место спортивной лексики в системе английского языка;
- выявить основные аспекты функционирования спортивной лексики.

Исследование проводилось с применением следующих методов:

1) метод комплексного анализа, предполагающий выборку, классификацию, описание речевого материала;

2) структурно-семантический метод, в основе которого лежит изучение

структуры спортивных терминов, выявление их этимологических и стилистических особенностей.

Следует отметить, что, в спортивной лексике, как и во многих других лексических пластах, существует группа слов, имеющих стилистическую окраску. К таким словам относятся жаргонизмы.

В английской лексикологии и лексикографии существуют три термина, которые часто употребляются синонимически. К ним относятся: *slang*, *jargon* и *cant*. [5, с. 96]. В статье Иоакимиди Г. А. «Сленг как лингвистическая характеристика социальной группы» приводится определение сленга как «речь социально и профессионально обособленной группы в противоположность литературному языку» [6, с. 46]. Несмотря на это, предпринимаются попытки разграничить эти термины, некоторые лексикографы не

разграничивают эти понятия. [4]. И. Р. Гальперин объединяет все три термина в один – жаргонизмы. В книге «Очерки по стилистике английского языка» он приводит такое определение: «Жаргонизмы это отдельные слова, сочетания слов, обороты речи. Они создаются разными социальными группами, классами. Они могут создаваться также и отдельными лицами. Наиболее характерной чертой жаргонизмов является их секретность. Они уподобляются в какой-то степени условному коду». [5, с. 97].

И. Р. Гальперин называет также приемы образования слов-жаргонизмов, к ним относятся: искажение морфологического и фонетического облика слова, заимствования из других языков и навязывание особого значения уже существующим словам.

Из перечисленных способов образования жаргонизмов в спортивной лексике наиболее употребителен способ навязывания особого значения уже существующим словам. Например, жаргонизм «goofy» (бестолковый, глупый) – общепринятое название бордистов, ставящих вперед правую ногу. Существует понятие, противоположное для «goofy» – «regular». Как мы видим, прилагательному «goofy» навязывается понятийное значение «новичок, неопытный спортсмен». И, соответственно, для прилагательного «regular» (правильный, регулярный) образован жаргонизм, значение которого «опытный спортсмен, мастер».

В «Формуле-1» применяется такой жаргонизм, как «train» (паровоз) — неофициальное название ситуации в гонке, когда гонщик по той или иной причине едет по трассе медленнее располагающихся за ним в классификации машин, которые его нагоняют, но в силу разных причин обогнать не могут и вынуждены придерживаться его темпа. В этом случае особое значение приобретает существительное train.

Статус жаргонизма также могут приобретать различные явления, процессы. Так, например, в активном словаре сноубордистов используется такой жаргонизм, как «powder» (пудра), так они называют мягкий, свежесвыпавший снег. Среди виндсерферов распространен жаргонизм «choppy» — мелкая рубленая ветровая волна, от «choppy» (рубленный) [9]. Из определения, что такое жаргонизм, следует, что жаргонизм может состоять не только из одного слова, но также это может быть сочетание слов, оборот речи. Примером такого жаргонизма может служить понятие «chicken wing», применяется в волейболе, означает прием мяча после сильного удара различными частями рук. В такие моменты игрок будто бы расправляет крылья, чтобы принять мяч. Также в волейболе используется жаргонизм, именуемый как «hammer» (молоток) – сильный удар по мячу, после которого он резко летит вниз.

Спортивная лексика, как и лексика других профессиональных сфер, имеет свойство изменять свой состав. В спортивную лексику заимствуются термины не только из других сфер общественной жизни, но также из других видов спорта. Часто такие заимствования основываются на схожести видов спорта, либо на схожести выполняемой функции какого-либо предмета, явления.

На основании схожести видов спорта в автоспорт из конных скачек были заимствованы термины «Формулы-1»: «pole-position», «paddock». Происхождение термина «pole-position» связано со словом «pole», которое переводится как «столб». Дело в том, что именно с их помощью на ипподроме осуществляется разметка дистанции для бега. Как известно, ипподром имеет овальную форму, поэтому положение у самого его центра наиболее выгодно для лошади, ведь в этом случае она проходит меньшую дистанцию. Именно эта наилучшая позиция, которая на ипподроме находится у самого столба, и называется «поул-позицией». Соответственно, в гонках самым выгодным является первое место на стартовой линии. Термин «paddock» закрепился в автогоночном спорте на основании схожести выполняемой функции. В словаре А. Н. Блеера «Терминология спорта» приводится дефиниция термина «падок», применяемого в конном спорте: огороженная площадка для проводки и седловки лошадей перед стартом. В терминологии автогоночного спорта паддок означает специально отведенное место для общения пилотов с журналистами, расположения обслуживающей бригады [8].

Кроме активного словарного состава, много вышедших из употребления лексических единиц. Такие слова не являются архаизмами, т.к. архаизмы по определению – устаревшие слова, сохранившиеся в языке, но уже не употребляющиеся в обычной разговорной речи [2, с. 330]. Так как термины относятся к специальной, а не разговорной лексике [2, с. 268], вышедшие из употребления термины нельзя отнести к архаизмам. Основной причиной исчезновения слов в спортивной лексике является запрет какого-либо явления, обозначаемого специальным термином. Так, по причине запрета в «Формуле-1» исчезли такие термины: «slicks», «stop-&go», «traction-control», «launch control».

Кроме слов, вышедших из употребления, среди проанализированного речевого материала присутствуют слова, относящиеся к неологизмам. И. В. Арнольд относит к неологизмам слова или фразеологические обороты, входящие в язык в связи с ростом культуры и техники, развитием или изменениями в общественных отношениях и изменениями в быту и условиях жизни людей и ощущаемые говорящими как новые [10, с. 323].

По материалам диссертации «Лингводискурсивные особенности неологизмов в спортивном дискурсе (на материале английского языка)» Э. А. Тугуз можно определить основные способы образования неологизмов в языке. К ним относятся:

1) заимствование иноязычных слов, а также элементов нелитературного просторечия, территориальных диалектов, профессиональных и социальных жаргонов и т.п.;

2) использование аффиксальных средств, которыми располагает данный язык;

3) семантическое переосмысление уже существующих в языке слов. [11, с. 50].

Например, неологизм «libero» - свободный защитник в волейболе, возник способом заимствования иноязычных слов. Термин заимствован из итальянского языка и образовался от слова «libero», что означает «свободный». Неологизм «big air» дословно переводится как «большой воздух» и означает вид соревнований в сноубординге. Прыжки с трамплина с выполнением трюков (длина полета – до 30 м), также имеет второе значение – большой трамплин для сноубординга [7, с. 33]. Таким образом, мы видим, что произошло семантическое переосмысление уже существующих в языке слов «big» и «air», вместе они составляют новую лексическую единицу, неологизм.

В заключение отметим, что в современном английском языке существуют слова с различной этимологической структурой. Н. А. Амосова выделяет «слова с совершенно прозрачной этимологической структурой и слова, отличающиеся затемненностью, полной стертойостью или просто отсутствием мотивировки их формы» [1, с. 27].

Так, в терминологии гольфа существует множество примеров слов, относящихся к словам с неясной этимологической структурой. К таким терминам относятся: tee, par, birdie, for и др. Этимологию таких слов невозможно объяснить, опираясь на этимологический анализ морфемного состава, морфемных элементов, участвующих в словообразовании. Необходимость наименования новых понятий, их историческое развитие являются причинами наиболее глубокого этимологического анализа. Роберт Браунинг в своей книге «История гольфа» описывает происхождение таких терминов гольфа как «caddy», «fore», «tee» и др.

Ясная этимологическая структура прослеживается в такой цепочке слов, как «caddy - fore-caddy - fore». Этимология термина «fore» имеет несколько объяснений в различных источниках («Исторический словарь терминов гольфа» Петера Дэвиса [10], «История гольфа» Роберта Браунинга [3]). По одной из версий, происхождение этого термина объясняется тем, что в XIX веке изготовление мячей являло собой дорогое производство и для того, чтобы во время игры мяч не потерялся, приходилось ставить вперед человека, который бы следил за падением мяча. Таким образом, появилось слово forward – caddie, впоследствии преобразовавшееся в «fore-caddy».

По другой версии, произошла трансформация выражения «Beware before, Look out of front!» - предупреждение помощника о том, что в его сторону летит мяч. С течением времени такое выражение было сокращено до «fore».

В «Историческом словаре терминов гольфа» Петера Дэвиса приводится этимология терминов гольфа «birdie», «eagle», «albatross» .

Термин «birdie», обозначающий счет в гольфе, произошел от американского сленга «bird», который означает что-то великолепное, удивительное [10, с. 21]. П. Дэвис дает объяснение связи американского сленга и термина гольфа. В словарной статье приводится пример употребления «bird»: выполненный удар «вылетел как птичка». Впоследствии «bird» преобразовалось в «birdie». По аналогии образовались термины «eagle» (орел) и «albatross» (альбатрос) с учетом повышения степени значимости в игре.

Такие термины гольфа, как «iron», «wood» берут свое происхождение от материалов, из которых они изготовлены. «Iron» - клюшка с металлической головкой, «wood» - клюшка с головкой, которая раньше изготавливалась из дерева.

Термин «par» обязан своему появлению в гольфе терминологии фондовой биржи, этим термином обозначали базовую стоимость акций и говорили, что акции торгуются выше или ниже пара, т.е. своего нормального значения, соответственно, в гольфе «пар» означает условный норматив, число, которое гольфист должен совершить для закатывания мяча в 1 лунку или во все лунки при удачной игре [7, с. 233].

Выводы. Проанализировав научную литературу по этимологии, стилистике, можно сделать вывод: спортивная лексика имеет богатую этимологическую историю, что позволяет проводить глубокий этимологический анализ. Более легко этимологическому анализу поддаются слова, образованные путем словосложения, к таким словам относятся названия видов спорта.

Н. А. Амосова выделяет слова с совершенно прозрачной этимологической структурой и слова с неясной этимологической структурой. Примерами слов с неясной этимологической структурой могут служить термины гольфа. Проследить этимологию некоторых терминов, в частности терминов, обозначающих спортивный инвентарь, можно посредством анализа материала, из которого они изготовлены.

Встречаются термины, возникающие не внутри какого-либо спорта, а переходящие из других видов спорта. Это связано со сходством видов спорта, либо со схожестью выполняемой функции какого-либо предмета, явления.

Со стороны стилистической дифференциации лексика спорта подразделяется на жаргонизмы, архаизмы и неологизмы. По предложениям некоторых исследователей понятия slang, jargon и cant должны быть разграничены. И. Р. Гальперин считает, что эти термины должны употребляться синонимически, т.к. они не имеют особых отличительных черт. Тема жаргонизмов или сленгизмов в спортивной лексике подлежит более глубокому исследованию, т.к. появление в языке стилистически окрашенных слов, носит малоизученный характер.

Результаты данного исследования прошли апробацию во время производственной практики и получили свое дальнейшее применение в процессе написания выпускной квалификационной работы.

Библиографический список

1. Амосова, Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка [Текст]: учебное пособие / Н.Н. Амосова. Изд. 2-е, доп. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 2010. - 218 с.
2. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка [Текст]: учебное пособие / И.В. Арнольд. - 3-е изд., стер. - М.: Флинта: Наука, 2014. - 374 с.
3. Браунинг, Р. История гольфа [Текст]: / Р. Браунинг. - Нью-Йорк, 1955. - 230 с.
4. Гальперин, И.Р. О термине сленга [Текст] / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. - 2011. - №9. - С. 43-49.

5. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст]: / И.Р. Гальперин. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. - 462 с.
6. Иоакимиди Г. А. Сленг как лингвистическая характеристика социальной группы [Текст] / Г. А. Иоакимиди // Молодой ученый. - 2011. - №1. – С. 136-140.
- Исторический словарь терминов гольфа [Текст]: / П. Дэвис, Лондон: 1993. – 188 с.
7. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник [Текст]: / А.Н. Блеер, Ф.П. Суслов, Д.А. Тышлер.- М.: Академия, 2010. - 464 с.
8. Словарь автогоночных терминов языке [Электронный ресурс]: - Режим доступа: http://www.autotraces.ru/sport/formula_termin.php
9. Термины виндсерфинга и их переводы [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <http://www.windclub.ru/news/23>
10. Новый краткий словарь иностранных слов [Текст]: / Н.М. Семенова. - М.: Рус. яз.-Медиа, 2007. - 795 с.
11. Тугуз, Э.А. Лингводискурсивные особенности неологизмов в спортивном дискурсе: на материале английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Тугуз – Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 2014. – 22 с.

УДК 81'271.12

Татарникова И.В., Шереметьева Е.В.

*Крымский федеральный университет
Таврическая академия
Институт иностранных языков*

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ И ИХ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация.

Статья посвящена проблеме описания экстралингвистических факторов ситуации общения, которые являются наиболее релевантным на фонетическом уровне языковой системы и способствуют фоностилистической дифференциации речевых реализаций. Указывается на отсутствие унифицированных четких критериев классификации экстралингвистических факторов, а также на особую значимость характера отношений между коммуникантами.

Abstract

The article is dedicated to the problem of the description of the extralinguistic factors of the communicative situation which are the most relevant on the phonetic level of the language system and which contribute to the phonostylistic differentiation of speech realizations. The absence of the unified clear-cut criteria of the classification of extralinguistic factors is indicated, with paramount significance being attributed to the character of relations between the interlocutors.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, речевая ситуация, фонетический стиль

Key words: extralinguistic factors, speech situation, phonetic style

Исследование устной речи в плане стилей произношения или фоностилей тесно связано с изучением экстралингвистического контекста.

Экстралингвистическая ситуация представляет собой совокупность экстралингвистических факторов, которые существенным образом влияют на качество реализации сегментных единиц и на просодические характеристики высказываний и определяют, таким образом, фоностилистическую дифференциацию последних [13].

В течение уже нескольких десятилетий усилия многих исследователей направлены на поиск оптимальных критериев выделения стилей произношения, на основании которых в дальнейшем может быть создана единая общепринятая классификация. Однако, как

свидетельствует анализ специальной литературы, до сих пор не выявлен полный инвентарь экстралингвистических факторов, а также нет их чёткой классификации.

По мнению Л.Г. Беличенко [2], все экстралингвистические факторы можно объединить в четыре группы, учитывая при этом психологический, социальный, пространственно-временной и физический признаки.

В.Д. Девкин [6] отмечает, что построение речи зависит от множества факторов и подразделяет их на четыре группы: 1) участники разговора, их характеристики и отношения: а) характерные признаки личности собеседников, б) их интенции, в) установки, г) межличностные отношения; 2) содержательная сторона речи; 3) оформление речи – специфика кода; 4) обстановка, внешние обстоятельства протекания речи: степень официальности обстановки, фактор среды, места, времени, тип контакта, помехи, присутствие, кроме собеседника других лиц и т.д. Автором особенно подчеркивается влияние обстановки на формирование высказываний, вплоть до того, что какой-то элемент ситуации «включается» в предложение и соседствует с чисто языковым, конструктивно определяет построение разговорных фраз.

Г.П. Торсуев [18] различает внешние и внутренние экстралингвистические факторы. Такого же мнения придерживается Г.В. Колшанский [8], который к внешним экстралингвистическим факторам относит «обстоятельства, вообще не имеющие языкового характера, а представляющие собой совокупность объективных условий осуществления коммуникации. Этот аспект внешних экстралингвистических факторов в целом покрывает понятие речевой ситуации». К внутренним экстралингвистическим факторам относится вся сумма фоновых знаний коммуникантов, определяющих потенцию и выбор информационных элементов.

Н.М. Краевская [9] в понятие речевой ситуации включает две основные группы признаков. Первая группа представляет собой признаки, связанные с предметной обстановкой речи: 1) условия, в которых протекает акт речи, предметное окружение говорящих, место коммуникационного акта; 2) наличие/отсутствие предмета в момент говорения; 3) временная продолжительность/ краткосрочность; 4) высокая / низкая частотность ситуации; 5) наличие/отсутствие каких-либо действий коммуникантов в момент речи. Вторая группа эксплицирует признаки, связанные с участниками коммуникативного акта: 1) число участников коммуникации, активная или реактивная роль в общении, взаиморасположение коммуникантов; 2) признаки, характеризующие участников коммуникации: социальные и психологические характеристики; 3) признаки, характеризующие отношения участников коммуникации: степень знакомства, официальность/неофициальность отношений, социальная роль.

Представляется, что характер отношений между коммуникантами является одним из наиболее важных экстралингвистических факторов, поскольку через его призму можно рассматривать корреляцию с функциональными стилями речи. Данный фактор является индикатором социального и общественного положения партнеров по коммуникации, трактуемого как равенство, превосходство или подчиненность, а также степени близости их отношений (холодные, официальные, нейтральные, дружеские). Собеседники всегда опираются на конкретную речевую ситуацию и руководствуются ею при выборе языковых средств. Наиболее тесная связь средств выражения с речевой ситуацией наблюдается в спонтанной речи, так как спонтанные реплики ограничены во времени [14].

Петербургские лингвисты Л.В. Бондарко, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер и В.Б. Касевич [3] полагают, что условия общения являются определяющим фактором в вопросе выделения стиля произношения. Обоснованной также является уточняющая точка зрения Р.К. Потаповой [15], которая считает, что именно сфера общения и коммуникативная ситуация определяют стиль произношения.

По мнению авторов монографии «Русская разговорная речь» [16], на выбор кодифицированных или разговорных форм при тождественной (или аналогичной) ситуации общения в решающей степени влияет установка (при установке на официальный характер

сообщения – кодифицированная речь, при отсутствии подобной установки, - разговорная речь).

Н.Л. Новицкая [14], Е.В. Зарецкая [7], Д.Х. Баранник [1] считают, что ведущим экстралингвистическим признаком, влияющим на стиль произношения, является речевая ситуация.

С.М. Гайдучик [4; 5] речевую ситуацию определяет как совокупность экстралингвистических факторов, при наличии которых осуществляется речевое общение. В речевую ситуацию С.М. Гайдучик включает следующие экстралингвистические факторы: 1) цель и предмет высказывания, 2) степень подготовленности говорящего, 3) отношения между говорящим и слушающим, 4) социальный статус говорящего, 5) отношение говорящего к содержанию высказывания, 6) взаимодействие говорящего и слушающего, 7) социальные условия общения, 8) внешние условия общения.

В. Кремер [20], исследуя акустические характеристики немецких гласных в различных коммуникативных условиях, выделяет пять речевых ситуаций или, по определению автора, «речевых поз»: 1) говорящий выступает в роли преподавателя перед студентами – иностранцами, такая аудитория требует повышенного обращенного речепроизводства; 2) говорящий выступает в роли лектора перед большой критически настроенной аудиторией; 3) беседа с официальным лицом; 4) менее официальная беседа; 5) фамильярный разговор в дружеской обстановке. В выделенных В. Кремером коммуникативных ситуациях наблюдается яркий переход от официального стиля общения к непринуждённому разговорному стилю, с ослаблением контроля и внимания за четкостью и ясностью произношения.

По результатам экспериментально-фонетических исследований Минской школы [4; 7; 14] были выделены основные экстралингвистические факторы, являющиеся наиболее релевантными на фонетическом уровне. К ним относятся: 1) подготовленность/неподготовленность речи; 2) социальные отношения между участниками коммуникации; 3) коммуникативное намерение говорящего; 4) сфера коммуникации; 5) вид контакта между коммуникантами; 6) эмоциональное участие коммуникантов; 7) количество участников коммуникации.

Практически все исследователи указывают на значительное влияние социального фактора. Группе российских лингвистов [17; 19] удалось установить, что социальные признаки по диапазону охвата фонетических явлений располагаются в следующем порядке: 1) территориальный, 2) социальное положение, 3) возраст, 4) семейное влияние, 5) образование, 6) влияние радио, а по силе воздействия на фонетические явления – в следующем порядке: 1) территориальный, 2) возраст, 3) социальное положение, 4) образование и 5) влияние радио.

С точки зрения О.П. Крюковой [10], одним из возможных критериев подхода к классификации фонетических стилей является трактовка вариативности в выборе языковых средств под влиянием экстралингвистических факторов социально-психологического плана. Такой подход предполагает анализ социального содержания условий общения и степень их влияния на выбор способа выражения.

Некоторые авторы выделяют социально-ориентированные и личностно-ориентированные в социально-психологическом плане факторы [12], говорят о специфике экспликации социальной дистантности [19], принимают во внимание степень контроля за речью [11]. Другими словами, все исследователи имеют в виду определённую экстралингвистическую ситуацию, при которой происходит общение и живая звучащая речь принимает определённую стилистическую окраску.

С учетом вышеуказанных трактовок экстралингвистических факторов ситуации общения нами был проведен предварительный аудитивный анализ речевого поведения русскоязычных мигрантов в Германии для определения степени их адаптации к новой языковой среде. По результатам проведенного исследования был сделан вывод о необходимости учета гендерной маркированности речевых реализаций и специфике

модификации фоностилистического варьирования гендерного параметра в моногендерном и кроссгендерном общении.

Данное обстоятельство является дополнительным подтверждением многозначности экстралингвистической ситуации, указывает на то, что она действительно занимает особое место в современной фоностилистике и нуждается в дальнейшем изучении с привлечением специальных экспериментальных методов исследования.

Библиографический список

1. Баранник Д.Х. Усний монолог / Д.Х. Баранник. – Дніпропетровськ : Дніпропетровський ун-т, 1969. – 144 с.
2. Беличенко Л.Г. Прагматическая функция просодии в некоторых видах реализации информационно-публицистического текста / Л.Г. Беличенко // Просодические средства организации стилистически различных текстов в современном английском языке: научные труды МГПИ. – М., 1985. – С. 43-63.
3. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. Стили произношения и типы произнесения / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич // Вопросы языкознания. - 1974. - № 2. – С. 64-70.
4. Гайдучик С.М. Фоностилистический аспект устной речи: Экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка: автореф. дисс.... докт. филол. наук / С.М. Гайдучик. - ЛГУ. - Л., 1973. – 31 с.
5. Гайдучик С.М. Типология речевых высказываний / С.М. Гайдучик // Экспериментальная фонетика: сб. науч. тр. - Минск, 1972. – С. 46-67.
6. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В.Л. Девкин. - М. : Международные отношения, 1979. - 257 с.
7. Зарецкая Е.В. Просодические характеристики функционально-стилистических разновидностей устной монологической речи: Экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка: автореф. дисс.... канд. филол. наук / Е.В. Зарецкая. - Минск, 1975. – 24 с.
8. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. - М. : Наука, 1980. – 154 с.
9. Краевская Н.М. Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи / Н.М. Краевская // Лингвостилистические особенности научного текста. – М. : Наука, 1981. – С. 113-131.
10. Крюкова О.П. О некоторых возможных критериях выделения фоностилей в устном тексте / О.П. Крюкова // Тезисы конференции «Просодия текста»: сб. науч. тр. МГПИИЯ – М., 1982. – С. 92-93.
11. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах / У. Лабов // Новое в лингвистике. – М. : Наука, 1975. - Вып. 7. – С. 320-336.
12. Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности / А.А. Лысенко. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
13. Лысенко Г.Л. Фоностилистическая вариативность слога в немецком языке / Г.Л. Лысенко // Просодия текста : сб. науч. тр. МГПИИЯ. – М., 1980. – Вып. 169. - С. 15-21.
14. Новицкая Н.Л. Фоностилистические характеристики некоторых видов диалогической речи в современном немецком языке: автореф. дисс.... канд. филол. наук / Н.Л. Новицкая. - Киев, 1972. – 17 с.
15. Потапова Р.К. Некоторые аспекты немецкой произносительной вариантологии / Р.К. Потапова // Язык: теория, история, типология. - М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 436-445.
16. Русская разговорная речь / Под ред. Земской Е.А.. - М. : Наука, 1973. – 398 с.
17. Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Крысина Л.П. - М. : Наука, 1974. – 351 с.
18. Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе / Г.П. Торсуев. - М.: Наука, 1977. – 125 с.

19. Швейцер А.Д. Современная социалингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. - М. : Наука, 1976. – 176 с.
20. Krämer W. Acoustic variations of gen n/a/a:/ under varied speaking attitude / W. Krämer // Frankfurter phonetische Beitrag II: Forum phoneticum. – Frankfurt, 1978. - № 16. - S. 1-21.

СЕКЦИЯ Романские языки

УДК 811.133.1'367

Ванчикова Е.А.

Нижегородский государственный лингвистический университет им.Н.А. Добролюбова

СЕМАНТИКА СИНТАКСЕМЫ

Аннотация

В статье рассматривается синтаксема, которая является минимальной единицей функционального синтаксиса и в отличие от других единиц, обладает трёхмерностью, т.е. имеет синтаксические, морфологические и семантические свойства. Семантика синтаксем совпадает с существующим в лингвистике инвентарём семантических актантов. Синтаксема даёт возможность представления предложения как комбинации синтаксем, что позволяет изучать его интегрально, не разделяя предложение на синтаксический и семантический уровни.

Abstract

This article considers syntaxeme, which is the smallest part of functional syntax and, unlike the others, is three-dimensional, which means it has syntactical, morphological and semantical features. Syntaxeme semantics matches with the current set of semantic actants in linguistics. Syntaxeme gives the opportunity of sentence presentation as a set of syntaxemes, which allows studying it integrally, not dividing the sentence on syntactic and semantic levels.

Ключевые слова: синтаксема, функциональный синтаксис, семантическая функция, синтаксемный анализ

Key words: syntaxeme, functional syntax, semantic function, syntaxeme analysis

Термин «синтаксема» появляется в 60-ые годы XX века в рамках функциональной синтаксической теории, объединяющей разноуровневые средства. Исследования в этой области ведутся параллельно А.М. Мухиным [4] (на материале английского языка) и Г.А. Золотовой [1] (на материале русского языка). Анализ синтаксической организации разносистемных языков: аналитического и синтетического, приводит авторов к созданию новой минимальной единицы – синтаксем. А.М. Мухин определяет синтаксема как семантико-синтаксическую единицу, а Г.А. Золотова как синтаксическую форму слова. Несмотря на различия в определениях, новая единица у обоих авторов имеет синтаксические, морфологические и семантические характеристики. Поскольку понятие синтаксем базируется на тройственном критерии, типология элементарной функциональной единицы вытекает из её морфологических, семантических и синтаксических особенностей.

Морфологический критерий предполагает наличие именных, глагольных, синтаксем прилагательного, деепричастия, причастия, инфинитива, наречия в концепции Г.А. Золотовой [2], и субстанциальных, процессуальных и квалификативных синтаксем в функциональном синтаксисе А.М. Мухина [5]. Если у Г.А. Золотовой данное деление синтаксем связано непосредственно с частями речи, то у А.М. Мухина в основу деления синтаксем положены классообразующие синсемантические признаки. Так, синтаксико-

семантический признак субстанциальности соотносится с обозначением субстанции, предмета; основным средством выражения субстанциальных синтаксем являются существительные и местоимения. Процессуальные синтаксем находят выражение главным образом в личных и неличных формах глагола, квалификативные - в прилагательном и наречии. Классообразующие признаки синтаксем у А.М. Мухина тесным образом связаны с принципами выделения частей речи. Одним из них является характер отображаемого объекта, в соответствии с которым человеческое сознание различает прежде всего предметы (статические объекты) и процессы (действия, состояния, отношения), а также характеристики этих объектов и процессов. Субстанции и процессы находят выражение в главных частях речи - существительных и глаголах, зависимые части речи - прилагательные и наречия обозначают характеристики субстанций и процессов. Отсюда вытекает, что синсемантические признаки синтаксем, выделяемые А.М. Мухиным, являются классообразующими признаками частей речи, т.е. они напрямую связаны с морфологией. Следовательно, данные признаки синтаксем могут быть названы морфологическими. Вслед за А.М. Мухиным, синтаксем, различаемые по данному критерию, логично назвать субстанциальными, процессуальными и квалификативными.

Синтаксическая характеристика синтаксем связана с её синтаксической функцией и позицией. Исходя из понимания синтаксической функции как отношения синтаксической единицы к коммуникативной, Г.А. Золотова предлагает различать свободные синтаксем (употребляются самостоятельно, в качестве компонента предложения и компонента словосочетания), обусловленные синтаксем (употребляются как компоненты предложения или словосочетания) и связанные синтаксем (употребляются только как компоненты словосочетания). Понятие *функции* детализируется более конкретным понятием *позиции*. Так, в функции компонента предложения Г.А. Золотова различает позицию предикативного компонента, предикативного компонента, распространителя предложения (ситуанта) и полупредикативного осложнителя предложения. В функции компонента словосочетания различаются следующие позиции: приглагольная, приименная, приадективная и приадвербиальная. [2, с.4 - 5]. Понятие синтаксической позиции присутствует и в концепции А.М. Мухина [5]: синтаксема может находиться в позиции сказуемого, подлежащего, зависимого и предикативного компонента. Под последним понимается неядерная предикативная связь, т.е. вторичная предикация.

Поскольку синтаксему нельзя идентифицировать с членом предложения, то, на наш взгляд, рассматривая её синтаксическую характеристику, следует отказаться от терминов «подлежащее» и «сказуемое», заменив их на понятия грамматической предикации: предикативный признак и носитель предикативного признака. Если при анализе основных предикативных отношений данные единицы совпадают в большинстве случаев с подлежащим и сказуемым, то вторичные предикативные отношения выявляют семантический характер данных единиц. Так, в предложении *Il marche en chantant* основные предикативные отношения выражены носителем предикативного признака *Il* и предикативным признаком *marche*, которые совпадают с подлежащим и сказуемым. Предикативным признаком вторичных предикативных отношений является герундий *en chantant*, который не является сказуемым; данный предикативный признак соотносится с тем же носителем, что и в основных предикативных отношениях.

Семантический характер синтаксем является её третьей составляющей. У Г.А. Золотовой он отражается в её категориально-семантических признаках: акциональный, статуальный, кваликативный, инструментив-каузатор, объект действия, объект-каузатор, делиберат восприятия, каузатор действия и др. [2, с.23-26]. В концепции А.М. Мухина [5] рассматриваются агентивные, инструментальные, каузальные, косвенно-объектные, локативные, темпоральные, финальные (целевые), акциональные, кваликативные и др. синтаксем. Содержательные характеристики синтаксем в данных классификациях повторяются, хотя и имеют разные наименования; количественная характеристика синтаксем не совпадает, что обусловлено более подробной детализацией в теории А.М. Мухина.

Действительно, наделяя синтаксему синтаксико-семантическим признаком, А.М. Мухин выделяет один ведущий признак, например, агентивный, который образует по этому признаку оппозитивный ряд синтаксем, например, агентивная синтаксема может быть акциональной, стивной, квалитативной, инструментальной, негативной, интеррогативной, релятивной и др. [5, с. 75-82]. Поскольку в классификации А.М. Мухина данные признаки синтаксем несут название синтаксико-семантических, то в них присутствуют как семантические (стивность, инструментальность и др.), так и синтаксические характеристики (негативность, интеррогативность и др.).

На наш взгляд, будет целесообразнее соотнести содержательную характеристику синтаксем с существующим набором семантических функций. Несмотря на то, что инвентарь семантических ролей неоднороден у различных исследователей, существует типизированный набор таких функций, повторяющийся от исследователя к исследователю. Наиболее интересным и полным представляется набор семантических ролей в методической грамматике французского языка [6, с.125-126], авторы которой различают **агент** (agent) – одушевлённый объект, инициатор и контролёр процесса; **объект** (objet) - одушевлённая или неодушевлённая сущность, на которую непосредственно направлено действие; **бенефициант** (bénéficiaire) - одушевлённый объект, затронутый процессом; **инструмент** (instrument) - неодушевлённый объект, контролируемый агентом; **место** (locatif) - пространственная опора действия; **цель** (but) - конкретная или абстрактная сущность, к которой направлен процесс; **результат** (résultatif) - объект, являющийся следствием процесса; **источник** (source) - сущность, от которой происходит или удаляется другая сущность. Данный список семантических ролей не является законченным и предполагает дальнейшую детализацию инвентаря семантических функций.

У финского исследователя А. Мустайоки актанты, являющиеся непредикатными элементами ядра семантической структуры, делятся на следующие типы: агенс, экспериенсер, нейтрал, объект, тема, реципиент, источник, инструмент и место [3, с. 414]. Данный инвентарь включает как базовые актанты, повторяющиеся из классификации в классификацию: агенс, экспериенсер, объект, инструмент, место; так и новые роли: нейтрал, тема. Так, нейтрал – предмет речи высказывания является одним из вариантов субъекта, его нельзя причислить ни к агенсу, ни к экспериенсеру. Тема – актант, о котором что-то говорится: *Игорь говорит о спорте / о Нине*; данная роль имеет много общего с объектом: *Игорь пишет письмо*, единственное отличие темы от объекта – её употребление с глаголами говорения.

Классификацию предикатов А. Мустайоки основывает на их семантике, актантном составе, темпоральной характеристике; выделяются восемь типов примарных предикатов: действие, отношение, обладание, локация, существование, состояние, характеристика, идентификация и классификация. Предикаты, передающие динамические, терминальные или результативные процессы, называются секундарными: [3, с. 415-416].

Существующие классификации актантов (семантических ролей) и предикатов можно положить в основу содержательной характеристики синтаксем. Так, синтаксема может быть агентивной, объектной, инструментальной, локативной, а также акциональной, стивной, классифицирующей и т.д. Кроме того, содержательная характеристика синтаксем определённым образом связана с её морфологическим обликом. Так, процессуальные синтаксем (выражаемые личными и неличными формами глагола) имеют такие семантические характеристики, как акциональность, пассивность, стивность, экзистенциальность, т.е. характеристики типов предикатов. Субстанциальные синтаксем (имена существительные и замещающие их местоимения) в своей содержательной характеристике будут опираться на роли семантических актантов, т.е. предполагается наличие агентивных, экспериенсивных, инструментальных, локативных, темпоральных, объектных, адресатных и, возможно, некоторых других синтаксем. Квалитативным синтаксемам (прилагательные и наречия) свойственна стивность, пассивность, квалитативность.

Рассматривая предложение как комбинацию синтаксем, мы можем отказаться от анализа его синтаксической и семантической структур, так как синтаксема объединяет в себе синтаксические и семантические характеристики. Кроме того, синтаксема имеет морфологический признак. Так, предложение *Le tiroir contient les clés* на синтаксическом уровне представлено подлежащим, сказуемым и прямым дополнением. Семантический уровень не совпадает с синтаксическим и состоит из предиката и двух актантов: локатива – *le tiroir* и элементатива – *les clés*. Применяя синтаксемный анализ, находим в данном предложении три синтаксемы: первая (*le tiroir*) – носитель предикативного признака (синтаксическая характеристика), субстанциальная (морфологическая характеристика), локативная (семантическая характеристика); вторая (*contient*) – предикативный признак, процессуальная, стативная; третья (*les clés*) – синтаксема в позиции зависимого компонента, субстанциальная, элементативная. Все три характеристики – синтаксическая, морфологическая и семантическая отражены в одной единице – синтаксеме, что позволяет предпринимать интегральный анализ предложения, не разделяя его на уровни. Тройственная характеристика синтаксем способствует правильной идентификации единицы. Например, локативная синтаксема носителя предикативного признака свидетельствует о том, что в позиции грамматического подлежащего находится не субъект, а локатив; а синтаксема в зависимой позиции является элементативом (неодушевлённым агенсом). Синтаксем с такими характеристиками нетипичны для французского языка, которому присущ прямой порядок слов и совпадение субъекта действия с носителем предикативного признака.

Таким образом, семантика синтаксем соотносится с существующим инвентарём семантических ролей и типов предикатов, являясь третьей необходимой составляющей любой синтаксем. Именно семантический характер синтаксем в сочетании с двумя другими – синтаксическим и морфологическим, позволяет осуществлять единый, интегральный анализ предложения без разделения его на уровни.

Библиографический список

1. Золотова Г.А. О «Синтаксическом словаре русского языка» // ВЯ, 1980, № 4, С.71-83.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988, 440с.
3. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. - 512с.
4. Мухин А.М. Синтаксема как функциональная синтаксическая единица // ФН, 1961, №3, С. 53-65.
5. Мухин А.М. Функциональный синтаксис. СПб. : Наука, 1999. - 184с.
6. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. P. : PUF, 1994, 646p.

СЕКЦИЯ Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

УДК 81.44

Свириденко Э.О.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРОЦЕССЫ СИСТЕМНОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИКОНЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация

Адаптация представляет собой долгий и непрерывный процесс преобразования характеристик иноязычного слова в соответствии с системой принимающего языка. В новой лингвистической ситуации заимствования постепенно изменяются, начиная соответствовать фонетическим, морфологическим и грамматическим особенностям языка-реципиента. В статье рассматриваются основные этапы адаптации англо-американизмов на примере терминов организационной психологии.

Abstract

Adaptation is a long and continuous process of transformation of characteristics of the foreign word in accordance with the system of the host language. Borrowings are gradually changing in the new linguistic situation, starting to match phonetic, morphological and grammatical features of the recipient language. This paper presents the main stages of adaptation of Anglo-Americanisms on the example of the organizational psychology terms.

Ключевые слова: адаптация, англо-американизмы, лексическое заимствование, организационная психология.

Key words: adaptation, Anglo-Americanisms, lexical borrowing, organizational psychology.

Для описания особенностей вхождения и функционирования заимствованных слов в научной литературе по лингвистике используются термины «ассимиляция» и «адаптация», которые одними авторами интерпретируются как синонимы, а по мнению других имеют различную трактовку. Заметим, что в словарях и энциклопедиях слово «ассимиляция» определяется как уподобление, слияние, усвоение, а «адаптация» – как приспособление к реальным условиям.

С. В. Гринев-Гриневиц понимает ассимиляцию как «максимальное приближение фонетических, графических, грамматических и лексических характеристик лексемы к соответствующим нормам принимающего языка» [6, С. 156], а адаптацию рассматривает как один из этапов лексической ассимиляции, занимающий промежуточное положение между этапом вхождения и дальнейшим развитием заимствования. По мнению О. Г. Щитовой, адаптация представляет собой лишь формальное (фонетическое и морфологическое) освоение иноязычной лексемы принимающим языком, а ассимиляция – семантическое, словообразовательное, синтаксическое, функциональное освоение [17, С. 23]. Е. И. Кожевникова считает, что ассимиляция является многоуровневым и синхронизированным процессом адаптации заимствований в языке-приёмнике [11, С. 2]. Егорова Н. Ю. процесс приспособления языковой единицы к правилам и нормам заимствующего языка называет ассимиляцией [8], в то время как О. С. Борисова предлагает определение адаптации в самом общем виде как процесс приспособления иноязычного лексического элемента к фонетической, грамматической, лексико-семантической и стилистической системам языка [3, С. 7].

В силу приблизительно равного использования данных понятий, в нашем исследовании термины «адаптация» и «ассимиляция» употребляются как синонимы.

Говоря о системной адаптации, мы исходим из рассмотрения языка как системы. В своих исследованиях Ф. де Соссюр указывает: «Язык есть система, все элементы которой образуют целое» [16, С. 147]. Заимствованный материал, попадая в новую лингвистическую ситуацию, изменяются согласно фонетическим, морфологическим, грамматическим особенностям языка-реципиента. Адаптация – долгий и непрерывный процесс преобразования характеристик слова в соответствии с системой принимающего языка.

По степени адаптации заимствования можно разделить на три группы: полностью ассимилированные, частично ассимилированные и не ассимилированные. Особенностью первой группы является полная лингвистическая гармония между заимствованными словами и системой языка-реципиента, возникающая в результате фонетической, морфологической и семантической ассимиляции. Слова этой группы свободно используются носителями языка и не воспринимаются как иноязычные. Некоторые полностью ассимилированные англо-

американизмы из области организационной психологии вошли в основной словарный фонд русского языка, например, *старт, бизнес, лидер, стресс, тренинг*.

Вторая группа включает слова, прошедшие лишь частичную ассимиляцию. Они вошли в систему языка, но сохранили специфические черты этимона и воспринимаются носителями заимствующего языка как иностранные: *коучинг, аутсорсинг, мерчандайзинг, стартап, дистрибуция*.

Третья группа охватывает слова, не прошедшие ассимиляцию. Их отличает ограниченность употребления и нахождение на периферии языка-реципиента, а также иногда тенденция к выводу за его пределы: *дизайн когорт, сканкворкс, стейкхолдер*.

Л. П. Крысин делит процесс адаптации на пять этапов: 1) начальный этап – употребление иноязычного слова в тексте в его исконной орфографической (а в устной речи – фонетической) и грамматической форме; 2) приспособление слова к системе заимствующего языка; 3) утрата сопроводительных комментариев, при этом носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова; 4) утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей; 5) завершающий этап – регистрация иноязычного слова в толковом словаре [12, С.74-75]. Важнейшим признаком заимствованного слова, по мнению ученого, является его семантическая самостоятельность. Семантическое освоение иноязычного слова – центральный и решающий момент в его адаптации.

Г. Ю. Князева выделяет в процессе семантической ассимиляции два периода: этап вхождения и этап усвоения, который «...характеризуется постепенным расширением семантической структуры, развитием новых значений, расширением сферы употребления, приобретением гнезда производных и сложных слов» [10, С. 126].

М. Г. Дакохова рассматривает 4 этапа: 1) употребление иноязычного слова в его исконной орфографической (а в устной речи – фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции (вкрапления); 2) приспособление иноязычного слова к системе заимствующего языка (транслитерация или транскрипция), отнесение к определенной части речи, с соответствующим морфологическим оформлением; 3) вхождение иноязычных слов в русскую грамматическую систему; 4) фиксация иноязычного слова в словарях [7].

Г. В. Павленко выделяет три этапа освоения иноязычного слова в принимающем языке: начальный, продвинутый и полное освоение. «Каждый этап освоения иноязычного заимствования характеризуется определённым набором дифференциальных признаков, которые касаются всех уровней языковой системы: фонетического уровня, в том числе графики и орфографии; лексико-семантического уровня; морфологического уровня, в том числе и словообразования; синтаксического уровня и речевого, коммуникативного уровня» [14, С. 11].

О. Э. Бондарец для определения степени освоения иноязычных заимствований в речи выделяет следующие признаки: воспроизводимость иноязычного слова; семантическое и стилистическое освоение; количество значений многозначного слова и характер толкования значений (расширение или сужение значения); восприятие иноязычного слова как иностранного, «чужого», или как русского, «своего» [2].

В. М. Аристова рассматривает процесс заимствования «как единый диалектический процесс, в котором пересекаются две языковые системы», и условно выделяет три его стадии [1, С. 8]. На первой стадии – стадии «проникновения» – иноязычные слова соотносятся с реалиями страны (местности), из языка которой они заимствуются. Слова могут сохранять свое иноязычное написание, а при фонемно-графическом оформлении возникают разные варианты написания одного и того же слова, колебания в произношении и акцентуации. Второй этап характеризуется расширением сферы употребления заимствованного слова в новой действительности. Третий этап – «укоренение», когда происходит «полное подчинение слова нормам заимствующего языка, использование широких возможностей внутриязыковой эволюции (словообразование, аббревиация, семантические и стилистические сдвиги)» [Там же, С. 10].

М. А. Брейтер выделяет четыре уровня адаптации иноязычного слова: фонетическая и графическая ассимиляция, морфологическое освоение, словообразовательная интеграция и семантическое освоение [4]. Ряд авторов подчеркивает, что процесс адаптации иноязычного слова предполагает освоение его формальной (звуковой, акцентологической, грамматической, орфографической) стороны и его семантики. Формальная адаптация представляет собой движение от многообразия к единой и стабильной форме.

При фонологической адаптации слова происходит его приспособление к фонетической системе заимствующего языка, при этом отсутствующие в ней звуки заменяются на наиболее близкие. Эта адаптация может происходить постепенно: иногда иноязычные слова в течение некоторого времени сохраняют в своем произношении звуки, отсутствующие в данном языке, другие допускают колебания в произношении. Неустойчивость фонемного состава лексем – особенность иноязычных слов на раннем этапе заимствования, и зависит она от степени фонетических различий между контактирующими языками. Фонемные (фонетические) замены всегда в определенной степени условны и относительно. Звуки иностранного языка могут не иметь точных эквивалентов в русской языковой системе, а приблизительных иметь больше одного. Поэтому часто процесс перехода осложняется различными допущениями и неточностями, которые в итоге ведут к различным написаниям.

Например, Д. Гараедаги в своей книге «Системное мышление: как управлять хаосом и сложными процессами» использует понятие «*эмерджентные* свойства» (*emergent* – неожиданно появляющийся, внезапно всплывающий, проявляющийся, возникающий), а цитирующий его В.А. Ильин пишет: «... которые американский методолог и специалист в области разработки бизнес-моделей Д. Гараедаги обозначил как *эмерджентные* (от англ. *emerge* – проявляться, возникать) ...» [5; 9, С. 64]

Для фонетико-графической адаптации однословных иноязычных терминов организационной психологии в русском языке характерно то, что она происходит путем замены латинских букв на кириллицу, либо путем замены иноязычных звуков на фонетически близкие звуки русского языка. Например, в некоторых англо-американизмах сохраняется произношение и звукобуквенные соотношения, наблюдается только замена букв английского алфавита на русскую графику: бенчмаркинг (*benchmarking*), менеджмент (*management*), тейлоризм (*Taylorism*).

Считаем необходимым сказать об акцентуальных изменениях при ассимиляции англо-американизмов в русском языке. Нередко место английского ударения сохраняется на том слоге, где оно находится в языке-источнике. Так, слово *marketing*, имеющее в английском языке ударение на первом слоге, сохраняет его в русском языке: 'маркетинг, однако некоторые лексикографы дают рядом второй вариант ударения: мар'кетинг, что больше подходит для русской системы ударения. Некоторые англицизмы имеют несвойственную для русского языка позицию ударения, они неудобопроизносимы, следовательно, при фонетической ассимиляции изменяют ударный слог. К примеру, в слове *distributor* ударным является первый слог, а в русском языке этот англицизм поменял позицию ударения с первого слога на третий, что более удобно для русскоговорящего человека. Аналогичное явление наблюдается при вхождении в русский язык англицизма *мерчендайзинг*, имеющего в языке-источнике также ударение на первом слоге.

Грамматическая адаптация слова зависит от того, насколько внешний облик заимствованного слова соответствует морфологическим моделям заимствующего языка. Кроме переноса с помощью транслитерации и трансфонирования выделяется достаточно обширный пласт трансформированных заимствований, среди которых присутствуют суффиксальные заимствования с заменой иностранного суффикса, например: интервенция (*intervention*), миссия (*mission*), бюрократизация (*bureaucratization*), коммуникация (*communication*) и др.

Морфологическая адаптация англоязычных терминов происходит по характеру соответствия финалей заимствованного термина с окончаниями существительных русского языка. Трансформированные суффиксальные заимствования не предоставляют сложностей,

поскольку при адаптации ассимилировались при помощи русских словообразовательных средств в момент заимствования: *hedging* – хеджирование, *business planning* – бизнес-планирование, *planning* – планирование.

Термины-имена существительные, оканчивающиеся на твердый согласный соотносятся с существительными мужского рода в русском языке, например: *benchmarking* – бенчмаркинг, *business* – бизнес, *businessman* – бизнесмен, *business plan* – бизнес-план, *managing director* – директор-распорядитель, *engineering* – инжиниринг, *consulting* – консалтинг, *controlling* – контроллинг, *leader* – лидер, *management* – менеджмент, *manager* – менеджер, *stress* – стресс, *standard* – стандарт, *top management* – топ-менеджмент.

Среди анализируемых англо-американизмов можно выделить слова, которые оканчиваются на гласный -и (y), -у (w). В русском языке такие слова соотносятся со средним родом и остаются несклоняемыми: интервью – *interview*, ноу-хау – *know-how*.

Заимствованные термины проходят адаптацию в системе русского языка не только по категории рода, но и по категории числа. В английском языке показателем формы множественного числа у существительных является финаль -s в конце слова. Однако в русском языке эта форма не осознается как показатель множественности (futures - фьючерс), так как в результате процесса переразложения происходит изменение границ членения морфем [15, С. 345]. В русской числовой категории имена существительные приобретают дополнительный показатель формы множественного числа в виде присоединяющейся русской флексии -ы, например: фьючерс – фьючерсы. Иногда для удобства произношения -s отбрасывается при адаптации русским языком: *resources* – ресурсы.

Таким образом, заимствованные термины адаптируются в русском языке как по категории рода, так и по категории числа.

Лексическая адаптация слова – лексически освоенным иноязычное слово можно считать тогда, когда оно называет явление, предмет, понятие, свойственное современной российской жизни, когда в его значении не остается ничего, что указывало бы на его иноязычное происхождение. Другими словами, произнося слово *имидж*, человек еще осознает, что это слово перешло из английского языка, но, к примеру, слова *тест*, *лидер* могут не восприниматься в качестве заимствований.

Семантическая адаптация слова предполагает вхождение заимствованного слова в лексикон русского языка. Семантически освоенные слова могут обозначать понятия и предметы, не свойственные российской жизни, либо иметь синонимы в русском языке.

Среди терминов, используемых в организационной психологии, встречаются слова, происхождение которых неоспорно. Так, термин «менеджеризм» имеет в своей структуре корень английского происхождения «*manage*» – управлять, либо «*manager*» – управляющий. Менеджеризм в словарях толкуется как теория, согласно которой контроль над производством в развитых странах перешел от частных собственников к наемным управляющим, а также как практика управления предприятием, осуществляемое менеджерами. Однако можно предположить, что термин «менеджеризм» является лишь дериватом слова менеджмент.

На наш взгляд, адаптационный аспект процесса заимствования в настоящее время изучен недостаточно. Среди проблемных вопросов можно отметить неполный охват существующими правилами правописания иноязычной лексики, отсутствие норм письменного употребления для новых слов, недостаточность и противоречивость представлений об основаниях и тенденциях орфографического оформления заимствованной лексики, нерешенность основных вопросов правописания заимствований как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Среди англо-американизмов из области организационной психологии помимо примера, приведенного выше, несложно найти и другие: ассесмент и ассесмент (*assessment*), бренд и брэнд (*brand*), супервизор и супервайзер (*supervisor*), мерчендайзинг и мерчандайзинг (*merchandising*) и др.

Таким образом, существующая активность процессов заимствования в современной языковой ситуации приводит к письменной нестабильности иноязычных неологизмов,

выражающейся в одновременном функционировании на письме графических вариантов слов. Как отмечает И. В. Нечаева, случаи колебаний относятся как к тем участкам правописания, которые регулируются действующими правилами, так и к тем, где написания устанавливаются словарно. Во многих современных словарях приводится несколько письменных вариантов слов, не исключая случаи, противоречащие действующим правилам. Иногда же, напротив, приводится единственный вариант написания, выбор которого может быть не вполне убедительным [13, С. 3]. Признаком письменной адаптации заимствования предлагается считать приобретение им единого графического облика. При этом имеется в виду не такое положение, при котором какое-либо иное написание исключено на 100%, а когда установившееся написание является общепринятым, применяется в подавляющем большинстве случаев и, как правило, закреплено в кодифицирующих источниках [Там же, С. 6].

При письменном пути заимствования, характерном для терминов организационной психологии, новые слова сразу попадают в письменную речь, без непосредственного контакта носителей двух языков. Из этого следует, что фонемный состав иноязычных неологизмов в заимствующем языке зачастую окончательно устанавливается одновременно с орфограммой. При чем фонетический облик слова и его написание могут взаимно влиять друг на друга.

Полагаем, что в такой ситуации вопрос, какие факторы, детерминирующие тот или иной вариант написания, считать определяющими, является довольно важным. Например, слово *эконом-класс* как имеющее усеченную первую часть (экономический класс) следовало бы писать слитно, но сопоставление с парным понятием «*бизнес-класс*» дает возможность рассмотрения слова как кальку с английского (*economy class*) и подсказывает написание через дефис.

Слово дистрибьютор / дистрибьютер (*distributor*) – перед конечным [p] после твердого [т] произносится редуцированный гласный. Казалось бы, языковые аналогии с суффиксом -ер в значении подсказывают соответствующее написание, однако написание этимона в языке-источнике послужило основанием для фиксации этого слова в некоторых словарях с буквой «о» [Там же, С. 7-8].

В терминологии организационной психологии встречаются англо-американские заимствования, сохранившие иноязычное произношение слова, но не совпадающие с его написанием. Это характерно для слов с двойными согласными и с двойными гласными, причем в русском языке сохраняется лишь один звук: бизнес (*business*), бизнесмен (*businessman*), лидер (*leader*), бюрократизация (*bureaucratization*), интервью (*interview*).

Особенностью, характерной для заимствованных англо-американских терминов организационной психологии, является встречающиеся несовпадения вариантов слитного написания слов в языке-реципиенте и дефисного написания в языке-прототипе: кооптация (*co-optation*), «точно вовремя» (*just-in-time*), тайм-менеджмент (*time management*); лидер-демократ (*leader democratic*), бизнес-план (*business plan*), топ-менеджмент (*top management*), ассесмент-центр (*assessment center*), кейс-интервью (*case interview*), кейс-стади (*case study*), фронт-лайн менеджер (*front line manager*) и др.

Таким образом, в процессе письменной адаптации англо-американизмов можно выделить два этапа – графический (этап колебаний) и орфографический. На первом этапе создаются графические записи слова, на втором – орфографическом – осуществляется выбор эталона написания.

В цепочке этапов, которые проходит заимствованное слово в процессе ассимиляции, некоторые из них могут протекать одновременно и настолько стремительно, что становятся неотделимыми от других. Нередко слово сразу включается в систему русского языка как на фонологическом, морфологическом, так и на лексическом уровне. При проникновении в язык-реципиент иноязычное слово одновременно наделяется и грамматическими категориями. Более того, возникают различные варианты слова, наличие которых считается характерным признаком новизны.

В результате процесса адаптации англо-американские заимствования в сфере организационной психологии теряют свой иноязычный характер, преобразуются в соответствии с внутренними законами развития русского языка и с его грамматическим строем и становятся неотъемлемой частью психологической и смежных наук, а также русского языка в целом.

Библиографический список

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты / В. М. Аристова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 151 с.
2. Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект / О. Э. Бондарец / под ред. Г. Г. Инфантовой. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2008. – 144 с.
3. Борисова О. С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятии носителей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. С. Борисова. – Кемерово, 2009. – 25 с.
4. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов / М.А. Брейтер. – Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. – 155 с.
5. Гараедаги Д. Системное мышление: как управлять хаосом и сложными процессами / Д. Гараедаги. – Минск: Гревцов Пабл., 2007. – 480 С.
6. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 304 с.
7. Дакохова М. Г. Англоязычные заимствования в русском языке, XIX-XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. Г. Дакохова. – Пятигорск, 1998. – 146 с.
8. Егорова Н. Ю. Освоение английским языком внешнекультурной терминологии / Н. Ю. Егорова // Коммуникативные и номинативные аспекты единиц языка. Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1989. – С. 110-119.
9. Ильин В. А. К вопросу об актуальных проблемах организационной психологии: обеспечение эффективности организационного лидерства – функциональный и личностный аспекты / В. А. Ильин // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 62-77.
10. Князева Г. Ю. Понятие ассимиляции заимствований и методика ее исследования / Г. Ю. Князева // Лингвистика и методика в высшей школе. – М., 1970. – Вып. 5. – С. 124-130.
11. Кожевникова Е. И. Ассимиляция новейших англицизмов во французском узусе и галлицизмов – в английском: экспериментально-типологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. И. Кожевникова. – Пятигорск, 2011 – 24 с.
12. Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 74-78.
13. Нечаева И. В. Актуальные проблемы письменной адаптации иноязычных заимствований: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Нечаева. – М., 2008. – 30 с.
14. Павленко Г. В. Проблема освоения иноязычных заимствований: Языковой и речевой аспекты. На материале англицизмов конца XX века: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. В. Павленко. – Таганрог, 1999. – 176 с.
15. Пацюкова О. А. Становление понятия «переразложение» в отечественной лингвистике / О. А. Пацюкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2011. – № 3 (1). – С. 344-348.
16. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: URSS, 2006 – 271 с.
17. Щитова О. Г. Комплексный анализ неисконной лексики в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / О. Г. Щитова. – Томск, 2008. – 42 с.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «МИРОВОЙ СУДЬЯ», «ОКРУЖНОЙ СУД», «МЕСТНЫЕ СУДЫ» И «ОБЩИЕ СУДЫ» В ИСТОРИИ ПРАВА**Аннотация**

В статье автор анализирует проблемы употребления юридических терминов «мировой судья», «окружной суд», «местные суды» и «общие суды» в истории права и приходит к выводу о том, что употребление терминов «местные суды» и «окружные суды» не соответствует законам формальной логики.

Abstract

In the article the author analyzes the problem of the use of legal terms «magistrate», «District Court», «local courts» and «general courts» in the history of law and comes to the conclusion that the use of the terms "local courts" and "circuit courts" is not comply with the laws of formal logic.

Ключевые слова: мировой судья, окружной суд, местные суды, общие суды

Keywords: magistrate, District Court, local courts, general courts

Определяя понятие «мировой судья», исследователи отмечают неясность компонента «мировой» в этом названии. Так, С.В. Лонская указывает, что для лиц, не обладающих юридическими знаниями, «мировой» может означать нечто, относимое к территории, т.е. «мировой» как синоним к слову «всемирный»[6; С. 7].

В то же время для понятия «мир», кроме его географического значения, характерен так же смысл «мир, как состояние отсутствия конфликта» и «мир, как совокупность людей». В современных орфографических правилах отсутствует различие в написании этого слова в зависимости от его значения, но в дореволюционной орфографии различались «мир» и «міръ»[7].

Учитывая, что во всех источниках, относящихся по времени своего создания ко времени действия дореволюционных орфографических правил, а также во всех нормативных актах того периода мы встречаем написание «мировой», приняв допущение о том, что мировой судья не имеет отношения к каким-либо надгосударственным органам всемирного значения, следует говорить о том, что термин «мировой судья» употребляется законодателем в значении «судья, разрешающий конфликты», или «судья, приводящий к миру, как к состоянию отсутствия конфликта».

Такую позицию подтверждает и анализ зарубежного законодательства, в котором судьи, сходные по полномочиям с дореволюционными или современными российскими мировыми судьями, именуется терминами, имеющими схожий перевод в русском языке.

Например, в Великобритании мировые судьи именуются «justice of the peace», от «peace» – мир, спокойствие в отличие от «world» – мир, вселенная. Во Франции, в свою очередь, мировые судьи известны под названием «judge de paix», где «paix» переводится аналогично английскому «peace» – мир, покой, в отличие от «le monde» – мир, свет, вселенная.

Таким образом, мы определились, что, употребляя термин «мировой судья», Судебные Уставы имеют в виду судью, который должен, в первую очередь, пытаться привести стороны к миру, погасить конфликт. Именно поэтому мировому судье подсудны мелкие гражданские и уголовные дела – те, где возможно или безболезненно примириться, или назначить наиболее мягкое наказание.

Гораздо больше вопросов, на наш взгляд, вызывает соотношение терминов «мировой судья» и «мировой суд».

Многие исследователи склонны отождествлять эти два понятия. Так, например, вышеупомянутая С.В. Лонская дает следующее определение мирового судьи: «Мировой

судья – это лицо, наделенное полномочиями осуществлять функции мировых судов», а мировой суд она определяет, как «местный (локальный) судебный или административно-судебный государственный орган ограниченной юрисдикции, рассматривающий и разрешающий малозначительные дела по упрощенной процедуре»[6; С. 8-9]. В дальнейшем, по тексту монографии, а так же по текстам опубликованных научных статей видно, что автор отождествляет понятия «мировой суд» и «мировой судья».

По нашему мнению, делать этого не следует.

Судья есть должностное лицо государства, носитель судебной власти. В Судебных Уставах не содержится непосредственного определения термина «судья», однако в современной России термин нормативно закреплен в части 1 статьи 11 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации». Согласно этому нормативному акту, судьями являются лица, наделенные в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе [10; Ст. 1-11].

Суд – орган государства, осуществляющий правосудие в форме рассмотрения и разрешения уголовных, гражданских, административных и некоторых иных категорий дел в установленном законом данного государства процессуальном порядке [2]. Законодательного закрепления термин «суд» ни в Судебных Уставах, ни в современном законодательстве не получил.

В нашем понимании, следует отличать термины «суд» и «судья» в смысле самостоятельности их действий. Судья какого-либо суда, рассматривая или разрешая дело единолично или коллегиально, всегда действует от имени суда.

Поэтому под «судом» следует понимать некоторую совокупность судей, действующих не от себя лично, а от имени какого-либо суда.

Мировой же судья осуществляет полномочия в рамках своего участка единолично, действуя от своего имени, а не от имени какого-либо суда.

Следует также отметить, что как в Судебных уставах, так и в современном российском законодательстве, не встречается термин «мировой суд», но повсеместно используются термины «мировой судья», «мировые судьи».

Таким образом, в российской действительности единственно верным на наш взгляд термином, обозначающим проявление мировой юстиции, как в период судебной реформы 1864 года, так и в настоящее время, является «мировой судья», а не «мировой суд».

Говоря о проблематике терминологического определения окружных судов, прежде всего, следует определить, что понимать под «округом».

Данное понятие является многозначным и включает в себя значения округа как административно-территориальной единицы и округа как части территории, выделенной по ведомственному признаку. В законодательстве Российской империи термин «округ» применялся в обоих этих значениях.

Округ как административно-территориальная единица существовал как в качестве самостоятельной единицы, сходной по статусу с губернией (Сухумский и Закатальский округа), так и в качестве более мелкой структурной единицы в некоторых областях (Амурская, Батумская, Дагестанская, Карская, Терская, Якутская, а также – область Войска Донского) и губерниях (Черноморская) Российской империи.

В качестве ведомственных округов, помимо судебных, выделялись военные (территориальное общевойсковое объединение соединений, частей, военно-учебных заведений и различных местных военных учреждений. Всего существовало 14 военных округов – Варшавский, Виленский, Двинский, Иркутский, Кавказский, Казанский, Киевский, Минский, Московский, Одесский, Омский, Приамурский, Петербургский и Туркестанский [12; С. 861]), горные (административные районы горнодобывающей промышленности. Среди них выделялись Вятский, Восточный, Верхотурский, Екатеринбургский, Западный, Оренбургский, Пермский, Уфимский, Бакинский, Владикавказский, Кутаисский,

Эриванский, Ачинско-Минусинский, Семипалатинско-Семиреченский, Северо-Енисейский, Тобольско-Акмолинский, Томский, Южно-Енисейский, Амурский, Бирюсинский, Восточно-Забайкальский, Западно-Забайкальский, Ленский, Приморский, Днепроовско-Таврический, Луганский, Харьковско-Бахмутский, Юго-Западный, Нижневолжский и Средневолжский, Бендинский, Домбровский, Келецкий, Люблинско-Варшавский, Радомский, Ченстоховский, Вологодско-Архангельский, Олонецкий, Астраханско-Саратовский, Воронежско-Донской, Макеевский и Замосковский округа [4]), пограничные (округа Отдельного корпуса пограничной стражи, предназначенные для охраны границ Российской Империи. Включали в себя восемь округов. Семь из них - номерные, восьмой - Заамурский пограничный округ), почтово-телеграфные (округа почтово-телеграфного управления МВД. Выделялись Архангельский, Варшавский, Владикавказский, Гродненский, Екатеринославский, Забайкальский, Иркутский, Казанский, Кишинёвский, Киевский, Минский, Московский, Одесский, Омский, Орловский, Пермский, Приамурский, Рижский, Ростовский, Самарский, Петроградский, Саратовский, Смоленский, Тамбовский, Тифлисский, Томский, Туркестанский, Харьковский и Ярославский [8; С. 30-31]), таможенные Округа Таможенного департамента Министерства финансов, по наблюдению границы Российской Империи. Выделялись Петербургский, Виленский, Варшавский, Радомский, Радзивиловский, Южный, Батумский, Бакинский и Туркестанский таможенные округа [8; С. 31-32]), учебные округа (единицы административно-территориального деления некоторых образовательных учреждений. Всего существовало 15 учебных округов - Белорусский, Варшавский, Виленский, Дерптский (с 1893 г. – Рижский), Западно-Сибирский, Кавказский, Казанский, Киевский, Московский, Одесский, Оренбургский, Санкт-Петербургский (с 1914 г. - Петроградский) и Харьковский [13]), округа путей сообщения (Округа Министерства путей сообщения, по отношению к наблюдению за состоянием железнодорожных и водных путей сообщения. Выделялись Петербургский, Вытегорский, Московский, Казанский, Киевский, Ковенский, Варшавский, Кавказский и Томский округа [8; С. 31-32]) и некоторые другие.

Вполне очевидно, что в понятии «окружной суд» имеется в виду ведомственный судебный округ, но не стоит при этом отождествлять судебные округа в вышеозначенных областях и губерниях с территориями их округов как административно-территориальных единиц, поскольку одному округу не всегда соответствовал один окружной суд.

Не следует также путать окружные суды, созданные в ходе реформы 1864 года с окружными судами времен Екатерины II. Так, в «Учреждениях для управления губерний» указано, что наместничества разделяются на уезды или округи, а в каждом уезде или округе создается уездной или окружной суд [9; Ст. 16-18]. В данном случае наименование «окружной суд» восходит к названию административно-территориальной единицы того времени – «округа».

Кроме этого, в некоторых регионах Российской Империи существовали специальные судебные органы, которые также носили название окружных судов, но не имели никакого отношения к судебной реформе 1864 года. Так, например, в уже упомянутых нами Терской и Кубанской областях, а вместе с ними и в Закавказском округе существовали так называемые окружные словесные суды, созданные в 1860 году как органы военно-народного управления [11; С. 97-99].

Затронув терминологические проблемы названия окружных судов, следует, на наш взгляд, также остановиться на противопоставлении понятий «общих» и «местных» судов.

К первым относятся окружные суды и судебные палаты, ко вторым – мировые судьи и их съезды. При этом понятие «общие» суды – исключительно доктринальное, поскольку в Судебных Уставах не упоминается. Термин же «местные» по отношению к мировым судьям в законодательстве применен лишь однажды: статья 26 Учреждения судебных установлений указывает, что список лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи, составляется за три месяца до выборов, по каждому мировому округу отдельно, уездным предводителем дворянства по соглашению с городским головою и *местными* (курсив наш – С.С.) мировыми судьями [3; Ст. 26].

В последнем случае ясно, что термин «местные» используется в значении «относящийся к определенной местности, области». Однако, одним из иных значений термина «местный» является также «распространяющий свое действие только на часть чего-либо целого; не общий». Учитывая, что окружные суды распространяют свою юрисдикцию на строго ограниченное законодателем число уездов, их тоже можно назвать «местными» во втором приведенном нами значении этого термина.

С другой стороны, термин «общие суды», используемый в сложившейся юридической практике, так же создает правовую неопределенность, поскольку указывает в данном случае на двоякое значение: с одной стороны «всеобщий, касающийся всех», как терминологическое подтверждение отказа от принципа сословности дореформенного судоустройства, а с другой стороны – «распространяющийся на всё, охватывающий всё», как указание на то, что этим судом рассматриваются и гражданские и уголовные дела.

При этом Судебными Уставами предписано, что судебная власть, как окружных судов, так и мировых судей, распространяется лица всех сословий и все дела, гражданские и уголовные, а ведомство этих судебных органов ограничивается особыми участками и округами.

Одновременно с этим признается, что помимо общих, существуют еще и особые судебные установления – духовные, военные, коммерческие и крестьянские суды, власть которых определяется особыми о них постановлениями. Это означает, что законодатель фактически противопоставляет эти «особые» установления мировым судьям и окружным судам, которых в данном случае приходится вместе воспринимать как «общие». Тем не менее, «общими» судами называют лишь окружные. В этом контексте именование мировых судей «местными» будет означать их противопоставление «общим» судам, что неверно с точки зрения их юрисдикции, в которую входят как гражданские, так и уголовные дела.

Кроме того, термин «общие суды» применяется так же к некоторым судебным установлениям Великобритании [5], [1], что дополняет сложившуюся терминологическую неопределенность.

Таким образом, определение мировых судей как «местных» указывает на их территориальную юрисдикцию, а определение окружных судов как «общих», указывает на их родовую юрисдикцию и всеобщность судебной системы. Представляется, что основания для классификации в данном случае разные, а значит, классификацию нельзя считать соответствующей законам логики.

Библиографический список

1. Баранов В.Ф. Возникновение и развитие английского общего права в XII-XVII веках: диссертация... кандидата юридических наук. Москва. 2012. 258 с.
2. Большой юридический словарь. // А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М. 2003.
3. Высочайше утвержденное 20 ноября 1864 года Учреждение судебных установлений // ПСЗРИ С. II Т. XXXIX № 41475. Ст. 26.
4. Горная энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Е. А. Козловского. 1984—1991.
5. Дайси А.В. Основы государственного права Англии: Введение к изучению английской конституции / пер. под ред. проф. П.Г. Виногорова. М., 1905. 688 с.
6. Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. Калининград. 2000. 215 с. С. 7
7. Мир / Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.
8. Статистический справочник ЦСК МВД 1915 г., отд. I, С. 30-31
9. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 года // ПСЗРИ С. I Т. XX № 14392. Ст. 16.

10. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. ст. 1-11.
11. Халифаева А.К. Окружные суды по «Положению об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом» от 5 апреля 1860 г. // Юристь-Правоведъ. 2004. № 2. С. 97-99.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Вкл—Воз. Источник: т. VIа, с. 861
13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Ус—Уя. т. XXXV, С. 104—105.

СЕКЦИЯ Прикладная и математическая ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

Громова В.И.

Саратовский областной институт развития образования

ЗАМЕТКИ О ПРОЕКТАХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ

Аннотация

В статье содержатся рекомендации по подготовке проектов на уроках русского языка в 5 классе в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом. Автором предлагаются примеры заполнения аннотации проекта, даются советы по составлению программы проектной деятельности, а также представляются критерии оценивания проектов.

Abstract

The article contains recommendations on preparation of projects on the Russian language lessons in class 5 in accordance with Federal state educational standard. The author offers examples of filling in annotations of draft, with tips for program planning project activities and presented the criteria for the evaluation of projects.

Ключевые слова: метод проектов, долгосрочные проекты, мини-проекты, критерии оценивания проектов, классификация проектов, аннотация проекта, программа проектной деятельности, Федеральный государственный образовательный стандарт.

Key words: method of projects, long term projects, mini-projects, the criteria for the evaluation of projects, classification of projects, project summary, a program of project activities, Federal state educational standard.

В последнее время все чаще можно услышать слово *проект*, и это является не столько данью моде, сколько насущной потребностью современного образования. Тем более, умение вести проектную деятельность становится необходимым с обязательным введением новых стандартов с 1 сентября 2015 года.

В нашей статье мы попытаемся обобщить основные моменты, касающиеся проектов, которые необходимо знать учителю, кроме того, мы предложим варианты работы над долгосрочными и краткосрочными проектами по русскому языку в 5 классе.

По мнению Н.Ю. Пахомовой, проект – «это и задание для учащихся, сформулированное в виде проблемы, и их целенаправленная деятельность, и форма организации взаимодействия учащихся с учителем и учащихся между собой, и результат деятельности как найденный ими способ решения проблемы проекта» [11, с. 18]. То есть, автором разграничиваются два значения слова «проект»: 1) проект – как результат

проектировочной деятельности; 2) проект – как форма организации совместной деятельности людей.

Мы в нашей статье более подробно остановимся на последнем значении этого слова, рассматривая **проект** как «комплекс самостоятельно выполняемых действий, направленных на получение продукта, который помогает решить важную для автора проекта проблему» [6, с. 6].

Для рациональной организации работы необходимо понимать, что проекты бывают разные. Обычно при **классификации** учитываются следующие типологические признаки [14, с. 19]:

- доминирующая деятельность учащихся,
- предметно-содержательная область,
- число участников,
- координация,
- характер контактов,
- продолжительность проекта.

Полный комплект проекта (портфолио) должен иметь следующие документы:

- паспорт проекта;
- планы и графики выполнения этапов проекта;
- отчеты рабочих групп;
- рисунки, эскизы, чертежи, наброски проектного продукта;
- материалы к презентации;
- результаты экспертизы [9, с.29].

Учителю очень важно знать, что проект, по мнению многих ученых, — это «**пять П**»: Проблема — Проектирование (планирование) — Поиск информации — Продукт — Презентация.

Шестое «П» проекта — его Портфолио, т. е. папка, в которой собраны все рабочие материалы проекта [13, с. 9].

Большинством исследователей выделяются следующие **этапы работы над проектом**.

1. Постановка проблемы. Анализ проблемы. Выбор темы проекта.
2. Выдвижение гипотез решения проблемы и планирование деятельности по реализации проекта (формирование групп, поэтапное планирование работы).
3. Сбор и структурирование информации. Оформление проектной папки (портфолио).
4. Изготовление и оформление продукта.
5. Выбор формы презентации и подготовка презентации.
6. Презентация.
7. Рефлексия.

Поскольку учебные проекты бывают разные, в зависимости от ведущего характера деятельности, то и **методика осуществления конкретного проекта** будет несколько отличаться [7, с. 40].

Социальный проект

Цель – решение социальных задач, отражающих интересы участников проекта или внешнего заказчика. Продукты: газета, журнал; законопроект; мультимедийный продукт; учебное пособие; web-сайт; атлас, карта; видеофильм и др.

Исследовательский проект

Цель – формирование у учеников навыков учебного исследования. Продукты: сравнительно-сопоставительный анализ по теме исследования; научный доклад; анализ данных социологического опроса; публикация в СМИ; web-сайт; атлас, карта; справочник молодежного сленга и др.

Информационный проект

Цель – сбор информации о каком-либо объекте или явлении с целью анализа, обобщения и представления информации для широкой аудитории. Продукты: видеофильм;

газета, журнал; экскурсия; коллекция; мультимедийный продукт; прогноз; справочник; веб-сайт и др.

Творческий проект

Цель - развитие творческого потенциала личности. Продукты: сборник сочинений, стихов, рисунков; видеофильм; выставка; коллекция: гипермедиа-сочинение, буктрейлер, фанфик.

Игровой проект

Цель – воссоздание различных социальных или деловых отношений через игровые ситуации. Продукты: деловая игра, ролевая игра, праздник, спектакль.

Одним из обязательных элементов портфолио является аннотация проекта.

Представляем вам следующую **модель проекта**.

- Тема проекта
- Тип проекта
- Возрастная категория учащихся
- Цель проекта
- Задачи проекта
- Проблема проекта
- Гипотеза решения проблемы
- Группы для реализации проекта
- План работы с учащимися
- Срок реализации
- Источники информации
- Продукт (продукты) проекта
- Форма защиты проекта

Заполняется подобная схема таким образом.

В качестве примера приведем модель проекта «Дворик для души» (разработан группой учителей из Базарно-Карабулакского района Саратовской области).

– Тема проекта – «Дворик для души».

– Тип проекта – социальный.

– Возрастная категория учащихся – 5 класс.

– Цель проекта: благоустройство школьной территории как места препровождения детей в свободное от учебы время.

– Задачи проекта: 1) определить степень значимости данного проекта через анкетирование учащихся и их родителей; 2) выяснить, как решалась эта проблема в других общеобразовательных учреждениях.

– Проблема проекта – отсутствие места отдыха детей младшего школьного возраста во внеурочное время.

– Гипотеза решения проблемы: будет дворик для души – будут созданы условия для эстетического, патриотического и трудового воспитания детей.

– Группы для реализации проекта: волонтеры, озеленители, бухгалтеры, монтажники.

– План работы с учащимися: 1. Рассчитать смету. 2. Расчистить территорию и озеленить её. 3. Монтировать детскую площадку. 4. Создать волонтерскую группу по охране объекта и по организации игр на площадке.

– Срок реализации – сентябрь – май.

– Источники информации – Интернет-ресурсы.

– Продукт (продукты) проекта – макет площадки.

– Форма защиты проекта – статья в местную газету.

Или приведем другой пример – модель проекта «Фразеологизмы в речи учащихся МОУ ООШ №5 г. Петровска Саратовской области».

– Тема проекта – «Фразеологизмы в нашей речи».

– Тип проекта – исследовательский.

- Возрастная категория учащихся – 5-6 классы.
- Цель проекта: обосновать необходимость использования фразеологизмов в речи.
- Задачи проекта: 1) определить наиболее частотные фразеологизмы в речи учащихся школы; 2) провести наблюдение и анкетирование.
- Проблема проекта – неумение учащихся использовать в своей речи фразеологизмы.
- Гипотеза решения проблемы – неуместное употребление фразеологизмов приводит к недопониманию и бедности речи.
- Группы для реализации проекта: теоретики, наблюдатели, оформители, аналитики.
- План работы с учащимися: 1. Изучение литературы о фразеологизмах. 2. Наблюдение за речью школьников. 3. Оформление словаря. 4. Оформление доклада.
- Срок реализации – 2 четверть.
- Источники информации – речь обучающихся.
- Продукт (продукты) проекта – презентация, словарь, научный доклад.
- Форма защиты проекта – выступление на конференции.

При подготовке проекта мы должны также учитывать такой момент: «следует помнить об одном из приоритетных направлений курса русского языка в школе – усилении культурно-исторической составляющей курса, в основу которой в современных условиях должна быть положена ориентация не только на формирование самых общих представлений о взаимосвязи языка и культуры, истории народа – его носителя, о национально-культурной специфике русского языка, но и на овладение концептами как традиционной, так и современной русской (и шире – российской) культуры, выявление общего и специфического в культуре русского и других народов России и мира» [5, с. 154].

Давайте посмотрим с этой точки зрения на то, какие **темы долгосрочных проектов** предлагаются в УМК по русскому языку для 5 класса.

В учебнике под ред. Г.Г. Граник все проекты маркированы (рубрика «Проект»). Например, упр. 200. «Выберите один из творческих проектов: 1) «Сборник сочинений нашего класса о животных»; 2) «Сборник стихов и рассказов о животных». Включите в ваш сборник не только самостоятельно подобранные тексты, но и тексты о «братьях наших меньших» из учебника. Материалы оформите в виде рукописного или электронного журнала» [3, с. 151].

В учебнике под ред. А.Д. Шмелева темы долгосрочных проектов также маркированы (рубрика «Проектное задание»). К примеру, упр. 115. «1) Подготовьте устный рассказ об экслибрисах. Используйте все прочитанные на эту тему тексты. 2) Какие школьные предметы затрагивали тему о создателях славянской азбуки и о самой азбуке? Составьте вопросы к этой теме. Выберите самые интересные вопросы и проведите викторину «История букв» на одном из уроков повторения. 3) Как в вашем городе, селе, в вашей школе отмечают День славянской письменности и культуры? Приходилось ли вам принимать участие в этом празднике? Предложите план или сценарий такого праздника» [15, с. 137].

Кроме того, во 2-ой части учебника А.Д. Шмелев предлагает следующие темы долгосрочных проектов:

- для работы в группе: «Наш словарь», «Карточки для словарной работы»;
- для работы в паре: «Виды письменности», «Лингвистическая сказка», «Веселая лингвистика»;
- индивидуальные проекты: «Мой словарик», «Рукописная книга».

В остальных учебниках по русскому языку для 5 класса не предлагается столь детального описания возможных будущих проектов.

Для систематической работы над долгосрочными и недельными проектами в 5 классе предлагаем следующую **программу**.

В I четверти можно запланировать проект «Город без орфографии» (возможные виды продуктов: презентация, сочинение, спектакль, выставка рисунков, мультпроект «Орфографический дозор», слайд-шоу).

Во II четверти можно организовать следующие проекты:

- «Школьные синонимы» (продукт: словарь школьных синонимов),
- «Народная мудрость в русских и татарских пословицах» (продукты: буклет, презентация, лингвистическая сказка),
- «Наш словарь» (продукты: словарики класса, презентация, статья),
- «Наши имена» (продукты: словарь имен учащихся 5 класса, презентация, буклет),
- «Профессиональные слова в повседневной жизни» (на примере речи родителей) (продукты: словарики, презентация, книжка-загадка «Угадай профессию», игра, инсценировка),
- «Диалектизмы в речи жителей ...села (деревни)» (продукты: стенгазета, словарь диалектизмов),
- «Самые важные слова» (продукты: словарь, презентация, буклет),
- «Молодежный сленг учащихся 5 класса» (продукты: словарь молодежного сленга, презентация),
- «Сквернословию – нет!» (продукты: газета, плакат, стенд, лозунг).

В III четверти можно выбрать такие проекты:

- «Природа – наш дом, в котором мы живем» (продукты: плакат, фильм, листовка, книжка-самоделка),
- «Удивительный край – Саратовская земля» (продукты: сочинение, выставка фото, сценарий, публикация в СМИ, рукописная карта),
- «Моя улица» (продукты: КВН, презентация, видеоролик, рукописный альбом),
- «Волга в творчестве русских писателей» (продукты: презентация, выставка рисунков, веб-квест, сайт, сборник собственных стихов),
- «Наш знаменитый земляк» (продукты: сценарий, презентация, буклет).

Завершить учебный год можно следующими проектами:

- «Спорить или ссориться» (продукт: презентация),
- «Дворик для души» (продукт: статья в местную газету),
- «История письменности» (продукты: презентация, статья),
- «Я – помощник учителя» (продукты: карточки для словарной работы, алгоритмы, схемы, шаблоны).

Отметим также, что в большинстве действующих учебников по русскому языку задания для проектной деятельности никак не маркированы.

Кроме того, по утверждению С.В. Абрамовой, «граница, разделяющая исследовательские проекты и учебно-исследовательскую работу учащихся, очень тонкая: принципиально отличает исследовательский проект от исследовательской работы наличие продукта, запланированного заранее» [1, с. 6]. Мы же знаем, что урок, соответствующий ФГОС, на выходе всегда должен иметь *продукт*. В этом случае многие упражнения, предлагаемые в современных УМК, можно интерпретировать как **мини-проекты**, т.е. проекты, реализуемые в ходе урока.

В учебнике под ред. М.М. Разумовской темы таких проектов чаще всего можно найти в рубрике «Дополнительные задания к упражнению». Например: «Напишите сочинение-миниатюру на тему «Листопад». Постарайтесь использовать в качестве средства выразительности однородные сказуемые без союзов» [12, с. 173].

В учебнике под ред. Е.А. Быстровой темы проектов обнаруживаем под рубрикой «Творческое задание», то есть так же, как и в УМК М.М. Разумовской, отдается предпочтение творческим проектам. Например: «Придумайте историю про встречу двух суффиксов с уменьшительно-ласкательным и увеличительно-пренебрежительным значением» [2, с. 25].

В учебнике под ред. С.И. Львовой подобные задания чаще всего распределены в таких типовых упражнениях, как «Пишем творческую работу», «Обращаемся к Интернету», «Проводим самостоятельное мини-исследование», «Проводим конкурс художников», т.е.

уделяется внимание всем видам проектов. Например, упр. 268. Рассмотрите фотографии, на которых изображены современные фантики от конфет. А что бы вы предложили изображать на фантиках от конфет? [8, с.123].

Таким образом, мини-проекты должны занять на уроке свое место. Целесообразнее всего их использовать на этапе самостоятельной работы с самопроверкой по эталону и на этапе построения проекта выхода из затруднения.

В результате анализа многих работ мы пришли к выводу, что в свете введения ФГОС более актуальными будут следующие **критерии оценивания проектов** [4, с. 62] (буквами П, К, Р обозначены формируемые УУД: познавательные, коммуникативные и регулятивные соответственно):

- П1 - умение определять, какая информация нужна для решения задачи,
- П2 - умение извлекать информацию из текстов, таблиц, схем, иллюстраций,
- П3 - умение сравнивать и группировать факты и явления,
- П4 - умение делать выводы на основе обобщения знаний,
- Р1 - умение самостоятельно формулировать цель деятельности,
- Р2 - умение составлять план действий,
- Р3 - умение действовать по плану,
- Р4 - умение проверять и оценивать результаты работы,
- К1 - активность каждого участника проекта в соответствии с его индивидуальными возможностями,
- К2 - коллективный характер принимаемых решений,
- К3 - умение аргументировать свои заключения, выводы,
- К4 - умение отвечать на вопросы оппонентов.

Таким образом, сегодня в школе есть все возможности для развития проектного мышления с помощью особого вида деятельности учащихся – проектной деятельности. Однако «организация проектной и исследовательской деятельности обучающихся в образовательных учреждениях требует грамотного научно обоснованного подхода и решения комплекса задач организационно-управленческих, учебно-методических, кадрового обеспечения, организационно-методических, информационных, дидактических и психолого-педагогических» [10, с. 11]. Некоторые моменты формирования навыков такой работы мы попытались отразить в этой статье.

Библиографический список

1. Абрамова С.В. Русский язык. Проектная работа старшеклассников. 9-11 классы. – М.: Просвещение, 2012. – 176 с.
2. Быстрова Е.А. Русский язык. 5 кл.: учебник для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч.2. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2010. – 288 с.
3. Граник Г.Г. Русский язык. 5 кл.: учебник для общеобразоват. учреждений. В 3 ч. Ч.1. – М.: Мнемозина, 2012. – 223 с.
4. Громова В.И., Сторожева Т.Ю. ФГОС. Диагностические работы по русскому языку. 6 класс. Рабочая тетрадь.– Саратов: ГАОУ ДПО «СарИПКиПРО», 2013. – 96 с.
5. Добротина И.Г. Современные модели уроков русского языка в 5-9 классах. – М.: Просвещение, 2014. – 192 с.
6. Заграничная Н.А., Добротина И.Г. Проектная деятельность в школе: учимся работать индивидуально и в команде. – М.: Интеллект-Центр, 2013. – 196 с.
7. Краля Н.А. Метод учебных проектов как средство активизации учебной деятельности учащихся/ Под ред. Ю.П. Дубенского. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 59 с.
8. Львова С.И. Русский язык. 5 класс: учеб. Для общеобразоват. учреждений. В 3 ч. Ч.1. – М.: Мнемозина, 2012. – 182 с.
9. Нарушевич А.Г. Русский язык. Проекты? Проекты... Проекты! 5-11 классы: учебно-методическое пособие/ Под ред. Н.А. Сениной. – Ростов-на-Дону: Легион, 2013. – 78 с.

10. Организация проектной и учебно-исследовательской деятельности учащихся в соответствии с ФГОС основного общего образования/ М.В. Никитаева. – М.: УП «Перспектива», 2015. – 40 с.
11. Пахомова Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении. – М.: АРКТИ, 2005. – 112 с.
12. Разумовская М.М. Русский язык. 5 кл.: учебник для общеобразоват. учреждений. – М.: Дрофа, 2012. – 317 с.
13. Сергеев И.С. Как организовать проектную деятельность учащихся: Практическое пособие для работников общеобразовательных учреждений. — 2-е изд., испр. и доп.— М.: АРКТИ, 2005. — 80 с.
14. Тарасова И.П. Метод проектов в образовательном учреждении// Приложение к журналу «Профессиональное образование». - 2004. - № 12.
15. Шмелев А.Д. Русский язык. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч 1. – М.: Вентана-Граф, 2012. – 304 с.